

The book cover features a painterly illustration. In the foreground, a young man with dark hair and sunglasses holds an hourglass. The background shows a large, dark, multi-engine aircraft flying over a landscape with mountains and a small figure in the distance. The sky is a mix of blue and white, suggesting clouds or smoke.

СТИВЕН

КИНГ

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕ
ПОЛУНОЧИ

Стивен Кинг

Четыре после полуночи

Серия «Король на все времена»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8107193

*Четыре после полуночи:
ISBN 978-5-17-096895-4*

Аннотация

Четыре повести в одной книге – необычайно увлекательные и захватывающие. Четыре сюжета – настолько оригинально выстроенные, что от них невозможно оторваться...

Одиннадцать пассажиров авиалайнера понимают, что внезапно оказались во власти ужасных тварей – лангольеров...

На снимках, сделанных «Полароидом», вновь и вновь появляется чудовищный монстр, и он все ближе подкрадывается к владельцам камеры...

Писателя опутывает липкая паутина страха – ведь шаг за шагом он обращается в того, кого прежде видел лишь в ночных кошмарах...

В библиотеке маленького городка просыпаются темные силы – из глубин параллельного мира выходит безжалостный мститель-полицейский, готовый убивать...

Содержание

Предисловие	4
Лангольеры	13
Предисловие к «Лангольерам»	13
Глава 1	16
Глава 2	50
Глава 3	86
Глава 4	129
Глава 5	175
Глава 6	216
Глава 7	244
Глава 8	286
Конец ознакомительного фрагмента.	305

Стивен Кинг

Четыре после полуночи

Предисловие

Ровно в полночь

*В пустыне
желтовато-пастельной
увидел я его, в чешуе змея,
косматого, грязного, грозного.
Сжался, нелеп и наг,
от боли зверея,
сердце в ладонях стискивал.
Грыз его. Выл с тоски.*

*Спросил я: «Вкусно ли, друг?»
Дернулся он – вздрогнул.
«Горько, – ответил, – горько.
Жжет – гарью да горем,
огненным привкусом перца.
Да мне – по вкусу,
горько оно – гордо...
Ведь это ж – мое сердце».¹*

Стивен Крейн

¹ Перевод Н. Эристави.

*Детка, я стану тебя целовать.
Исполню все, что дерзнул обещать
в полночный глухой час...*

Уилсон Пикетт

Вы только посмотрите – мы уже здесь. Снова с этим справились. Я надеюсь, что вы также счастливы, как и я. Все это напоминает мне об одной истории, а поскольку я зарабатываю на жизнь (и держу себя в тонусе) рассказыванием историй, то и перехожу к ней.

Пишу я все это в июле 1989 года. Меня словно громом поразило, когда я сидел перед телевизором и смотрел, как бостонские «Красные носки» играют с милуокскими «Пивоварами». Робин Йонт, играющий за «Пивоваров», как раз вошел в «дом», и комментаторы начали обсасывать тот факт, что Робину еще нет и тридцати пяти.

– Иногда кажется, что Робин помогал Абнеру Даблдею делать первые шаги, – говорил Нед Мартин, когда Йонт повернулся к Роджеру Клеменсу.

– Да, – соглашался Джо Кастильоне. – Он пришел к «Пивоварам» сразу после школы, думаю, он играет с 1974 года.

Я аж подпрыгнул, чуть не вывернув на себя банку пепси-колы. «Минуточку, – спохватился я. – Подождите минуточку! В 1974 году я опубликовал свою первую книгу! Это было не так уж и давно! Что он несет насчет первых шагов Абнера Даблдея?»

И тут я подумал, что скорость времени — тема, которая снова и снова будет возникать в нижеизложенных историях, — каждым воспринимается по-своему. Действительно, «Кэрри» опубликовали в 1974 году (точнее, весной, за два дня до открытия бейсбольного сезона, в котором Робин Йонт сыграл свои первые игры за «Пивоваров»), что, по моему разумению, совсем недавно, но есть и другие способы отсчета времени. Исходя из некоторых из них, пятнадцать лет — большой срок.

В 1974 году Джеральд Форд был президентом Соединенных Штатов, а шах еще правил Ираном. Джон Леннон был жив, так же как и Элвис Пресли. Донни Осмонд пел со своими братьями и сестрами. Уже появились на рынке домашние видеомэгнитофоны, но в продажу поступили лишь экспериментальные модели. Знатоки предрекали их всеобщее распространение, утверждали, что «бета-стандарт» фирмы «Сони» превратит своего соперника, VHS, в пыль. Даже перспектива того, что люди будут брать напрокат любимые фильмы, как книги из библиотеки, была еще далеко за горизонтом. Цены на бензин поднялись до заоблачных высот: галлон обычного стоил сорок восемь центов, этилированного — пятьдесят пять.

У меня еще не засеребрилась первая седина. Моей дочери, ныне студентке второго курса колледжа, было четыре года. Старший сын, теперь выше меня ростом, тогда получил свой первый тренировочный костюм. Мой младший

сын, сейчас играющий за детскую бейсбольную команду в чемпионате малой лиги, родился только через три года.

Забавная штука – время. Когда ты садишься в автобус, кажется, что он увезет тебя недалеко, может, на другую окраину города. Но вдруг – бах! И ты уже проехал полконтинента. Вы находите эту метафору наивной? Я тоже, но это не так уж и важно. Главное то, что время совершенно, поэтому даже такие сухие наблюдения, вроде приведенных мною выше, остаются без отклика.

Одно не изменилось за эти годы, как мне представляется, – главная причина, благодаря которой мне (возможно, и Робину Йонту) кажется, что время остановилось. Я занимаюсь все тем же: пишу истории. И не просто пишу, а по-прежнему люблю это дело. Поймите меня правильно – я люблю жену, я люблю детей, но все так же нахожу удовольствие в поиске нехоженных дорог, прогулке по ним, знакомстве с теми, кто там живет. Интересно, знаете ли, посмотреть, что они делают, с кем и даже почему. Я все еще люблю необычность этих путешествий; особенно мне дороги в них моменты, когда поднимается туман и все становится ясным и понятным. В каждой истории главное – ухватить тигра за хвост. Зверь быстр, иногда это получается не сразу, но если уж удастся, то моя хватка крепкая, и мне становится очень хорошо.

Эта книга намечена к публикации на 1990 год, то есть пойдет шестнадцатый год моих трудов на ниве беллетристики.

Где-то на полпути, когда меня давно уже окрестили (не пойму почему) специалистом по «ужасикам», я опубликовал книгу под названием «Времена года». Она включала четыре ранее не публиковавшиеся повести, три из которых никак не попадали под категорию «ужастик». Издатель взял книгу не без некоторой доли сомнения. Я это знаю, потому что и сам сомневался. Как выяснилось, мы оба волновались напрасно. Иногда писателю удается опубликовать книгу, которой сразу уготована счастливая судьба. Такой вот книгой стали для меня «Времена года».

Одну из повестей, «Тело», экранизировали, и фильму «Стой рядом со мной» сопутствовал немалый успех. Это была первая действительно удачная экранизация моего произведения после «Кэрри» (фильм вышел на экраны, когда Робин Йонт сам делал первые шаги в профессиональном бейсболе). Роб Рейтер, снявший «Стой рядом со мной», – один из лучших режиссеров, с кем мне довелось повстречаться, и я горжусь тем, что работал вместе с ним. Меня позабавило, что после успеха фильма «Стой рядом со мной» мистер Рейтер создал кинокомпанию, которую назвал «Касл-Рок продакшн». Думаю, некоторые слова в этом названии покажутся знакомыми моим давнишним читателям.

Большинству критиков книга «Времена года» тоже понравилась. Хотя почти все они набрасывались на одну из повестей. Правда, в жертвы выбирались разные герои, потому я чувствовал, что не должен принимать их нападки близко

к сердцу... и не принимал. Такое удается мне не всегда. В большинстве рецензий «Крестину» заклеямили как неудачный роман, мне пришлось согласиться с тем, что я, возможно, где-то что-то недотянул. Однако эти рецензии не остановили поток переизданий и, соответственно, приходящих на мое имя чеков с причитающимся гонораром.

Я знаю писателей, которые утверждают, что не читают критических статей, и двоим я верю. Они действительно не читают. Я же не такой, как эти двое, обожаю плохие рецензии и всегда размышляю над ними. Но надолго они мне настроение не портят. Достаточно укокошить несколько старушек и малолетних детей, и я снова в отличной форме.

Самое главное, что читателям книга «Времена года» понравилась. Я не помню ни одного письма, автор которого отругал бы меня за то, что я посмел написать нечто, отличное от «ужастика». Большинство читателей спешили сообщить мне, что одна из повестей разбудила их эмоции, заставила думать, чувствовать, и эти письма стали самым дорогим вознаграждением за мои труды. Господи, спаси и сохрани Постоянного читателя! Уста могут говорить, но истории не получится, если не будет внимательно слушающего уха.

То был 1982 год. Милуокские «Пивовары» выиграли первенство Американской лиги, ведомые, естественно, Робинотом Йонотом. Йоноту в тот год признали Самым ценным игроком лиги.

То был хороший год для нас обоих.

Специально я не планировал писать «Времена года». Так уж получилось. Четыре разные истории рождались в разное время на протяжении пяти лет. Для рассказа слишком длинные, для отдельной книги – слишком короткие. Случается и такое, знаете ли. Меня очень порадовал успех этой книги, в то же время я испытывал сожаление, отправляя рукопись в «Викинг-пресс». Я знал, что книга хорошая. Но я знал и то, что второй такой книги мне уже скорее всего не написать.

Если вы думаете, что сейчас я скажу: «Ах, как я ошибался», то вас ждет разочарование. Книга, которую вы держите в руках, совсем не похожа на более ранние. «Времена года» включали три «обычные» повести и лишь одну о сверхъестественном. В этой же книге все четыре повести можно назвать «ужасниками». Они написаны за два последних года, когда я вроде бы удалился на покой, и несколько длиннее тех, что входили во «Времена года». Возможно, они другие и потому, что их замыслы родились в сознании, обратившемся, по крайней мере временно, к темным аспектам нашего бытия.

Например, ко времени и его разрушительному влиянию на человеческое сердце. Или к прошлому, тени которого падают на настоящее... тени, в которых произрастает что-то малоприятное и скрывается что-то еще менее приятное... чтобы иной раз выйти из тени.

Далеко не все мои принципы изменились, наоборот, в большинстве из них я еще больше укрепился. Я по-прежнему верю в жизнерадостность человеческого сердца и в осо-

бую силу любви. Я по-прежнему верю, что люди могут найти друг друга и души, которые живут в нас, иногда соприкасаются. Я по-прежнему верю, что цена этих соприкосновений невероятно высока... но польза, которую они приносят, значительно перевешивает цену, которую приходится за это платить. Я по-прежнему верю в приход эпохи Непорочности и в то, что человек должен найти свое место в жизни... и защищать его до последней капли крови. Все это старомодные принципы, но я был бы лжецом, если б не признал, что так и не отказался от них. Все они по-прежнему со мной.

И я также люблю хорошую историю. Люблю слушать и люблю рассказывать. Вы, возможно, этого не знаете (а может, вам без разницы), но мне заплатили много денег за публикацию этой книги и двух последующих. А известно ли вам, что я не получил ни цента за написание повестей, собранных под обложкой этой книги? Как и все, что происходит само по себе, процесс создания литературного произведения в деньгах не оценить. Иметь деньги очень даже хорошо, но когда речь заходит о творческом акте, про деньги лучше забыть. Можно загубить процесс.

Полагаю, что свои истории теперь я рассказываю несколько иначе (надеюсь, что лучше, но, разумеется, об этом каждый читатель вправе судить сам). Когда «Пивовары» победили в 1982 году, Робин Йонт играл на краю, нынче – в центре. Наверное, немного потерял скорость... но по-прежнему ловит все, что летит в его направлении.

Меня такое вполне устраивает. Все идет нормально.

Поскольку многих читателей интересует, а откуда же берутся все эти истории и не являются ли они некими составными в более широком замысле автора, к каждой из историй я написал предисловие о том, как возникла та или иная идея. Эти предисловия могут вас позабавить, но, если не хотите, можете их и не читать. Это не задание на дом. Слава Богу, контрольную вам писать не придется.

Позвольте закончить, повторив, что как хорошо снова быть с вами, снова с вами говорить... как приятно осознавать, что и вы здесь и готовы пойти в другое место... место, где у стен есть глаза, а у деревьев – уши, где что-то ужасное пытается найти дорогу из подвала или с чердака туда, где живут люди. Эти коллизии все еще интересуют меня... но я думаю, что еще больше меня интересуют люди, которые могут слушать, а могут и не слушать мои истории.

Прежде чем поставить точку, я должен сообщить вам, как закончился бейсбольный матч. «Пивовары» взяли верх над «Красными носками». Йонт (тот самый, что учил Абнера Даблдея делать первые шаги на поле) показал себя молодцом.

Робин еще не сыграл свою последнюю игру.

Я тоже.

Бангор, штат Мэн

Июль, 1989

Лангольеры

Один после полуночи

Посвящается Джо, одному из пилотов

Предисловие к «Лангольерам»

Сюжеты приходят ко мне в разное время и в разных местах: в автомобиле, в душе, на прогулке, даже на вечеринках. В двух случаях они мне приснились. Но очень редко я начинаю писать, как только у меня сверкнет идея. И у меня нет «блокнота сюжетов». Я не записываю идеи и считаю, что это правильно. Возникает их множество, но лишь немногие из них действительно хороши, однако все без исключения идеи я отправляю в картотеку, которая хранится у меня в голове. Плохие там потихоньку распадаются, поэтому, открыв картотечный ящик и посмотрев, что у меня в заглавнике, я нахожу только несколько отличных сюжетов, и каждый с ярким центральным образом.

В «Лангольерах» этот образ – женщина, прижимающая руку к трещине в фюзеляже пассажирского самолета.

Нет нужды говорить, что сам я знаю о пассажирских самолетах очень мало. В этом ни у кого не должно быть со-

мнений, но образ женщины возникал всякий раз, когда я заглядывал в картотеку в поисках нового сюжета. Такой четкий образ, что я даже ощущал духи женщины – назывались они «L'Envoi»², – видел ее зеленые глаза, слышал испуганное, учащенное дыхание.

Как-то вечером, лежа в постели и уже засыпая, я понял, что эта женщина – призрак.

Помнится, я сел, перекинул ноги на пол и включил свет. Какое-то время посидел, не думая ни о чем... по крайней мере сознательно. А вот в подсознании парень, который в действительности делает за меня всю работу, уже трудился, очищая рабочее место и готовясь запустить все свои машины. На следующий день я (или он) начал писать эту повесть. На это ушел месяц, и она далась мне легче, чем остальные повести в этой книге, слово ложилось за словом, эпизод за эпизодом. Иной раз истории и дети выходят на свет Божий без особых мук, эта повесть – тот самый случай. Из-за чувства обреченности, делающего эту повесть несколько похожей на более раннее мое произведение, «Туман», я решил давать каждой главе старомодные подзаголовки. И закончил я повесть в отличном настроении, с пониманием того, что она удалась... такое со мной случается редко.

Я не привык копаться в деталях, но на этот раз пришлось затратить немало времени на подготовку. Трое пилотов – Майкл Руссо, Френк Соарс и Дуглас Деймон – помогали мне

² Послание (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

ничего не перепутать. Стоило мне пообещать, что я ничего не разобью в кабине самолета, и они лезли из кожи вон, чтобы снять все мои вопросы.

Все ли я понял и записал правильно? Едва ли. Это не удалось даже знаменитому Даниелю Дефо. В «Робинзоне Крузо» его герой, раздевшись догола, плывет на корабль, который недавно покинул... а затем набивает карманы всякой всячиной, которая может понадобиться ему на необитаемом острове. А в одном романе (опущу и автора, и название) о нью-йоркской подземке писатель принял кабинки ремонтников за общественные туалеты.

Тут у меня *подход* однозначный: если я что-то изложил правильно – спасибо господам Руссо, Соарсу и Деймону. Если где ошибся – моя вина. И дело не просто в вежливости. Фактологические ошибки не есть результат неверного толкования полученной информации. Причина тому – неумение задать правильный вопрос. Разумеется, я *позволил* себе одну или две вольности в описании самолета, в который вы скоро войдете. Но вольности незначительные и необходимые для сюжета.

Вот теперь все. Прошу на борт.

Полетаем в недружественных небесах.

Глава 1

Плохие новости для капитана Энгла. Маленькая слепая девочка. Банда Долтона прибывает в Томбстоун. Странности рейса 29

1

Брайан Энгл остановил пассажирский лайнер «Л-1011», принадлежащий компании «Американская гордость», у галереи 22 и повернул тумблер, отключающий свет на табличках «Пристегните ремни», ровно в 22.14. Шумно выдохнул и отстегнул ремень безопасности.

Он не помнил случая, чтобы его так радовало завершение полета. И устал он, как никогда. Голова раскалывалась; планы на вечер определились окончательно и бесповоротно. Никакой выпивки в комнате отдыха пилотов, никакого ужина, даже никакой ванны по приезде в Уэствуд. Раздеться – и в кровать. Он намеревался проспать четырнадцать часов.

Рейс 7, Токио – Лос-Анджелес, сначала отложили из-за сильного встречного ветра, а потом из-за неразберихи в ЛАКСе, по мнению Энгла, самом худшем аэропорту Америки, если, конечно, не считать бостонский Логан. Более того, во второй половине полета возникла проблема с герметичностью салона. Поначалу незначительная, но постепенно

ситуация ухудшалась и стала пугающей. Они уже опасались взрывной декомпрессии... но до этого дело не дошло: все как-то стабилизировалось само по себе. Такое нередко случалось, случилось и на этот раз. Пассажиры уже покидали самолет, даже не подозревая о том, что этот полет из Токио мог стать для них последним. Но Брайан это знал... и оттого голова у него просто раскалывалась.

– Эту суку прямо отсюда отбуксируют в диагностический центр, – сообщил второй пилот.

– Там знают, в чем проблема?

Второй пилот кивнул:

– Им это не нравится, но они знают.

– Плевать я хотел на то, что им нравится или нет, Дэнни. Мы сегодня едва не сыграли в ящик.

Дэнни Кин кивнул. Он тоже знал, что едва не сыграли.

Брайан вздохнул, потер шею. Голова не давала ему покоя хуже, чем больной зуб.

– Может, я уже становлюсь староват для таких дел?

Время от времени, обычно после особенно тяжелого перелета, такую фразу говорили многие пилоты, но Брайан чертовски хорошо знал, что он совсем и не стар. Сорок три года – для пилотов гражданской авиации самый расцвет. Тем не менее сейчас он почти что поверил в то, что сказал. Господи, как же он устал!

Постучали. Стив Сирлз, штурман, повернулся в кресле и, не поднимаясь, открыл дверь. На пороге стоял мужчина в зе-

леном блейзере – это фирменный цвет «Американской гордости». Выглядел он как дежурный по галерее, но Брайан знал, что это птица куда более высокого полета. Джон (а может, Джеймс) Диган, заместитель начальника операционного отдела «Американской гордости» в ЛАКСе.

– Капитан Энгл?

– Да? – Он мгновенно принял оборонительную стойку.

Первым делом подумал (мысль эта родилась от усталости и головной боли), что ему предложат взять на себя ответственность за прохуdivшийся самолет. Паранойя, конечно, но в этот момент Брайан Энгл мог предположить что угодно.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, капитан.

– Насчет разгерметизации? – резко спросил Брайан, и несколько пассажиров, проходивших мимо двери в кабину пилотов, обернулись, но слово не воробей, вылетит – не поймешь.

Диган покачал головой:

– Насчет вашей жены, капитан Энгл.

Энгл не мог взять в толк, чего от него хочет этот человек, а потому молча таращился на Дигана. Наконец до него дошло. Речь, разумеется, шла об Энн.

– Она моя бывшая жена. Мы развелись восемнадцать месяцев назад. Что с ней?

– Несчастный случай. Может, пройдем в контору?

Брайан с любопытством посмотрел на него. После трех нервных часов полета происходящее сейчас казалось ему ка-

ким-то нереальным. Он едва подавил желание предложить Дигану катиться к чертовой матери. Но, разумеется, не предложил. В авиационных компаниях не принято разыгрывать шутки с пилотами, тем более с теми, кто только что прошел по самому краю пропасти.

– Что, Энн в порядке? – повторил Брайан уже мягче, заметив, что второй пилот смотрит на него с сочувствием.

Диган разглядывал свои начищенные туфли, и Брайан понял, что новости действительно плохие и с Энн далеко не все в порядке. Понял, но отказывался в это поверить. В тридцать четыре года Энн отличали отменное здоровье и умеренность в привычках. Он также подумал, что более здравомыслящего водителя нет во всем Бостоне... может, во всем штате Массачусетс.

Тут он услышал, как задает еще один вопрос... Брайану показалось, что какой-то незнакомец проник в его мозг и использует его рот вместо громкоговорителя.

– Энн мертва?

Джон, или Джеймс Диган, огляделся как бы в поисках поддержки, но у люка стояла одна-единственная стюардесса, желавшая пассажирам провести приятный вечер в Лос-Анджелесе и бросающая тревожные взгляды на пилотов. Возможно, ее волновало то же, что минуту назад и Брайана: как бы на команду не возложили вину за утечку воздуха, превратившую последние часы полета в сущий кошмар. Так что Диган мог рассчитывать только на себя. Он вновь посмотрел на

Брайана и кивнул:

– Да... боюсь, что мертва. Вы пройдете со мной, капитан Энгл?

2

В четверть первого Брайан Энгл уже устроился в кресле 5а рейса 29 (Лос-Анджелес – Бостон) авиакомпании «Американская гордость». Рейс этот завсегда таи трансконтинентальных перелетов называли «красный глаз»³. До взлета оставалось пятнадцать минут. Брайан вспомнил, что после Логана ЛАКС считается самым опасным аэропортом. Получалось, что в течение восьми часов ему предстояло посетить оба эти аэропорта: ЛАКС – пилотом, Логан – пассажиром.

После посадки боль не прошла, а только усилилась. «Голова у меня горит огнем, – думал Брайан. – Просто полыхает. Что произошло с пожарными детекторами? Здесь же стоит лучшая автоматика...»

За последние четыре или пять месяцев он практически не вспоминал об Энн. В первый год после развода Энн буквально не выходила у него из головы. Что она делает, как одевается, конечно же, с кем видится? Энн все время стояла у Брайана перед глазами. Он достаточно много читал о разводах, чтобы знать, как выйти из такого состояния: лекарства тут

³ Название ночных рейсов, билеты на которые стоят дешевле.

не помогали, а вот другая женщина могла бы. Как известно, клин клином вышибают.

Но другой женщины у Брайана не появилось, во всяком случае, пока. Несколько ничего не значащих свиданий, один осторожный сексуальный контакт (он пришел к твердому убеждению, что в эпоху СПИДа все внебрачные сексуальные контакты должны быть осторожными), но не другая женщина. Он просто... излечился.

Брайан наблюдал за поднимающимися на борт пассажирами. Молодая светловолосая женщина шла с маленькой девочкой. Маленькая девочка была в черных очках и держалась за локоть женщины, которая что-то тихонько ей сказала. Ребенок тут же повернулся на голос, и Брайан по движению ребенка понял, что девочка слепая. «Забавно, – подумал он, – сколь многое могут подсказать мелочи».

Энн, напомнил ему внутренний голос. *Не пора ли подумать об Энн?*

Но его усталый мозг старался уйти от этой темы. Не хотелось думать об Энн, теперь покойнице, его бывшей жене, единственной женщине, которую он со злости ударил.

Может, ему пора читать лекции? Разведенным мужчинам, да, пожалуй, и женщинам, почему нет? Тема: развод и умение забывать.

«Оптимальное время для развода – самое начало пятого года супружеской жизни, – сказал бы им Брайан. – Возьмем мой случай. Год после развода я провел, словно в чистили-

ще, задаваясь вопросом, какая часть вины лежит на мне, а какая – на ней, гадая, правильно ли я поступал, вновь и вновь заводя разговор о детях. В этом мы никак не могли сойтись, хотя речь шла не о наркотиках или супружеской неверности. Дети против карьеры, ничего больше. А потом у меня в голове словно возник скоростной лифт: Энн была в кабине, и лифт рухнул вниз».

Да. Рухнул. Исчез вместе с Энн. И несколько последних месяцев он об Энн совсем не думал... даже когда подходил срок очередной выплаты алиментов. Они разошлись полюбовно. Энн сама зарабатывала восемьдесят тысяч долларов в год, до вычета налогов. Деньги выплачивались через его адвоката, обычная статья ежемесячных расходов, две тысячи долларов, больше счета за электричество, но меньше взноса за квартиру в кондоминиуме.

Брайан наблюдал, как мимо прошел юноша в ермолке, под мышкой он нес футляр для скрипки. Нервный и взволнованный взгляд, устремленный в будущее. Брайан ему позавидовал.

В последний год совместной жизни они выплеснули друг на друга немало злобы и горечи, пока наконец, за четыре месяца до того как расстались, не случилось, наверное, неизбежное: рука Брайана среагировала прежде, чем мозг успел остановить ее. Он не любил это вспоминать. Энн крепко выпила на вечеринке, а когда вернулись домой, выдала ему по полной программе.

«Оставь меня в покое, Брайан. Говорю тебе, оставь. Чтоб больше никаких разговоров о детях. Хочешь проверить свою сперму – иди к врачу. Моя работа – реклама, а не производство детей. Надоел мне твой мужской шови...»

Тут он Энн и ударил, сильно, по губам. Удар вышиб у нее изо рта последнее слово. Они стояли друг против друга в квартире, где потом ей предстояло умереть, шокированные и испуганные (тогда он себе в этом не признался, но теперь, сидя в кресле 5а и наблюдая за поднимающимися на борт пассажирами рейса 29, мог позволить себе такую роскошь). Энн коснулась пальцами губ, которые начали кровоточить. Протянула руку к нему.

Ты меня ударил. В голосе слышалась не злость, а изумление. Скорее всего это был первый случай, когда кто-то в гневе приложил руку к Энн Куинлэн Энгл.

«Да, – тогда ответил он. – Можешь не сомневаться. И ударю снова, если ты не заткнешься. Больше ты не будешь сечь меня своим язычком. Лучше повесь на него замок. Говорю это для твоего же блага. Больше такого не повторится. Хочешь кого-то пинать в доме – заводи собаку».

Четыре месяца они еще прожили вместе, но семейная жизнь закончилась в тот момент, когда ладонь Брайана соприкоснулась с губами Энн. Его спровоцировали, Господь знает, что спровоцировали, но Брайан все равно многое отдал бы за то, чтобы того, что случилось, не произошло.

На борт поднимались последние пассажиры, и Брайан по-

чему-то подумал о духах Энн. Запах он помнил, а вот название – нет. Как же они назывались? «Лиссам»? «Литсам»? Может, «Литиум»? Тепло, тепло. Но название вспомнить ему так и не удалось.

«Мне ее недостает, – мрачно решил Брайан. – Теперь, когда она ушла навсегда, мне ее недостает. Это же надо!»

«“Лаунбой”? Чуть собачья!»

«А может, хватит? – спросил он у внутреннего голоса. – Поставь точку, а?»

Ладно, легко согласился внутренний голос. Нет проблем. Могу поставить точку. Как захочу, так и поставлю. Или «Лаббью»? Нет, это мыло. Извини. «Лавбайт»? «Лавлорн»?

Брайан застегнул ремень безопасности, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и вдохнул запах духов, название которых никак не мог вспомнить.

Именно в этот момент к нему обратилась стюардесса. Конечно же! Брайан Энгл точно знал, что именно этому девушке и обучали на спецкурсе после получения удостоверения об окончании учебного заведения: подождать, пока пассажир закроет глаза, и тут же предложить ему какую-нибудь незначительную услугу. К примеру, как только пассажир заснул, осведомиться, не нужны ли ему одеяло и подушка?

– Простите, пожалуйста... – начала она и замолчала. Брайан увидел, как ее взгляд сместился с его погон на форменную фуражку, что лежала рядом на пустом сиденье.

Стюардесса, однако, быстро оправилась от удивления и предприняла вторую попытку.

– Извините меня, капитан, но не хотите ли выпить кофе или апельсинового сока? – Брайан заметил, что его взгляд заставил девушку чуть покраснеть. Она указала на маленький столик под телевизором. На нем стояли два ведерка со льдом, из которых выглядывали зеленые горлышки бутылок. – Разумеется, у нас есть и шампанское.

Энгл подумал, а не выпить ли ему шампанского, но тут же отмел эту мысль.

– Ничего не надо, благодарю. И в полете мне ничего не потребуется. Думаю, буду спать до самого Бостона. Как с погодой?

– Облака на высоте двадцати тысяч футов над Великими равнинами до самого Бостона, но это не проблема. Мы полетим на высоте тридцать шесть тысяч. Да, нам сообщили о северном полярном сиянии над пустыней Мохава. Возможно, вы захотите на него посмотреть.

– Вы шутите! Северное полярное сияние над Калифорнией? В это время года? – Брови Брайана взлетели вверх.

– Так нам сказали.

– Кто-то перебрал дешевых наркотиков. – Стюардесса рассмеялась. – Нет уж, я, пожалуй, посплю.

– Очень хорошо, капитан. – Она замялась. – Вы тот самый капитан, только что потерявший жену, так?

Боль пульсировала в висках, но он заставил себя улыб-

нуться. Эта женщина, вернее девушка, явно ему сочувствовала.

– Бывшую жену. Но это я.

– Примите мои соболезнования.

– Благодарю.

– Я летала с вами?

– Вроде бы нет. – Вновь его лицо осветила улыбка. – Последние четыре года я летал только за рубеж. – Он протянул руку, полагая, что пора и познакомиться. – Брайан Энгл.

Стюардесса почтительно пожала ее.

– Мелани Тревор.

Энгл снова улыбнулся ей, откинулся назад и закрыл глаза. Задремал, но не заснул: предполетные объявления тут же разбудили бы его. Он решил, что времени выспаться ему хватит.

Рейс 29, как и все «красноглазые рейсы», взлетел вовремя: эти рейсы привлекали еще и точностью. В салонах «Боинга-767» пустовало меньше половины мест. Первым классом, помимо Брайана, летело человек шесть. Пьяниц и любителей поскандальить Брайан среди них не углядел. А потому *надежда выспаться* только укрепилась.

Он слушал, как Мелани Тревор показывает аварийные выходы, объясняет, как пользоваться маской в случае падения давления (эту процедуру Брайан совсем недавно прокручивал в своем мозгу), как доставать из-под сиденья спасательный жилет и как надувать его. Самолет оторвался от взлет-

ной полосы, и Мелани снова подошла к нему и спросила, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Брайан отрицательно покачал головой, поблагодарил ее, а затем нажал кнопку, отключающую кресло назад. В какой уж раз закрыл глаза и тут же заснул.

Мелани Тревор он больше не увидел.

3

Через три часа после взлета маленькая девочка, Дайна Беллман, проснулась и спросила тетю Викки, можно ли ей попить.

Тетя Викки не ответила, и Дайна повторила вопрос. Ответа не последовало, и девочка протянула руку, чтобы коснуться плеча тети, но она уже знала, что нащупает только спинку пустого кресла. Так и произошло. Доктор Фелдман говорил ей, что дети, от рождения слепые, часто развивают в себе особое чувство, позволяющее определять – вроде радара – присутствие или отсутствие людей поблизости. Дайне эти сведения и не требовались. Девочка знала, что такое чувство есть. Оно срабатывало не всегда, но в большинстве случаев... особенно когда речь шла о ее поводеыре.

«Тетя, наверное, пошла в туалет и сейчас вернется», – подумала Дайна, но ее все равно охватила безотчетная тревога. Проснулась она не внезапно, как от толчка; наоборот, просыпалась постепенно, как пловец, медленно поднимающийся-

ся из глубины на поверхность. Если бы тетя Викки, которая сидела у окна, протискивалась мимо нее в последние две или три минуты, Дайна бы это почувствовала.

«Значит, она ушла раньше, – сказала себе Дайна. – Возможно, по большой нужде... ничего в этом нет особенного. Или остановилась с кем-то поговорить».

Только Дайна не слышала, чтобы кто-то разговаривал в салоне самолета. Лишь мерно гудели двигатели. Чувство тревоги нарастало.

И тут в голове девочки послышался голос мисс Ли, ее психоаналитика (только Дайна всегда принимала ее за свою слепую учительницу): «Ты не должна бояться того, что боишься, Дайна. Все дети время от времени испытывают испуг, особенно в новых для них ситуациях. Тем более слепые дети. Поверь мне, я знаю. – И Дайна ей верила, потому что, как и девочка, мисс Ли была слепой от рождения. – Не подавляй свой страх... но и не поддавайся ему. Посиди и постарайся разобраться, что к чему. Очень помогает, уверяю тебя».

Особенно в новой для ребенка ситуации.

Что ж, именно такое с ней и случилось: Дайна летела в первый раз, тем более с побережья на побережье, на огромном трансконтинентальном лайнере.

Постарайся разобраться, что к чему.

Итак, она проснулась в странном месте и обнаружила, что ее поводырь ушла. Естественно, такое пугает, даже если ты знаешь, что отсутствует поводырь временно. В конце кон-

цов, не могло же у тети Викки возникнуть желание выйти из самолета, летящего на высоте тридцать семь тысяч футов. Что же касается странной тишины в салоне... в конце концов, это «красный глаз». Пассажиры скорее всего спят.

«Все спят? – не могла не спросить себя Дайна. – Чтобы все они спали? Возможно ли такое?» И тут же ответ пришел сам собой: «Кино. Те, кто не спит, смотрят кино. Естественно».

Дайна заметно успокоилась. Тетя Викки говорила, что показывать будут фильм «Когда Гарри встретил Салли», с Билли Кристалом и Мег Райан в главных ролях. Она сама собиралась посмотреть этот фильм... если ей удастся не заснуть.

Дайна провела рукой по креслу тети в поисках наушников, но их не нашла. Зато нащупала книжку в бумажной обложке. Несомненно, один из любовных романов, которые нравились тете Викки. О тех днях, когда мужчины были мужчинами, а женщины – нет.

Пальчики Дайны двинулись дальше и наткнулись на гладкую кожу. Потом на молнию, на ручку.

Сумочка тети Викки.

Тревога вернулась. Наушников нет, а сумочка есть. Вместе со всеми дорожными чеками. Дайна знала о чеках, потому что ее мать и тетя Викки говорили об этом перед тем, как уехать из дома в Пасадене.

Могла тетя Викки пойти в туалет и оставить сумочку на сиденье? Поступила бы она так, зная, что ее спутница, десятилетняя девочка, в данный момент спит?

Дайна в этом очень сомневалась.

Не подавляй свой страх... но и не поддавайся ему. Посиди и постарайся разобраться, что к чему.

Но Дайне не нравилось пустое сиденье и не нравилась тишина в салоне самолета. Возможно, конечно, большинство пассажиров спят, а остальные смотрят кино и стараются не шуметь, чтобы никого не разбудить, но все равно девочке это не нравилось. Животное, с удивительно острыми зубами и когтями, пробудилось в ней и начало рычать. Дайна знала, что животное это – паника, и понимала, что должна быстро обуздать его, иначе своим поведением она может поставить в неловкое положение и себя, и тетю Викки.

«Когда я смогу видеть, – подумала Дайна, – когда врачи вернут мне зрение, такие мысли больше не будут лезть ко мне».

Все так, но то, что могло быть в будущем, никоим образом не могло помочь ей сейчас.

Дайна внезапно вспомнила, как тетя Викки, когда они заняли свои места, взяла ее руку и положила на маленький пульт управления на боковине сиденья. С пультом девочка разобралась без труда. Два маленьких колесика, которые использовались вместе с наушниками: одно находило нужный аудиоканал, второе регулировало громкость звука. Прямоугольный переключатель для лампочки над сиденьем. «Тебе он не понадобится, – сказала тетя Викки с улыбкой в голосе. – Во всяком случае, на пути туда». И наконец, квадратная

кнопка для вызова стюардессы.

Палец Дайны коснулся квадратной кнопки, погладил вогнутую поверхность. «Ты действительно хочешь нажать на кнопку? – спросила она себя и без запинки ответила: – Да, хочу».

Дайна нажала кнопку и услышала мелодичный звонок. Подождала.

Никто не подошел.

Лишь мерно, едва слышно гудели авиадвигатели. Никто не разговаривал. Никто не смеялся (может, фильм не такой смешной, как ожидала тетя Викки). Никто не кашлял. Сиденье рядом с ней, сиденье тети Викки, по-прежнему пустовало, и стюардесса не наклонялась к Дайне, обдавая ее запахом духов и шампуня и спрашивая, не хочет ли она что-нибудь съесть или выпить воды.

Тишину нарушал только гул двигателей.

Паника все сильнее рвалась наружу. Чтобы справиться с ней, Дайна сосредоточилась на встроенном в ее сознании радаре, невидимом луче, которым она обвела салон. Обычно получалось неплохо. Если ей удавалось сконцентрироваться, она чуть ли не могла видеть глазами других. Так ей, во всяком случае, казалось. Однажды она рассказала об этом мисс Ли, и резкая реакция последней очень удивила девочку. «Разделенное зрение – частая фантазия слепых, – сказала тогда мисс Ли. – Особенно слепых детей. Не полагайся на это чувство, Дайна, иначе случится так, что ты упадешь

с лестницы или выйдешь на дорогу перед несущимся автомобилем».

Поэтому она больше не пыталась смотреть на мир глазами другого человека, но иногда это случалось независимо от ее воли, и тогда Дайна видела все глазами мамы или тети Викки.

Сейчас же девочка просто боялась, вот и старалась найти вокруг других людей, почувствовать их, но никого не находила.

И тогда Дайну охватил ужас, паника подминала ее под себя. Она почувствовала, как крик рвется у нее из груди, и крепко сжала зубы, чтобы остановить его. Потому что вырвался бы не крик, а вопль: она заорала бы, как пожарная сирена.

Я не должна кричать, приказала она себе. Я не должна кричать и ставить в неловкое положение тетю Викки. Я не должна кричать и будить тех, кто сейчас спит, и пугать тех, кто бодрствует. Они прибегут и скажут: «Посмотрите на эту трусливую маленькую девочку, посмотрите на эту трусливую маленькую девочку».

Но встроенный радар, который помогал компенсировать недостаток зрения, а иногда позволял видеть «через глаза» других (что бы там ни говорила мисс Ли), только усиливал страхи девочки.

Потому что докладывал ей, что вблизи нет никого.
Ни одного человека.

Брайану Энглу приснился очень плохой сон. Он вновь пилотировал самолет, летевший рейсом 7 из Токио в Лос-Анджелес. Только на этот раз с утечкой дело обстояло куда хуже. В кабине пилотов царила обреченность. Стив Сирлз плакал и ел плюшки.

– Если ты так расстроен, почему ешь? – спросил Брайан. Внезапно раздался пронзительный свист (так свистит чайник, когда закипает вода), указывающий, как предположил Брайан, на разгерметизацию салона. Глупо, конечно. Ведь если возникает щель, то воздух уходит в нее бесшумно, до того момента, как гремит взрыв, но во сне всякое возможно.

– Потому что я люблю плюшки и мне больше не удастся их поесть, – ответил Стив, рыдая все громче.

А потом свист прекратился, как отрезало. В кабину пилотов вошла улыбающаяся стюардесса, между прочим, Мелани Тревор, и сказала, что место утечки найдено и загерметизировано. Брайан поднялся и последовал за ней в большой салон, где Энн Куинлэн Энгл, его бывшая жена, стояла в небольшой нише, откуда убрали сиденья. Над ближайшим к ней иллюминатором кто-то написал странную фразу: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД». Красным, цветом опасности.

Энн была в темно-зеленой униформе стюардесс «Амери-

канской гордости», что удивило Брайана. Ведь она занимала крупный пост в одном рекламном агентстве Бостона и всегда с пренебрежением поглядывала на стюардесс, которые летали с ее мужем. Рука Энн лежала на трещине в фюзеляже.

– Видишь, дорогой? – гордо воскликнула она. – Я обо всем позаботилась. Не важно, что ты ударил меня. Я тебя простила.

– Не делай этого, Энн! – крикнул он, но опоздал.

Ее ладонь засасывало в щель. Сначала провалился средний палец, потом безымянный, затем указательный, мизинец. Что-то хлопнуло, словно пробка вылетела из бутылки шампанского в руках неумелого официанта, и вся кисть провалилась в щель.

Однако Энн продолжала улыбаться.

– Это «L'Envoi», дорогой, – говорила она, когда за кистью последовала рука. Заколка, стягивающая волосы, соскочила, и они рассыпались по плечам. – Я всегда ими душусь, разве ты не помнишь?

Он вспомнил... теперь вспомнил. Только это уже не имело никакого значения.

– Энн, вернись! – крикнул он.

Она продолжала улыбаться, а руку медленно засасывало в окружающую самолет пустоту.

– Совсем не больно, Брайан, поверь мне. «L'Envoi», помнишь? – сказала Энн, когда ее высасывало сквозь щель.

Теперь Брайан вновь слышал этот звук. Однажды поэт

Джеймс Дики назвал его «звериным свистом пространства». Громкость его нарастала и нарастала, вырываясь из сна в реальность, пока шипение воздуха не превратилось в человеческий крик.

Глаза Брайана открылись. Переход от сна к бодрствованию длился лишь мгновение: Брайан был профессионалом, а его сверхответственная, связанная с высоким риском работа прежде всего требовала быстрой и точной реакции в чрезвычайных ситуациях. Он летел рейсом 29, а не рейсом 7, не из Токио в Лос-Анджелес, а из Лос-Анджелеса в Бостон. Энн уже умерла, и причиной смерти стала не щель в корпусе авиалайнера, а пожар в ее доме на Атлантик-авеню, рядом с набережной.

Но звук остался. Пронзительно кричала маленькая девочка.

5

– Пожалуйста, откликнитесь, – тихо, но отчетливо произнесла Дайна Беллман. – Очень сожалею, но моя тетя ушла, а я слепая.

Нет ответа. Впереди, через сорок рядов и две перегородки от нее, Брайану Энглу снилось, как его штурман плачет и ест плюшки.

Только мерно гудели двигатели.

Паника грозила подчинить себе разум, и у Дайны остался

лишь единственный способ сдержать ее: она расстегнула ремень безопасности, встала и вышла в проход.

– Эй? – позвала она громче. – Эй, кто-нибудь!

Нет ответа. Дайна заплакала. Но тем не менее продолжала держать себя в руках.

Считай ряды, отчаянно заверещал внутренний голос. Считай, сколько рядов ты прошла, а не то тебе никогда не найти дороги назад.

Она остановилась у следующего ряда кресел по левую руку, наклонилась, протянула руку. Она знала, что там сидел мужчина, потому что тетя Викки разговаривала с ним за минуту или две до взлета. Когда он отвечал, голос доносился с того кресла, что находилось перед Дайной. Она это знала, определение местонахождения голосов стало для нее способом жить, совсем как дыхание. Спящий мужчина подпрыгнул бы от ужаса, почувствовав, что его ощупывают чьи-то пальцы. Но Дайну это уже не волновало.

Да только кресло пустовало.

Пустовало. Совсем.

Дайна выпрямилась, с мокрыми от слез щеками, испуганная. Они же не могли пойти в туалет вместе, не так ли? Разумеется, нет.

Может, туалетов два? В таком большом самолете их, конечно, два.

Но вопрос о количестве туалетов давно потерял актуальность.

Тетя Викки никуда бы не пошла без своей сумочки. Дайна в этом не сомневалась.

Девочка медленно двинулась дальше, останавливаясь у каждого ряда, ощупывая два ближайших кресла, слева и справа.

На одном нашла сумочку, на втором – брешфкейс, на третьем – авторучку. На двух обнаружила наушники. Взглянувшись за вторую пару, прикоснулась к чему-то липкому. Потерла пальцы друг о друга, скорчила гримаску, вытерла руку о салфетку-подголовник. Ушная сера. Это точно. У нее особая, ни с чем не сравнимая консистенция.

Дайна Беллман продвигалась все дальше, уже не думая о том, что может кого-то потревожить. Она не попадала кому-либо в глаз, не щипала за щеку, не дергала за волосы.

Все кресла, которые она ощупывала, пустовали.

В какой-то момент, пока она спала, ее тетя и все пассажиры рейса 29 исчезли.

«Нет, – возразил ей голос мисс Ли, сохранивший способность мыслить логично. – Нет, это невозможно, Дайна! Если все покинули самолет, кто же сидит за штурвалом?»

Девочка прибавила шаг, хватаясь за ручки кресел, широко открыв глаза за темными очками. Со счета она давно сбилась, но тревожило ее другое: тишина.

Она вновь остановилась. Наклонилась над креслом справа. На этот раз ее руки нащупали волосы... но в странном месте. Волосы на сиденье – как такое могло быть?

Пальцы сжались... и она подняла волосы. Тут Дайне открылась ужасная истина.

Волосы есть, а человека, которому они принадлежали, нет. Это скальп. Она держала в руке скальп мертвого человека.

Вот тут Дайна Беллман и разразилась криком, который вырвал Брайана Энгла из сна.

6

Алберт Косснер сидел у стойки бара, пил виски «Брэндинг айрон». Братья Эрпы, Уатт и Вирджил, устроились справа от него, док Холлидей – слева. Он как раз поднял стакан, чтобы провозгласить тост, когда в салун «Сердžo Леоне» ворвался мужчина с деревянным протезом вместо левой ноги.

Уатт повернулся к нему. Спокойный, загорелый, симпатичный. Вылитый Хью О'Брайен⁴.

– Это Томбстоун, Маффин. Здесь суетиться не принято.

– Так они же скачут сюда! – воскликнул Маффин. – И они в ярости, Уатт! Говорю тебе, в ярости!

Словно подтверждая его слова, с улицы донеслись выстрелы: тяжелый грохот армейских револьверов сорок четвертого калибра (скорее всего украденных у солдат), отрывистые

⁴ В этой подглавке упомянуты американские киноактеры, часто снимавшиеся в вестернах.

хлопки винтовок.

– Не попачкай штаны, Маффин. – Док Холлидей сдвинул шляпу на затылок. Алберт нисколько не удивился тому, что доктор выглядел как Роберт Де Ниро. Он всегда верил, что если кто и может сыграть роль ковбоя-дантиста, так это Де Ниро.

– О чем вы тут толкуете, парни? – Вирджил Эрп огляделся.

Он Алберту никого не напоминал.

– Пошли. – Уатт поднялся. – Меня эти чертовы Клэнтоны уже достали.

– Это Долтоны, Уатт, – ровным голосом поправил его Алберт.

– Да хоть Джон Дилинджер или Красавчик Флloyd. Ты с нами, Туз, или как?

– С вами.

Говорил Алберт Косснер мягко и вкрадчиво, с интонациями прирожденного убийцы. Одна его рука упала на рукоятку длинноствольного «бантлайн спешл», другая поднялась к голове, убедиться, что *ермолка* на месте. Убедилась.

– Отлично, парни! – Встал и док. – Поджарим Долтонам задницу.

Они вышли из салуна как раз в тот момент, когда колокол баптистской церкви Томбстоуна начал отбивать полдень.

Долтоны галопом мчались по Главной улице, постреливая в окна и витрины. Цистерну с водой перед «Торговой лавкой

Дьюка» они превратили в фонтан.

Айк Долтон первым увидел на пыльной улице четырех мужчин в расстегнутых куртках, дабы последние не мешали схватиться за револьверы. Айк резко дернул за поводья, и его лошадь, протестуя заржав, поднялась на задние ноги. На удилах ключьями висела пена. Айк Долтон неуловимо напоминал Ратгера Хауэра.

– Посмотрите, кто у нас здесь, – фыркнул он. – Никак Уатт Эрп и его братишка Вирджил. Или сестричка?

Эмметт Долтон (Доналд Сатерленд после месяца ночных попоек) остановил лошадь рядом с Айком.

– И еще их дружок дантист, – прорычал он. – Да кто захочет... – Тут он взглянул на Алберта и заметно побледнел.

Папаша Долтон подтянулся к сыновьям. В Папаше без труда узнавался Слим Пикенс.

– Господи, – выдохнул Папаша. – Да это Туз Косснер!

Френк Джеймс пристроился рядом с Папашей. Лицо его было цвета грязного пергамента.

– Какого черта, парни! – воскликнул Френк. – Я не против того, чтобы пограбить от скуки какой-нибудь городок, но никто не сказал мне, что здесь будет Аризонский Еврей!

Алберт Туз Косснер, от Седалии до Стимбоута известный как Аризонский Еврей, выступил вперед. Его рука зависла над рукояткой «бантлайна». Он сплюнул табачную жвачку, не отрывая холодных серых глаз от всадников, застывших в двадцати футах от него.

– Ваш ход, парни, – процедил Аризонский Еврей. – По моим расчетам, в аду еще достаточно свободных мест.

С последним ударом колокола на баптистской церкви банда Долтонов выхватила револьверы. Туз управился со своим гораздо быстрее. Но, едва он начал поливать Долтонов свинцовым дождем, на ступенях отеля «Лонгхорн» закричала маленькая девочка.

«Кто-то должен заставить замолчать эту малявку, – подумал Туз. – Чего она так орет? Ситуация под контролем. Не зря же меня называют самым быстрым стрелком-евреем к западу от Миссисипи».

Но крик нарастал, раздирая воздух, соединяя сон с реальностью.

На мгновение Алберт оказался в полной темноте, в промежутке между сном и бодрствованием. Лишь крик рвал барабанные перепонки, словно кто-то никак не хотел снять с плиты закипевший чайник.

Наконец молодой человек открыл глаза и огляделся. Он на своем сиденье, в передней части главного салона самолета, следующего рейсом 29. По проходу идет маленькая девочка, лет десяти, в розовом платье и черных очках.

«Она что, кинозвезда?» – почему-то подумал Алберт, уже не на шутку перепугавшись. Из любимого сна его вырвали, как репку из земли.

– Эй! – позвал он негромко, чтобы не разбудить других пассажиров. – Эй, девочка! Что случилось?

Маленькая девочка мгновенно повернула голову на звук его голоса. Затем повернулась всем телом, но задела одно из кресел центрального ряда. Дайну отбросило в сторону, и она через подлокотник повалилась в кресло левого ряда, ножки ее взлетели вверх.

– Есть тут кто-нибудь? – закричала девочка. – Помогите мне! Помогите!

– Эй, стюардесса! – с тревогой позвал Алберт и расстегнул ремень безопасности.

Встал, выскользнул в проход, направился к маленькой девочке... и остановился. Он смотрел в хвост самолета, и то, что видел, леденило его кровь.

«Похоже, я мог не волноваться, что перебуду остальных пассажиров», – сразу подумал он.

Широко раскрытыми глазами Алберт смотрел на – как ему казалось – абсолютно пустой главный салон «Боинга-767».

7

Брайан Энгл почти поравнялся с перегородкой, разделявшей салоны первого и бизнес-класса, когда до него неожиданно дошло, что в салоне первого класса нет ни души. Он даже остановился и лишь через секунду-другую двинулся дальше, решив, что остальные, возможно, услышали крик раньше его и поспешили посмотреть, что случилось.

Впрочем, он в этом сомневался. Брайан Энгл достаточно долго возил пассажиров и неплохо разбирался в групповой психологии. Если один начинал чудить, остальные предпочитали не обращать на это внимания. Большинство авиапутешественников слагали с себя право на индивидуальные действия, как только поднимались на борт серебристой птицы и пристегивали ремни безопасности. Для себя они оставляли решение самых простых проблем, а все остальное перекладывали на плечи экипажа. Авиаторы держали их за дураков, но, скорее, следовало называть их овцами. Вот и обращались с пассажирами как со стадом. Это позволяло держать в узде самых нервных.

Брайан еще не проснулся окончательно, и часть его сознания твердила, что кричит Энн, что сейчас он найдет ее в главном салоне, с рукой, затянутой в щель, над которой краснела надпись: «СТРЕЛЬБА ТОЛЬКО НАЧАЛАСЬ».

В салоне бизнес-класса Брайан обнаружил только одного пассажира, пожилого мужчину в коричневом костюме-тройке. Его лысина поблескивала в свете лампы для чтения. Пальцы, с раздутыми от артрита суставами, лежали на пряжке ремня безопасности. Он крепко спал, оглашая салон громким храпом. Крики ему нисколько не мешали.

Брайан поспешил в главный салон и замер, потрясенный увиденным. Он просто не верил своим глазам. Юноша стоял рядом с маленькой девочкой, которая упала в кресло по левому борту. Юноша, однако, смотрел не на нее, а в глубь

салона, и его нижняя челюсть уже проделала долгий путь от верхней до круглого воротника футболки с надписью «HARD ROCK CAFE».

Первая реакция Брайана ничем не отличалась от реакции Алберта Косснера: «Боже мой, самолет пуст!»

Потом он увидел, как из правого ряда встала женщина и вышла в проход, чтобы посмотреть, что случилось. Ее показывало, по выражению лица и глаз чувствовалось, что она крепко спала и до конца еще не проснулась. Посередине салона, в центральном ряду, мужчина в водолазке тянулся вверх, без особого интереса поглядывая на маленькую девочку. Еще один мужчина, лет шестидесяти, поднялся из кресла неподалеку от Брайана, нерешительно оглядываясь. На нем была красная фланелевая рубашка, и он явно не понимал, где находится и как сюда попал. Волосы торчали в разные стороны.

– Кто кричит? – спросил он Брайана. – Самолет терпит аварию? Как по-вашему, мы падаем?

Маленькая девочка перестала кричать. Выбралась из кресла, в которое свалилась, и чуть не упала. Но юноша успел ее подхватить, хотя его движениям явно не хватало быстроты.

Куда они подевались? думал Брайан. *Господи, куда же все подевались?* А ноги уже несли его к юноше и маленькой девочке. Он миновал еще одного пассажира, девушку лет семнадцати. Она крепко спала. Рот приоткрылся, и воздух с

неприятным шумом вылетал из него при каждом выдохе.

Брайан подошел к юноше и девочке в розовом платье.

– Где народ? – спросил Алберт Косснер. Его рука лежала на плече всхлипывающего ребенка, но он не смотрел на девочку: его глаза снова и снова обегали пустой салон. – Мы где-то приземлялись, пока я спал, и все вышли?

– Моя тетя ушла! – сквозь слезы выдохнула девочка. – Моя тетя Викки! Я думала, в самолете никого нет! Я думала, что осталась одна! Скажите, где моя тетя? Я хочу к моей тете!

Брайан опустился рядом с ней на корточки, его глаза оказались на уровне черных очков. Он вспомнил, как девочка шла рядом со светловолосой женщиной.

– С тобой все в порядке. Не волнуйся, с тобой все в порядке. Как тебя зовут?

– Дайна. – Вновь слезы. – Я не могу найти мою тетю. Я слепая и не могу видеть ее. Я проснулась, а рядом никого не...

– Что происходит? – спросил мужчина в водолазке; Брайана и Дайну он игнорировал, обращаясь к юноше в футболке с надписью «HARD ROCK CAFE» и мужчине во фланелевой рубашке. – Где остальные?

– С тобой все в порядке, Дайна, – повторил Брайан. – Тут есть и другие люди. Ты их слышишь, не так ли?

– Д-да. Я их слышу. Но где тетя Викки? И кого убили?

– Убили? – резко спросила женщина.

Та самая, что сидела по правому борту. Брайан взглянул на нее, увидел, что она молода, красива, черноволоса.

– Кого-то убили? Нас похитили?

– Никого не убили, – ответил Брайан. Только паники и не хватало. Но голова у него шла кругом. – Успокойся, дорогая.

– Я нашла его волосы! – настаивала Дайна. – Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!

Об отрезанных волосах думать не хотелось. Тем более что ему вспомнилась одна фраза Дайны («Я думала, в самолете никого нет»), и по спине пробежал неприятный холодок. А кто, черт побери, сидит за штурвалом?

Брайан поднялся, повернулся к мужчине в красной рубашке:

– Я должен отойти. Оставайтесь с маленькой девочкой.

– Хорошо, – кивнул мужчина. – Но что происходит?

К ним присоединился еще один мужчина, лет тридцати пяти, в отглаженных джинсах и оксфордской рубашке. В отличие от остальных он был совершенно спокоен. Достал из нагрудного кармана очки в роговой оправе, раскрыл дужки и водрузил очки на нос.

– У нас стало на несколько пассажиров меньше, не так ли? – спросил мужчина с британским акцентом. – Как насчет команды? Кто-нибудь в курсе?

– Именно это я и собираюсь выяснить. – И Брайан двинулся к кабине пилотов.

Выходя из главного салона, он оглянулся. Еще двое подо-

шли к маленькой девочке в черных очках: девушка, которая крепко спала с открытым ртом, ее еще качало, словно она крепко выпила или обкурилась, и пожилой господин в потертом пиджаке спортивного покроя. Восемь человек. Плюс он и мужчина в салоне бизнес-класса, который проспал все что можно.

Десять.

Да что же, во имя Господа, случилось с остальными?

Но времени думать об этом не было, сейчас следовало решать другие самые серьезные проблемы. Брайан поспешил в носовую часть самолета мимо мужчины, все так же мирно похрапывающего в салоне бизнес-класса.

8

Служебная зона, втиснутая между киноэкраном и двумя купе первого класса, пустовала. Вот там-то Брайан и увидел тележку с напитками, которую откатали к дверце туалета по правому борту. На нижней полке тележки стояли использованные стаканы.

«Они как раз собирались развозить напитки, – подумал Брайан. – Когда это произошло, уж не знаю что именно, они только выкатили тележку. Использованные стаканы собрали до взлета. Значит, все случилось сразу же после отрыва от земли, в течение первых тридцати минут или около того. Синоптики вроде бы докладывали об атмосферных возмуще-

ниях над пустыней. Да, да, какая-то чушь насчет северного полярного сияния.

Брайан уже подумал, что ему и это приснилось, но вспомнил, что сказала ему об этом Мелани Тревор, стюардесса рейса 29.

А вот кто бы теперь сказал ему, что здесь произошло?

При взгляде на брошенную тележку для напитков его охватил ужас и страх перед сверхъестественным. Наверное, те же чувства испытывали люди, первыми поднявшиеся на борт «Марии Селесты» и обнаружившие, что на корабле нет ни души, хотя паруса в полном порядке, в капитанской каюте накрыт стол к обеду, а в кубрике еще курится трубка одного из моряков...

Неимоверным усилием воли Брайан отогнал эти парализующие волю мысли и подошел к двери между служебной зоной и кабиной пилотов. Постучал. Как он и опасался, никакой ответной реакции. Брайан забарабанил кулаком в дверь, хотя и знал, что это бесполезно.

Напрасно.

Он попытался повернуть ручку. Ничего не вышло. В эпоху не предусмотренных расписанием рейсов в Гавану, Ливан и Тегеран вход в кабину строго ограничили: пилоты только изнутри могли открыть дверь. Брайан мог бы сесть за штурвал этого самолета... но сначала надо было попасть в кабину. – Эй! – крикнул он. – Эй, парни! Откройте дверь! Он уже знал, что ему никто не ответит. Стюардессы ис-

чезли вместе с большинством пассажиров, так что Брайан Энгл готов был поспорить на последний доллар, что в кабине пилотов тоже пусто.

И летящим на восток самолетом управляет автопилот.

Глава 2

Темнота и горы. Клад. Нос Водолазки. Нелающие собаки. Паника недопустима! Перемена курса

1

Брайан попросил мужчину в красной рубашке приглядеть за Дайной, но девочка слышала женский голос, молодой и приятный, устремила к его обладательнице и крепко схватила ее за руку. После стольких лет, проведенных с мисс Ли, Дайна сразу отличала голос учительницы. Темноволосая женщина не отдернула руки.

– Так тебя зовут Дайна, дорогая?

– Да, – кивнула девочка. – Я слепая, но после операции в Бостоне я снова смогу видеть. *Надеюсь*, что смогу. По мнению врачей, существует семидесятипроцентная вероятность того, что зрение восстановится частично, и сорокапроцентная – что полностью. А как вас зовут?

– Лорел Стивенсон, – ответила черноволосая женщина.

Она все оглядывала главный салон, и с огромным изумлением.

– Лорел – это растение⁵, не так ли? – спросила Дайна, чув-

⁵ Женское имя Лорел и растение лавр обозначаются одним и тем же английским словом – *Laurel*.

ствуя, как разговор помогает заглушить страх.

– Извините меня. – Мужчина в роговых очках и с британским акцентом чуть поклонился. – Пойду составлю компанию нашему другу.

– Я с вами, – присоединился к нему мужчина в красной рубашке.

– Я хочу знать, что тут происходит! – воскликнул мужчина в водолазке, при этом его лицо побледнело как мел, на щеках ярко выделялись пятна румянца. – Я хочу знать, что происходит, и *немедленно!*

– Меня это не удивляет, – ответил англичанин и пошел в носовую часть самолета.

Мужчина в красном пристроился рядом. Девушка потянулась следом, но у перегородки между главным салоном и салоном бизнес-класса в нерешительности остановилась, не зная, идти дальше или вернуться назад.

Пожилой мужчина в пиджаке спортивного покроя протиснулся к иллюминатору левого борта.

– И что вы видите? – спросила Лорел Стивенсон.

– Темноту и горы, – ответил мужчина.

– Рокки?⁶ – спросил Алберт.

Мужчина в пиджаке спортивного покроя кивнул:

– Полагаю, что да, молодой человек.

Алберт решил, что и ему пора пройти в носовую часть са-

⁶ Скалистые горы, крупнейшая горная система в Кордильерах Северной Америки, образующая их восточную часть.

молета. В семнадцать лет ума ему было не занимать, поэтому и его не миновал Главный Вопрос: «А кто управляет самолетом?»

Потом, правда, он подумал, что не так это и важно... во всяком случае, на текущий момент. Они летят ровно, на одной высоте, значит, *кто-то* управляет, а может, и что-то, к примеру автопилот, но, так или иначе, он лично ничего изменить не мог.

Кто он, в конце концов? Если Алберт Косснер – то талантливый скрипач (но не гений), который летит учиться в Музыкальный колледж Беркли. Если Туз Косснер (это уже из снов), то самый быстрый стрелок из всех евреев, проживающих западнее Миссисипи, охотник за преступниками, отдыхающий по субботам, не ложащийся на постель в обуви, одним глазом отслеживающий жертву, а вторым выискивающий кафе с кошерной пищей. Изображая из себя Туза, он, конечно, искал спасения от чрезмерной любви родителей, которые не разрешили ему играть в Малой бейсбольной лиге из страха, что он повредит пальцы, и свято верили, что любой чих свидетельствует о первой стадии воспаления легких.

Стрелок-скрипач, несомненно, любопытная комбинация! Правда, он ничего не знал об управлении самолетом. Да еще маленькая девочка произнесла заинтриговавшую его фразу: «Я нашла его волосы. Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!»

Он покинул Дайну и Лорел (мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя переместился к правому борту, чтобы

посмотреть, что творится с другой стороны, мужчина в водолазке уже шел в носовую часть самолета, хищно щурясь) и двинулся к хвосту, повторяя путь Дайны, но в обратном направлении.

Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!

Алберту не понадобилось много времени, чтобы понять, о чем говорила слепая девочка.

2

– Я молюсь, сэр, о том, чтобы фуражка пилота, которую я заметил в салоне первого класса, принадлежала вам.

Брайан стоял перед закрытой дверью в кабину пилотов, опустив голову и глубоко задумавшись, пытаясь найти нужное решение. Когда англичанин заговорил за его спиной, Брайан вздрогнул от неожиданности и круто развернулся.

– Покорнейше прошу простить, если я вас напугал, – продолжил англичанин. – Я – Ник Хопуэлл. – Он протянул руку.

Брайан ее пожал. При этом ему вновь почудилось, что все это происходит во сне. Том самом, причиной которого стали тяжелый перелет из Токио и известие о смерти Энн.

Часть его сознания понимала, что сейчас он вовсе и не спит, точно так же, как раньше та же часть сознания отметила, что крик маленькой девочки – диссонанс в обезлюдевшем салоне первого класса, хотя Брайан и старался убедить себя: все побежали помогать девочке. Если такие мысли шли

на пользу, зачем их отбрасывать? К тому же вокруг все встало с ног на голову, и даже попытка подумать, разобраться, что к чему, вызывала острую головную боль. Благо времени думать просто не было, совсем не было, и его это только радовало.

– Брайан Энгл, – представился он. – Рад познакомиться с вами, хотя обстоятельства... – Он пожал плечами.

Так при каких обстоятельствах они знакомились? Подобрать определение не удавалось. Он не находил слова для точного определения этих обстоятельств.

– Необычные, не так ли? – пришел на помощь Хопуэлл. – Полагаю, сейчас лучше об этом не думать. Команда не откликается?

– Нет. – Брайан вновь стукнул кулаком по двери.

– Спокойнее, спокойнее, – остановил его Хопуэлл. – Расскажите мне о фуражке, мистер Энгл. Вы даже представить себе не можете, какие я испытаю радость и облегчение, если мне будет дозволено величать вас капитан Энгл.

Брайан не мог не улыбнуться.

– Я капитан Энгл, но, учитывая необычные обстоятельства, зовите меня Брайан.

Ник Хопуэлл схватил левую руку Брайана и сочно поцеловал ее.

– Я бы предпочел называть вас спасителем. Надеюсь, вы возражать не станете?

Брайан расхохотался. И Ник тоже. Они стояли у запертой

двери и хохотали во все горло, пока к ним не подошли мужчина в красной рубашке и мужчина в водолазке. Судя по выражению их лиц, они решили, что Брайан и Ник свихнулись.

3

Алберт Косснер несколько мгновений держал парик в руке, пристально его разглядывая. Волосы черные, поблескивающие под светом ламп, на ощупь не отличимые от настоящих. Неудивительно, что маленькая девочка так напугалась, приняв парик за скальп. Алберту тоже стало бы страшно, схватись он за этот парик с завязанными глазами.

Он бросил парик обратно на сиденье, взглянул на сумочку на сиденье рядом и присмотрелся повнимательнее. Рядом с сумочкой лежало золотое обручальное кольцо. Алберт осмотрел его и положил на место. Медленно пошел в хвост. Не прошло и минуты, как он полностью забыл о мучившем его вопросе: кто управляет самолетом и как они сядут, если это автопилот?

Пассажиры рейса 29 исчезли, но от них остались баснословные сокровища. Чуть ли не на каждом сиденье Алберт находил драгоценности, главным образом обручальные кольца, но попадались и другие, с бриллиантами, изумрудами, рубинами. Хватало и сережек, в том числе и достаточно дорогих, по мнению Алберта. У его матери были неплохие драгоценности, но в сравнении с некоторыми находка-

ми они казались дешевой бижутерией. На сиденьях лежали также заколки для галстука, запонки, браслеты и идентификационные таблички. И часы, часы, часы. От «Таймекса» до «Ролекса», никак не меньше двух сотен часов, на сиденьях, на полу между рядами, в проходах. С поблескивающими циферблатами.

Компанию часам составляли очки. Их было не меньше шестидесяти. В тонкой металлической, роговой, золотой оправе. Производства таких фирм, как «Рай-Бэнс», «Полароид», «Фостер Грант».

Алберт видел пряжки от ремней, заколки, мелочь. Бумажных денег не было, но монет по двадцать пять, десять, пять и одному центу набиралось долларов на четыреста. Насчитал Алберт и с десятков бумажников, как из хорошей кожи, так и из пластика, несколько перочинных ножей, штук шесть калькуляторов.

Попадались и более странные вещи. Он поднял с сиденья пластиковый розовый цилиндр, смотрел на него добрых тридцать секунд, прежде чем понял, что это искусственный фаллос, и торопливо положил на место. На другом кресле он нашел маленькую золотую ложечку на золотой цепочке. Тут и там блестели серебряные и золотые кусочки металла. Подняв пару штук, он убедился, что его догадка верна: коронки и пломбы. В одном из дальних рядов Алберт наткнулся на два металлических цилиндра. И достаточно быстро сообразил, что это хирургические штыри, место которых не на полу

опустевшего самолета, а в коленном или плечевом суставе.

Нашел он и еще одного пассажира, бородатого молодого человека, который развалился на двух сиденьях последнего ряда. Пассажир громко храпел, а разило от него, как из пивной бочки.

В том же ряду Алберт увидел миниатюрный прибор, как он предположил, имплантируемый кардиостимулятор.

Алберт оглядел огромный и пустой главный салон.

– Что же тут происходит? – спросил он дрожащим голосом.

4

– Я желаю знать, что здесь происходит? – отчеканил мужчина в водолазке.

Широким шагом он вошел в служебную зону между салоном первого класса и дверью в кабину пилотов. Словно новый владелец контрольного пакета акций, завладевший компанией вопреки желанию руководства.

– На текущий момент? – осведомился Ник Хопуэлл, одавав Водолазку улыбкой. – Мы как раз намеревались взломать эту дверь. Команда самолета, похоже, сгинула вместе с остальными пассажирами, но нам тем не менее повезло. Совершенно неожиданно выяснилось, что мой новый знакомый – пилот, который спал как бревно и...

– *Кто-то* действительно многое проспал, и я собираюсь

выяснить, кто именно, поверьте мне. – Водолазка протиснувшись мимо Ника и вперился грозным взглядом в Брайана. – Вы работаете в «Американской гордости»?

– Да, но почему бы нам не отложить выяснение отношений на потом? Сейчас главное...

– Я скажу вам, что сейчас главное! – рявкнул Водолазка, обрызгав лицо пилота облаком мельчайших капелек слюны.

Брайан едва подавил удивительно сильное желание схватить этого мерзавца за шею и путем эксперимента определить, на какой угол требуется повернуть ему голову, чтобы внутри что-нибудь сломалось.

– В девять утра у меня совещание в Пруденшл-центре с представителями «Бэнк интернэшнл». *Ровно* в девять утра! Я купил билет на этот рейс в полной уверенности, что мы прибудем в Бостон точно по расписанию. Опаздывать я не собираюсь! А потому хочу выяснить три момента: кто санкционировал незапланированную посадку, пока я спал, *где* мы садились и *почему*!

– Вы когда-нибудь смотрели «Стар трек»? – неожиданно спросил Ник Хопуэлл.

Водолазка повернул к нему покрасневшее от прилива крови лицо. Было видно, что он считает англичанина сумасшедшим.

– О чем вы говорите?

– Это прекрасный американский сериал, – пояснил Ник. – Научная фантастика. Исследование странных новых миров,

вроде того, что сейчас существует в вашей голове. И если вы не заткнете вашу пасть, паршивый кретин, я с удовольствием продемонстрирую вам знаменитый усыпляющий захват мистера Смока.

– Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне! – огрызнулся Водолазка. – Вы знаете, кто я такой?

– Разумеется, – кивнул Ник. – Злая мелкая сошка, принявшая посадочный талон за удостоверение личности Создателя. Вы также очень испуганы. В этом нет ничего плохого, но вы мешаетесь под ногами.

Водолазка побагровел до такой степени, что Брайан испугался, как бы у него не взорвалась голова. Такое он уже видел в кино. И не хотел повторения в реальной жизни.

– Не смейте так говорить со мной! Вы даже не американский гражданин!

Ник Хопуэлл отреагировал столь быстро, что Брайан едва уловил движение его руки. Мгновением раньше мужчина в водолазке кричал на Ника, а Ник стоял рядом с Брайаном, оперевшись руками в бедра, обтянутые отглаженными джинсами. А мгновение спустя согнутые указательный и средний пальцы правой руки Ника зажали нос Водолазки.

Он попытался вырваться. Пальцы Ника усилили хватку... а потом его кисть чуть повернулась, словно ввинчивая шуруп или заводя будильник. Водолазка вскрикнул от боли.

– Я могу сломать вам нос, – проворковал Ник. – Пустяковое дельце, уверяю вас.

Водолазка подался назад и обеими руками попытался оторвать пальцы Ника. Кисть вновь повернулась, Водолазка еще раз взвизгнул.

– Мне представляется, что вы меня не слышите. Я могу сломать нос. Вы поняли? Покажите, что поняли.

И третий раз крутанул нос Водолазки. Тут Водолазка взревел от боли.

– Классно, – прокомментировала подошедшая к ним обкуренная девушка. – Носовой захват.

– У меня нет времени обсуждать ваши деловые встречи, – продолжил Ник. – У меня нет времени на тех, кто маскирует агрессивностью истерию. Мы попали в передрагу, серьезную передрагу. Вы, сэр, никак не способствуете выходу из создавшейся ситуации, а я не могу допустить того, чтобы вы создавали лишние проблемы. Поэтому я собираюсь отослать вас в главный салон. Этот джентльмен в красной рубашке...

– Дон Гаффни, – представился джентльмен, изумленно тараща на Ника.

– Благодарю вас, – кивнул Ник.

Он по-прежнему держал Водолазку за нос, и Брайан увидел струйку крови, зазмеившуюся из одной ноздри. А Ник подтянул Водолазку поближе и заговорил мягким, вкрадчивым голосом:

– Мистер Гаффни вас проводит. В главном салоне, мой крикливый друг, вы сядете в кресло и пристегнетесь ремнем безопасности. Потом, когда капитан заверит нас, что мы

не врежемся в гору, здание или другой самолет, мы сможем провести более продолжительную дискуссию о нашем теперешнем положении. Вы понимаете, что я вам говорю?

С губ Водолазки сорвалось что-то яростное и нечленораздельное.

– Если понимаете, пожалуйста, поднимите руку большим пальцем вверх.

Водолазка поднял правую руку с оттопыренным большим пальцем. Брайан отметил, что он пользуется услугами маникюрши.

– Отлично. И вот что еще. Когда я отпущу ваш нос, у вас, возможно, возникнет желание отомстить. Желание – дело святое. А вот попытка реализовать его на практике будет чудовищной ошибкой. Я хочу, чтобы вы помнили: то, что я сделал с вашим носом, я могу так же легко проделать и с вашими яйцами. Только когда я отпущу их, вы будете летать по салону, как детский аэроплан. Я рассчитываю, что вы спокойно уйдете с мистером...

Он вопросительно посмотрел на мужчину в красной рубашке.

– Гаффни, – повторил мужчина.

– Гаффни, правильно. Я рассчитываю, что вы уйдете с мистером Гаффни. Не выражая своего неудовольствия. Не протестуя. Учтите, если произнесете хоть слово, вы узнаете, что такое настоящая боль. Поднимите руку большим пальцем вверх, если вы меня хорошо поняли.

Водолазка отчаянно замахал рукой с оттопыренным пальцем, словно ловил попутку.

– Вот и славненько! – И Ник отпустил нос Водолазки.

Он отступил на шаг, зло и недоуменно глядя на Ника. Очень Водолазка напоминал кота, которого только что окатили холодной водой. Злость его Брайана не тронула. А вот недоумение заставило пожалеть. Он ведь и сам не понимал, что происходит.

Водолазка коснулся рукой носа, чтобы удостовериться, что последний на месте. Струйка крови, очень тоненькая, текла уже из каждой ноздри и окрасила подушечки пальцев. Водолазка смотрел на них, не веря своим глазам. Открыл было рот.

– Не советую, – вмешался Дон Гаффни. – Этот парень слов на ветер не бросает. Лучше бы вам пройти со мной.

И взял Водолазку за руку, но тот идти не хотел и вновь открыл рот.

– Напрасно, – покачала головой девушка, как показалось Брайану, обкуренная.

Водолазка закрыл рот и позволил Гаффни увести себя в салон первого класса. Один раз он оглянулся и посмотрел на них, в его глазах так и застыло недоумение.

Ник уже смотрел в иллюминатор.

– Вроде бы летим над Скалистыми горами и на безопасной высоте.

Взглянул и Брайан. Да, Рокки, похоже, это хребет. Высота

полета примерно тридцать пять тысяч футов. Как и говорила Мелани Тревор. Значит, все в порядке... по крайней мере пока.

– Идите сюда, – позвал он Ника. – Помогите сломать эту дверь.

– Позвольте мне руководить операцией, Брайан? Опыт по этой части у меня есть.

– Будьте так любезны. – Брайан поневоле задался вопросом: откуда у Ника Хопуэлла опыт по части сворачивания носов и вышибания дверей? И решил, что история эта скорее всего длинная.

– Хорошо бы знать, насколько крепок замок. Если мы надавим слишком сильно, то можем влететь в кабину. А мне не хотелось бы, чтобы мы разбили то, чего бить не следует.

– Не знаю, – задумчиво ответил Брайан. – Но не думаю, что это сейфовый замок.

– Отлично! Теперь повернитесь ко мне лицом, правым плечом к двери. Я, соответственно, левым.

Брайан повернулся.

– Считаю я. На счет «три» бьем плечом в дверь. Ноги согните. У нас больше шансов выбить замок, если точка приложения силы будет ниже. Бьем не со всей силы. Если не хватит, прибавим во второй раз. Понятно?

– Так точно.

Девушка, уже более осознанно воспринимающая происходящее вокруг, неожиданно спросила:

– Наверное, запасной ключ под ковриком оставляют, не так ли?

Ник удивленно посмотрел на нее, потом повернулся к Брайану:

– Может, действительно есть запасной ключ?

Брайан покачал головой:

– Боюсь, что нет. Зачем давать террористам лишний шанс?

– Конечно, – кивнул Ник. – Естественно. – И подмигнул девушке. – Молодец, голова для того и нужна, чтобы думать.

Девушка выдавила из себя улыбку.

Ник вновь посмотрел на Брайана:

– Готовы?

– Да.

– Поехали. Раз... два... три!

Они синхронно ударили в дверь, и она открылась на удивление легко. Между служебной зоной и кабиной была маленькая приступочка, в три дюйма, ступенькой-то не назовешь. Нога Брайана соскочила с нее, и он полетел бы головой вперед, если бы Ник не схватил его за плечо. У англичанина была удивительно быстрая реакция.

– С дверью разобрались, – сказал он скорее себе, чем Брайану. – Теперь посмотрим, что мы имеем, не так ли?

Брайан увидел, что кабина пилотов пуста, и по рукам и шее побежали мурашки. Одно дело знать, что «767» может пролететь тысячи миль на автопилоте, руководствуясь информацией, заложенной в бортовую навигационную систему (Господи, да он сам сколько раз передавал управление автопилоту), но совсем другое – лицезреть два пустых кресла в первом ряду кабины. Брайана как громом поразило. Такого он не видел за всю свою карьеру.

Но вот довелось. Ручка управления двигалась сама по себе, удерживая самолет на заданном курсе. Приборный щиток горел зелеными лампочками. Два маленьких крылышка на индикаторе высоты покачивались выше черты, отмечающей уровень моря. А в небе горели миллионы звезд.

– Однако... – выдохнула девушка.

– Господи! – одновременно вырвалось у Ника. – Взгляните сюда, дружище.

Ник указывал на полупустую чашку кофе на столике-консоли по левую руку от кресла пилота. Рядом с чашкой лежала пару раз надкушенная плюшка. Брайану тут же вспомнился сон, и его аж затрясло.

– Что бы это ни было, произошло все неожиданно и очень быстро, – заметил он. – Посмотрите сюда. И сюда.

Он показывал на кресло пилота и на пол у кресла второ-

го пилота. Там, в свете от приборного щитка, поблескивали часы: водонепроницаемый «Ролекс» и «Пульсар».

– Если вам нужны часы, то выбор очень богатый, – раздался голос у них за спиной. – В салоне их полным-полно.

Обернувшись, Брайан увидел Алберта Косснера, аккуратненького и очень юного в ермолке и футболке с надписью «HARD ROCK CAFE». Рядом с ним стоял пожилой господин в пиджаке спортивного покроя.

– Правда? – спросил Ник.

Похоже, впервые он потерял присущую ему самоуверенность.

– Часы, драгоценности и очки, – пояснил Алберт. – А также сумочки и бумажники. Но самое странное... я уверен, что там есть вещи, которые находились *внутри* людей. Вроде хирургических штифтов и кардиостимуляторов.

Ник посмотрел на Брайана. Англичанин заметно побледнел.

– Откровенно говоря, я склонялся к точке зрения нашего грубого и болтливового друга. Думал, что самолет где-то приземлился, пока я спал. А потом команда и большая часть пассажиров выгрузились незаметно для меня.

– Я бы проснулся, если бы самолет начал спускаться. Это привычка. – Брайан неожиданно для себя заметил, что не может оторвать глаз от пустых кресел, недопитой чашки кофе, недоеденной плюшки.

– Со своей стороны я мог бы сказать то же самое, – согла-

сился Ник, – поэтому я решил, что мне подсыпали снотворного.

«Уж не знаю, чем зарабатывает этот парень на жизнь, – подумал Брайан, – но он наверняка не продает подержанные автомобили».

– Мне снотворного подсыпать не могли, потому что я ничего не пил, – ответил Брайан.

– Я тоже, – поддакнул Алберт.

– В любом случае, пока мы спали, самолет не садился, не взлетал, – заверил их Брайан. – Самолет *может лететь* на автопилоте, «конкорд» *может садиться* на автопилоте, но без человека самолет в воздух не поднять.

– Значит, мы не селились, – кивнул Ник.

– Нет.

– Тогда куда же они подевались, Брайан?

– Не знаю. – Брайан шагнул к креслу пилота, сел.

6

«Боинг-767» летел на высоте 36 тысяч футов, как и говорила Мелани Тревор, курсом 090. Через час или два им предстояло изменить курс, повернув на север. Брайан взял штурманскую книгу, взглянул на датчик скорости, сделал несколько быстрых расчетов. Потом надел наушники.

– Денверский центр, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять, прием.

Он переключился в режим приема и... ничего не услышал. Абсолютно ничего, даже статических помех. Проверил радиочастоту. 7700, как и положено. Вернулся в режим передачи.

— Денверский центр, пожалуйста, ответьте, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять, повторяю, «Американская гордость». У меня проблемы, Денвер, проблемы.

Режим приема. И ничего.

От следующего движения Брайана сердце Алберта Туза Косснера учащенно забилося. Действительно испугаешься, если пилот бьет ребром ладони по контрольной панели. «Боинг-767» — едва ли не самый современный, напичканный электроникой пассажирский самолет. А высокочувствительная электроника не любит, когда с ней так обращаются. Подобные методы применимы разве что к старому радиоприемнику, который покупаешь за доллар на какой-нибудь распродаже.

Брайан вновь вызвал Денверский центр. И снова не получил ответа. Никакого ответа.

7

Поначалу Брайан просто ничего не мог понять. А потом испугался, по-настоящему испугался. До этого момента времени на страх у него не было. Впрочем, он еще не исчерпал все возможности. Брайан перешел на аварийную радио-

частоту. Снова не получил ответа. Такого он и представить себе не мог. Все равно что набираешь на Манхэттене номер 911, а автоответчик сообщает тебе, что все уехали на уик-энд. Если обращаешься за помощью по аварийной радиочастоте, ответ приходит *всегда*.

«Во всяком случае, до этой ночи», – уточнил про себя Брайан.

Он перешел на UNICOM, частотный диапазон, в котором пилоты частных самолетов получали инструкции, касающиеся посадки в маленьких аэропортах. И ничего не услышал. Он не верил своим ушам. Обычно пилоты частных самолетов трещали без умолку. Девчушка в «пайпере» интересовалась погодой. Парень из «сессны» выпрыгивал из штанов, требуя позвонить его жене и сказать, что к обеду приедут трое гостей. Пилот «лира» просил дежурную в аэропорту Арвады сообщить пассажирам, зафрахтовавшим его самолет, что он задержится на пятнадцать минут, но на бейсбольный матч в Чикаго они успеют.

Сейчас в эфире стояла мертвая тишина. Разговоры как отрезало.

Брайан вернулся на аварийную радиочастоту ФАУ⁷.

– Денвер, отвечайте! Немедленно отвечайте! Говорит «АГ», рейс двадцать девять, отвечайте мне, черт бы вас побрал!

Ник положил руку ему на плечо:

⁷ Федеральное авиационное управление.

– Спокойно, приятель.

– Сторожевая собака не лает! – В голосе Брайана послышались истеричные нотки. – Это невозможно, но вот случилось! Господи, что у них там внизу? Атомная война?

– Спокойно, – повторил Ник. – Возьмите себя в руки, Брайан, и скажите мне, при чем тут собака, которая не лает.

– Я про Денверский центр управления полетами! Это сторожевая собака! Я про аварийную радиочастоту ФАУ! Это *тоже* сторожевая собака! И UNICOM *тоже* сторожевая собака! Я никогда...

Брайан щелкнул другим переключателем.

– Видите, коротковолновый диапазон. Станции должны перебивать друг друга, как лягушки на болоте, а стоит-то полная тишина.

Брайан бросил испуганный взгляд на Ника и Алберта Коснера, которые склонились над ним.

– Нет луча наведения из Денвера.

– То есть?

– То есть я не могу связаться с Денвером по радио и не могу засечь луч наведения радиолокационной станции. Бортовые приборы говорят о том, что Денверский центр управления полетами не функционирует. Это же чушь собачья! Такого быть *не может*.

И тут Брайана осенила ужасная мысль. Он побледнел как полотно. Посмотрел на Алберта.

– Слушай, парень, выгляни в окно. По левому борту.

Алберт Косснер выглянул. И долго не оборачивался к Брайану и Нику.

– Ничего, – наконец сказал он. – Абсолютно ничего. Последние отроги Скалистых гор и начало равнины.

– Огней нет?

– Нет.

Брайан поднялся. Ноги стали как ватные. Долго смотрел вниз.

– Денвер пропал, не так ли? – нарушил Ник затянувшееся молчание.

Штурманские карты, показания бортовой навигационной системы свидетельствовали о том, что самолет летит пятьюдесятью милями южнее Денвера... но внизу Брайан видел только темноту: Рокки плавно переходили в Великие равнины.

– Да, – выдохнул он. – Денвер пропал.

8

Какое-то время в кабине пилотов стояла могильная тишина, а потом Ник повернулся к аудитории, состоящей на тот момент из Алберта, мужчины в поношенном пиджаке спортивного покроя и девушки. Ник хлопнул в ладоши, как воспитательница детского садика. И заговорил с ее же интонациями:

– Значит, так! Возвращайтесь на свои места. Я думаю, нам

не помешают тишина и покой.

– Мы и не шумим, – резонно возразила девушка.

– Как мне представляется, этот джентльмен подразумевает не тишину, а возможность поговорить с пилотом наедине. – По голосу мужчины в поношенном пиджаке чувствовалось, что человек этот интеллигентный, многое знает и понимает. В его взгляде, устремленном на Брайана, была тревога.

– Именно это я имею в виду, – согласился Ник. – Пожалуйста.

– С ним все будет в порядке? – спросил мужчина в пиджаке, понизив голос. – Очень уж мистер Брайан расстроен.

– Да. Он оклемается. Я об этом позабочусь, – ответил Ник тем же доверительным тоном.

– Пошли, детки, – скомандовал мужчина в пиджаке, положил одну руку на плечо Алберта, вторую – на плечо девушки. – Вернемся в салон, займем свои места. У нашего пилота много дел.

Если они понижали голос, чтобы не тревожить Брайана Энгла, то зря старались. Сейчас он был рыбой, плывущей в реке, над которой проносилась стайка птиц. Они щебетали, звук этот долетал до рыбы, но та не обращала на него ни малейшего внимания. Вот и Брайан лихорадочно перескакивал с одного радиодиапазона на другой, пытался ухватить бортовым радаром сигнал хотя бы одной работающей наземной радиолокационной станции.

Он чувствовал, как пот, словно слезы, течет по щекам, чувствовал прилипшую к спине рубашку.

Должно быть, пахну я, как свинья, думал Брайан, или...

Тут его словно пронзила молния. Он переключился на армейскую радиочастоту, хотя инструкции это строго-на-строго запрещали. Стратегическое авиационное командование практически оккупировало Омаху. Уж они-то должны остаться в эфире. Они, конечно, прикажут ему убраться с их частоты, может, даже пригрозят пожаловаться в ФАУ, но Брайана это не пугало. Может, он будет первым, кто сообщит военным о том, что город Денвер «отправился в отпуск».

– Военный авиационный контроль, военный авиационный контроль, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять. У меня проблемы, серьезные проблемы, вы меня слышите? Прием.

Эта собака тоже не залаяла.

Вот тут Брайан почувствовал, как изнутри, возможно из подсознания, лезет что-то большое и страшное. Лезет, чтобы утащить его разум в темные глубины.

9

Ник Хопуэлл положил руку ему на плечо, у самой шеи. Брайан подпрыгнул в кресле и чуть не вскрикнул от неожиданности. Повернулся, увидел лицо Ника в трех дюймах от своего.

«Сейчас он схватит меня за нос и крутанет», – подумал Брайан.

Но Ник не схватил его за нос. Он заговорил твердо и решительно, не отрывая взгляда от глаз Брайана:

– Я вижу, что с вами происходит, друг мой... но мне не нужно смотреть вам в глаза, чтобы знать, что там. Я слышу это в вашем голосе; для того чтобы понять что к чему, достаточно посмотреть, как вы сидите в кресле. А теперь слушайте меня, и слушайте внимательно: ПАНИКА НЕДОПУСТИМА!

Брайан смотрел на него, замороженный.

– Вы меня понимаете?

– На мою работу не берут тех, кто может запаниковать, Ник. – Слова давались Брайану с трудом.

– Это мне известно, но ситуация уникальная. Вы, однако, должны помнить, что на борту десять или больше человек, и ваша работа остается прежней – опустить их на землю целыми и невредимыми.

– Вам нет нужды объяснять, в чем заключается моя работа! – отрезал Брайан.

– Боюсь, что такая нужда была, – покачал головой Ник. – Но теперь вы выглядите гораздо лучше, и я этому только рад.

Брайан не просто выглядел лучше, он уже приходил в себя. Ник задел самую чувствительную струнку – напомнил ему об ответственности перед пассажирами. *А ведь он туда и метил*, подумал Брайан.

– А чем вы зарабатываете на жизнь, Ник? – спросил Брайан. Самообладание почти полностью вернулось к нему.

Ник откинул голову и рассмеялся:

– Занимаю пост атташе по делам молодежи в посольстве Великобритании, старичок.

– Ой ли?

Ник пожал плечами:

– Ну... так, во всяком случае, написано в моих бумагах, и это всех устраивает. Если у кого-то возникнут возражения, придется подаваться в механики ее величества. Я могу починить все, что требует ремонта. Сейчас вот требуется починить вас.

– Благодарю, – сухо ответил Брайан, – но я уже починился.

– Отлично. Тогда... что вы собираетесь делать? Можете вы ориентироваться в пространстве без всех этих наземных штучек? Сможете избежать столкновения с другими самолетами?

– Для прокладки курса вполне достаточно бортового навигационного оборудования. Что же до других самолетов... – Брайан указал на экран радара. – Этот господин утверждает, что *других* самолетов нет.

– Могут и быть, – покачал головой Ник. – Наверное, изменились исходные условия, хотя бы на время. Вы упоминали атомную войну, Брайан. Я думаю, если бы произошел обмен ядерными ударами, мы бы об этом знали. Но остается вероятность инцидента. Вы знакомы с таким феноменом,

как электромагнитный импульс?

Брайан вспомнил Мелани Тревор. «Нам сообщили о полярном сиянии над пустыней Мохаве. Может, захотите посмотреть?»

А если дело в этом? И происходящее вокруг – результат необъяснимого природного феномена?

Конечно, возможно и такое. Но тогда почему он не слышал статических помех? Почему на экране радара нет интерференционных волн? Почему он абсолютно пуст? И едва ли можно возлагать на полярное сияние ответственность за исчезновение почти двухсот пассажиров.

– Так что? – спросил Ник.

– Вы, конечно, отличный механик, Ник, – после долгой паузы ответил Брайан, – но я думаю, что электромагнитные импульсы тут ни при чем. Все бортовое оборудование, включая компас, работает нормально. – Он указал на цифры, высвечивающие направление полета. – Если б мы подверглись воздействию электромагнитного импульса, на приборном щитке разверзся бы ад. А вы сами видите, что горят на нем только зеленые лампочки.

– Понятно. Так вы решили лететь в Бостон?

«Так вы решили...» – эти слова изгнали из сознания Брайана последние остатки паники.

«Все правильно, – подумал он. – Кому еще отвечать на этот вопрос, как не мне. Теперь я – капитан этого лайнера... и это, между прочим, самое главное. Следовало напомнить

мне об этом в самом начале, друг мой, и тогда нам не пришлось бы переживать столько неприятных минут».

– Садиться в Логане на рассвете, даже не представляя, что творится в окрестностях аэропорта да и во всем мире? Ни в коем случае.

– Тогда куда нам лететь? Или вам нужно время, чтобы подумать об этом?

Времени Брайану не требовалось: получив отправную точку, он быстро составил план дальнейших действий.

– Я знаю, куда нам лететь. И думаю, что пора побеседовать с пассажирами. Оставшимися в самолете.

Он взял микрофон, и тут же в кабину пилотов заглянул лысый мужчина, который спал в салоне бизнес-класса.

– Не соблаговолит ли кто-нибудь из джентльменов объяснить мне, что случилось с обслуживающим персоналом этого самолета? – сварливым тоном осведомился он. – Я отлично выспался... но теперь хочется есть.

10

Дайна Беллман чувствовала себя гораздо увереннее. Как хорошо, что рядом люди, как приятно ощущать их присутствие. Девочку окружили Алберт Косснер, Лорел Стивенсон и мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя, который представился Робертом Дженкинсом. Он сказал, что написал больше сорока детективов и летит в Бостон на кон-

гресс, организованный поклонниками этого жанра.

Все четверо устроились в центральном ряду головной части главного салона. Мужчина в водолазке занял кресло в правом ряду, ближе к хвосту. Сидел он, приложив к носу платок, хотя кровотечение уже прекратилось, и медленно наливался желчью. Дон Гаффни расположился поблизости, нервно поглядывая на Водолазку. Заговорил Гаффни лишь однажды, спросив Водолазку, как его зовут. Водолазка не ответил. Лишь пронзил Гаффни злобным взглядом, и тот от дальнейших вопросов воздержался.

– Кто-нибудь представляет себе, что здесь происходит? – Голос Лорел переполняла мольба. – Впервые за десять лет я отправилась в настоящий отпуск, и вот такой сюрприз.

Так уж получилось, что Алберт смотрел на мисс Стивенсон, когда она произносила эти слова. И заметил, что при упоминании о первом за десять лет настоящем отпуске она три или четыре раза быстро моргнула, словно в глаз попала пылинка. И он почему-то подумал: «А ведь дамочка лжет. По известной только ей причине, но лжет». Алберт пригляделся к мисс Стивенсон повнимательнее: на лице признаки увядающей красоты, еще чуть-чуть, и Лорел перейдет в категорию женщин среднего возраста, станет бесцветной мышкой (для юноши средний возраст начинался с тридцати лет). Зато сейчас ее щеки так и полыхали румянцем. Алберт не знал, что кроется за этой ложью, но видел, как женщина вдруг расцвела, превратившись чуть ли не в красавицу.

«Этой даме надо бы почаще лгать», – решил Алберт.

Но прежде чем кто-то успел ответить на вопрос мисс Стивенсон, из динамиков громкой связи донесся голос Брайана:

– Дамы и господа, с вами говорит капитан.

– Тоже мне капитан, – фыркнул Водолазка.

– Заткнись! – рявкнул Гаффни.

Водолазка зыркнул на него, но больше ничего не сказал.

– Как вы все, несомненно, знаете, мы оказались в более чем неординарной ситуации, – продолжил Брайан. – Мне нет нужды объяснять, что к чему. Вам достаточно оглядеться, чтобы все понять.

– Я ничего не понимаю, – пробормотал Алберт.

– Мне, правда, известно кое-что еще. Боюсь, ничего хорошего я вам сказать не смогу, но, раз уж мы все завязли в этой истории, буду предельно откровенен. У меня нет связи с землей. Примерно пять минут назад мы должны были увидеть огни Денвера. Но не увидели. Сейчас я могу назвать только одну причину: кто-то позабыл оплатить счет за электричество. И пока мы не получим дополнительной информации, будем считать, что другой причины и быть не может.

Последовала пауза. Лорел держала Дайну за руку. Алберт присвистнул. Роберт Дженкинс, автор детективных романов, положив руки на колени, смотрел в никуда.

– Все это – плохие новости, – вновь заговорил Брайан. – Но есть и хорошие. Все системы самолета работают нормально, топливо есть, я обладаю достаточной квалификацией,

чтобы управлять этой машиной. И посадить ее на землю. Думаю, мы все согласны с тем, что безопасное приземление – наша основная цель. И пока она не достигнута, мы с вами ничего не можем поделать. Я хочу заверить вас, что проблем с посадкой у нас не будет. И последнее, о чем я хочу вам сейчас сообщить: теперь мы летим в Бангор, штат Мэн.

Водолазка аж подпрыгнул и проревел:

– *Чт-т-о-о-о?*

– К нашему бортовому навигационному оборудованию претензий нет, чего я не могу сказать о наземных радиолокационных станциях, информация которых всегда используется при выполнении сложных маневров, к каковым относится и посадка. В сложившихся обстоятельствах я не считаю возможным входить в воздушное пространство аэропорта Логан. Я не могу ни с кем связаться по радио, ни в воздухе, ни на земле. Бортовое оборудование функционирует нормально, но мне представляется, что при сложившихся обстоятельствах этого недостаточно. Международный аэропорт Бангора обладает следующими преимуществами: подлетный участок проходит над землей, а не над водой, самолетов в момент нашего прибытия, в половине девятого утра, будет немного, если они вообще будут. И наконец, МАБ, в прошлом база военно-воздушных сил, обладает самой длинной посадочной полосой из всех гражданских аэропортов Восточного побережья Соединенных Штатов. Наши французские и английские друзья сажают там «конкорд», если не

могут сесть в Нью-Йорке.

– Этим утром, в девять часов, у меня важная встреча в Пру, – завопил Водолазка, – и я ЗАПРЕЩАЮ ВАМ ЛЕТЕТЬ В ДЕРЬМОВЫЙ МЭНСКИЙ АЭРОПОРТ!

Дайна подпрыгнула, испугавшись вопля Водолазки, прижалась щекой к груди Лорел. Девочка еще не плакала, но Лорел почувствовала, что малышку вот-вот начнут сотрясать рыдания.

– ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? – бушевал Водолазка. – МЕНЯ ЖДУТ В БОСТОНЕ НА ОБСУЖДЕНИИ ВАЖНОЙ ПРОБЛЕМЫ, КАСАЮЩЕЙСЯ КРУПНЕЙШЕЙ СДЕЛКИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБЛИГАЦИЯМ, И Я НАМЕРЕН ПРИБЫТЬ ТУДА ВОВРЕМЯ!

Он расстегнул ремень безопасности, приподнялся. Щеки его пылали румянцем, лоб, наоборот, побледнел. Особенно испугала Лорел пустота в его глазах.

– ВЫ ПОНИМАЕ...

– Пожалуйста, – взмолилась Лорел. – Пожалуйста, успокойтесь, мистер, вы пугаете маленькую девочку.

Водолазка обернулся, и взгляд пустых глаз остановился на ней. Лорел не могла вымолвить ни слова.

– ПУГАЮ МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ? МЫ ЛЕТИМ ЧЕРТ ЗНАЕТ КУДА, В КАКОЙ-ТО ДЕРЬМОВЫЙ АЭРОПОРТ, А ВАС ВОЛНУЕТ, КАК БЫ НЕ ИС...

– Сядь и заткнись, а не то я тебе врежу, – встал Гаффни, лет на двадцать старше Водолазки, но крупнее и гораздо ши-

ре в плечах.

Рукава красной фланелевой рубашки он закатал до локтей, а когда пальцы его сжались в кулаки, все увидели, какими буграми вспухли бицепсы. Он напоминал дровосека, который только что вышел на пенсию и еще не потерял былой силы.

Верхняя губа Водолазки поползла вверх в зверином оскале. Лорел перепугалась еще больше, почувствовав, что он не владеет собой. Ей первой пришла мысль о том, что Водолазка тронулся умом.

– Не думаю, что тебе удастся справиться со мной в одиночку, – процедил Водолазка.

– А я ему помогу, – подал голос лысый мужчина из салона бизнес-класса. – С удовольствием врежу тебе, если не заткнешься.

Тут набрался храбрости и Алберт Косснер.

– И я тоже, поц паршивый, – добавил он, чувствуя себя одним из героев Аламо, переступающим черту, проведенную по песку полковником Трейвисом.

Водолазка огляделся. Верхняя губа опустилась и поднялась вновь, все в том же зверином оскале.

– Я вижу. Вижу. Вы все против меня. Хорошо. – Он сел, бросая на всех злобные взгляды. – Если б вы что-нибудь знали о рынке государственных облигаций Южной Америки... – И осекся.

Рядом с ним, на ручке соседнего кресла, лежала бумажная

салфетка. Водолазка взял ее, внимательно оглядел и начал мять.

– Злиться на нас не надо, – заговорил Гаффни. – Не думайте, мистер, что я какой-нибудь громила. – «Он старается разрядить обстановку, – подумала Лорел, – но чувствуется, что здорово злится на Водолазку». – Успокойтесь, расслабьтесь. Постарайтесь увидеть во всем этом светлую сторону. Авиакомпания наверняка возместит вам стоимость билета в оба конца.

Водолазка на мгновение вскинул глаза на Дона Гаффни и вновь посмотрел на салфетку. Теперь он уже не мял ее, а разрывал на длинные полоски.

– Кто-нибудь знает, как пользоваться печкой на камбузе? – спросил Лысый, словно ничего и не произошло. – Есть хочется.

Ему никто не ответил.

– Наверное, никто не знает, – грустно вздохнул Лысый. – Эра специализации. В какое ужасное время мы живем. – С этим философским утверждением он и удалился в салон бизнес-класса.

Лорел посмотрела на девочку и увидела, что из-под черных очков по щекам бегут слезы. Она тут же забыла о собственных страхах и крепко прижала Дайну к себе.

– Не плачь, милая... этот мужчина просто расстроился. Теперь ему лучше.

«Во всяком случае, сидит на месте и как зачарованный

рвет салфетку», – подумала Лорел.

– Мне страшно, – прошептала девочка. – Мы все кажемся этому мужчине чудовищами.

– Нет, я так не думаю. – В голосе Лорел слышались нотки удивления. – С чего ты это взяла?

– Не знаю.

Дайне нравилась эта женщина, понравилась, как только услышала ее голос, но девочка не собиралась говорить Лорел, что какое-то мгновение видела их всех, включая себя, глазами мужчины с громким голосом. Она побывала в сознании мужчины с громким голосом, то ли мистера Тумса, то ли мистера Тунни, а может, фамилия у него была и другая, но для него пассажиры представлялись сворой злых, эгоистичных троллей.

Если бы Дайна сказала такое мисс Ли, последняя подумала бы, что она сошла с ума. Почему эта женщина, которую она только что встретила, должна была воспринять такое иначе?

Вот Дайна и промолчала.

Лорел поцеловала девочку в щеку, горевшую огнем.

– Не бойся, милая. У нас есть капитан, он знает, что надо делать, ты это чувствуешь, не так ли, и через несколько часов мы вновь вернемся на землю.

– Это хорошо. Только я хочу, чтобы тетя Викки была со мной. Где она, как вы думаете?

– Не знаю, милая, – ответила Лорел. – Но хотелось бы

знать.

Дайна вновь подумала о лицах, которые видели глаза кричавшего мужчины: злых лицах, жестоких. Подумала о своем лице, пухлом детском личике с глазами, спрятавшимися за громадными черными очками. Вот тут мужество покинуло ее, и она разрыдалась, прижимаясь к груди Лорел. Женщина обнимала ее, не зная, что делать, и вскоре сама начала плакать. Так они поплакали минут пять, а потом Дайна начала успокаиваться. Лорел взглянула на худощавого молодого человека, его звали то ли Алберт, то ли Лавин, и увидела, что и у него глаза на мокром месте. Он поймал взгляд Лорел и торопливо уставился на свои руки.

Дайна последний раз всхлипнула и затихла.

– Похоже, слезы не помогают, а? – спросила она после долгой паузы.

– Похоже, что нет, – согласилась Лорел. – Почему бы тебе не поспать, Дайна?

Девочка вздохнула, в горле у нее что-то забулькало.

– Не думаю, что смогу. *Я спала.*

Я тоже спала, подумала Лорел.

«767» продолжал лететь в восточном направлении на высоте 36 тысяч футов, каждый час оставляя за собой пятьсот миль погруженной в темноту центральной части Америки.

Глава 3

Метод дедукции. Случайности и статистика. Возможности для спекуляций. Давление во впадинах. Проблема Бетани. Начало спуска

1

– Час тому назад маленькая девочка высказала очень интересную мысль, – неожиданно нарушил тишину Роберт Дженкинс.

Маленькая девочка уже давно крепко спала, несмотря на свои сомнения в том, что сможет заснуть. Алберт Коссер тоже клевал носом, мечтая вновь вернуться на таинственные улицы Томбстоуна. Он достал скрипку из багажной ячейки над креслом, и теперь она лежала у него на коленях.

– Что? – Он выпрямился.

– Извини. Ты дремал.

– Нет, – ответил Алберт. – Не до сна сейчас, знаете ли. – И повернулся к Дженкинсу, наверное, чтобы это доказать.

Под налитыми кровью глазами темнели мешки. Дженкинс подумал, что чем-то этот юноша напоминает енота, которого спугнули, когда тот шарил по мусорным контейнерам.

– Так какую мысль она высказала?

– Она сказала мисс Стивенсон, что *не сможет* заснуть,

потому что уже спала. Раньше.

Алберт скопился на Дайну.

– Но она спит.

– Я вижу, что спит, дорогой мальчик. Но не в этом дело, совсем не в этом.

Алберт хотел было сказать, что Тузу Косснеру, самому быстрому стрелку-еврею к западу от Миссисипи и единственному тегасцу, выжившему в битве при Аламо, не нравится, когда его называют дорогим мальчиком, но решил не придавать этому особого значения... пока.

– Тогда в чем же?

– Я тоже спал. Отключился до того, как капитан, наш первый капитан, погасил табличку с надписью «НЕ КУРИТЬ». Такое со мной случается всегда. Поезда, автобусы, самолеты – я засыпаю, как младенец, как только они заводят двигатель. А как насчет тебя, дорогой мальчик?

– А что насчет меня?

– Ты спал? Спал, не так ли?

– Э... да.

– Мы *все спали*. А вот люди, которые бодрствовали, исчезли.

Алберт задумался.

– Возможно...

– Никаких возможно, – отмахнулся Дженкинс. – Я пишу детективные романы, зарабатываю этим на жизнь. Можно сказать, дедукция – мои хлеб и масло. Если бы кто-то бодр-

ствовал в момент, когда исчезали все эти люди, неужели ты думаешь, что он не поднял бы крик и не разбудил нас?

– Поднял бы, – согласился Алберт. – Только того парня, что лежит в самом хвосте, он бы не разбудил. Думаю, его не разбудила бы и сирена.

– Возражение принимается. Но никто не кричал, не так ли? И никто не вызвался рассказать нам, что произошло. Поэтому я и предполагаю, что самолет покинули только не спавшие пассажиры. Естественно, вместе с бодрствующим экипажем.

– Да. Похоже на то.

– У тебя в глазах тревога, дорогой мальчик. По выражению лица ясно видно, что моя идея тебе не нравится, несмотря на всю ее привлекательность. Позволь спросить, почему? Я что-то упустил? – По тону Дженкинса было件нятно, что он в это не верит, но чувствовалось, что мама привила ему хорошие манеры.

– Не знаю, – честно признался Алберт. – Сколько нас? Одиннадцать?

– Да, считая того парня, что храпит в хвосте, нас одиннадцать.

– Если вы правы, нас не должно быть больше?

– Почему?

Но Алберт не ответил, потому что внезапно перед его мысленным взором возник образ из детства. Теологически его воспитывали в некой буферной зоне, поскольку родите-

ли уже не были ортодоксами, но еще не стали агностиками. Он и его братья соблюдали диетологические традиции (или законы, как ни назови), все праздновали бармитцву, все знали, кто они такие, откуда пришли и что сие означает. А то, что он сейчас вспомнил, ему рассказали в храме. Историю о последней казни египетской, о том, что свершил ночью по велению Господа ангел смерти.

Но теперь Алберт видел ангела, идущего не по Египту, а по салонам «767», летящего рейсом 29, прижимая пассажиров к своей ужасной груди... не потому, что они забыли помазать дверные косяки (или спинки кресел) кровью агнца, а потому...

Почему? Почему?

Ответа Алберт не находил, и по его телу пробежала дрожь. Лучше б ему не вспоминалась *эта история*.

– Алберт? – Голос Дженкинса донесся откуда-то издалека. – Алберт, с тобой все в порядке?

– Да. Просто задумался. – Юноша откашлялся. – Если бы все спящие пассажиры остались в креслах, нас было бы человек шестьдесят. Может, и больше. Я хочу сказать, это же «красный глаз».

– Дорогой мальчик, а ты...

– Не могли бы вы называть меня Албертом, мистер Дженкинс? Это мое имя.

Дженкинс потрепал Алберта по плечу.

– Прошу прощения. Искренне. Только не подумай, что я

отношусь к тебе свысока. Я нервничаю, а когда нервничаю, у меня привычка уходить в... знаешь, как черепаха прячется под панцирь. Только я прячусь в выдуманный мир. Представляю себе, что играю Фило Вэнса. Это детектив, великий детектив, созданный Эс. Эс. Ван-Дайном. Полагаю, ты его книг не читал. Едва ли кто читает их в наши дни, о чем можно только сожалеть. Но все равно извини меня.

– Ничего страшного.

– Отныне ты Алберт и будешь Албертом во веки веков, – пообещал Роберт Дженкинс. – Но я хотел спросить, летал ли ты раньше «красным глазом»?

– Нет. Я вообще первый раз лечу через всю страну.

– А я летал. Многократно. Несколько раз даже изменял своим привычкам и какое-то время бодрствовал. Когда я был моложе, а двигатели шумели гораздо сильнее. Я, наверное, покажусь тебе глубоким стариком, если признаюсь, что первый раз с побережья на побережье летел на самолете с турбовинтовыми двигателями и с двумя промежуточными посадками, так как на весь перелет горючего не хватало.

Так вот, я заметил, что очень мало людей засыпают в первый час полета... зато потом спят практически все. В этот первый час люди приспосабливаются к новым условиям, знакомятся с попутчиками, пропускают рюмку или две...

– Вы хотите сказать, обустроиваются, – поддакнул Алберт.

Он мог подписаться под словами Дженкинса, хотя сам обустроился на удивление быстро. Должно быть, потому, что

практически не спал две последние ночи, думая о путешествии и новой жизни, которая ждала его в Бостоне. В результате он провалился в сон, едва «767» оторвался от взлетной полосы.

– Вьют себе маленькие гнездышки, – согласился Дженкинс. – Ты, часом, не заметил тележку с напитками около кабины пилотов... Алберт?

– Да, видел.

– Конечно! – Глаза Дженкинса блеснули. – Ты *внимательно* ее рассмотрел?

– Наверное, нет, если вы увидели то, чего не заметил я.

– Замечает не глаз, а *мозг*, Алберт. Натренированный упражнениями по дедукции мозг. Я не Шерлок Холмс, но заметил, что ее выкатили из маленького чуланчика, где она обычно хранится, а на нижней полочке *еще* стояли использованные в прошлом полете стаканы. Отсюда, руководствуясь дедуктивным методом, я сделал вывод: самолет взлетел, как обычно; плавно набрал высоту, капитан уже готовился передать управление автопилоту и погасил табличку «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». На это ушло примерно тридцать минут, то есть, если мои предположения соответствуют действительности, происходило все это примерно в час ночи, разумеется, по лос-анджелесскому времени. Стюардессы поднялись со своих мест и занялись наипервейшим делом: напоить сто пятьдесят (или около того) пассажиров. Капитан тем временем запрограммировал автопилот выровнять самолет на вы-

соте 36 тысяч футов и лететь на восток. Несколько пассажиров, точнее одиннадцать, уже спали. Кто-то дремал, но еще не заснул, а потому тоже не спался, остальные бодрствовали.

– Вили свои гнездышки, – вставил Алберт.

– Совершенно верно! Вили свои гнездышки! – Дженкинс выдержал театральную паузу. – А потом это и произошло!

– Что *это*, мистер Дженкинс? – спросил Алберт. – Есть у вас какие-нибудь идеи?

Дженкинс долго не отвечал, а когда наконец заговорил, прежнего веселья в голосе как не бывало. И Алберт впервые понял, что уверенность в себе, демонстрируемая Дженкинсом, наигранная, а на самом деле писатель напуган не меньше его, Алберта. Юношу это только порадовало: пожилой детективщик в выдавшем виды пиджаке стал ему ближе и понятнее.

– Расследование преступления в закрытой комнате – вот где дедуктивный метод проявляется наиболее полно. Я написал на эту тему несколько детективов, даже больше, чем несколько, но и представить себе не мог, что стану участником одного из них.

Алберт не знал что ответить. Ему вспомнился один из рассказов о Шерлоке Холмсе, который назывался «Пестрая лента». В нем ядовитая змея попадала в знаменитую закрытую комнату через вентиляционную шахту. Бессмертному Холмсу даже не пришлось напрягаться при решении этой головоломки. Но если багажные ячейки над сиденьями были бит-

ком набиты ядовитыми змеями, то куда подевались трупы?
Где тела?

Страх вновь стал закрадываться в душу Алберта. Юноша подумал о том, что сейчас он совсем не похож на Туза Коснера, знаменитого стрелка.

– Если б речь шла только о самолете, – медленно заговорил Дженкинс, – я бы, пожалуй, мог предложить достаточно убедительную версию. В конце концов именно этим я зарабатываю на хлеб последние двадцать пять лет. Хочешь ее выслушать?

– Конечно.

– Очень хорошо, Алберт. Представим, что какое-нибудь государственное агентство, предпочитающее не светиться на публике, назовем его Контора, решило провести эксперимент, а мы стали подопытными. Цель такого эксперимента – определение эффекта эмоционального стресса на группе средних американцев. Они, ученые, проводящие эксперимент, ввели в бортовую систему подачи воздуха не имеющий запаха снотворный препарат...

– А такие препараты есть? – осведомился Алберт.

– Конечно. Диазалин, например. Или метопромиол. Я помню, как читатели, полагавшие себя «серьезными людьми», смеялись над романами Сакса Ромера о Фу Манчи, называя их никуда не годной мелодрамой. – Дженкинс покачал головой. – Теперь благодаря развитию биологических исследований и многочисленным агентствам вроде ЦРУ мы

живем в мире, который Сакс Ромер не мог представить себе и в самом дурном сне.

Диазалин, по существу, нервный газ, подошел бы лучше всего. Действует он очень быстро. После его подачи в систему кондиционирования *все* бы заснули, кроме пилота, который дышал бы чистым воздухом через кислородную маску.

– Но... – начал Алберт.

Дженкинс улыбнулся и поднял руку.

– Твое возражение мне известно, Алберт, и я смогу все объяснить. Позволишь?

Алберт кивнул.

– Пилот сажает самолет на секретном аэродроме, скажем, в Неваде. Пассажиров, которые не спали в момент подачи газа, и, разумеется, стюардесс выносят некие люди в белых защитных костюмах, как в фильме про Андромеду, помнишь? Пассажиры, которые заснули до подачи газа, в том числе ты и я, продолжают спать, возможно, чуть крепче, чем раньше. Потом пилот возвращает «767» на расчетные высоту и курс. Включает автопилот. Когда самолет достигает Скалистых гор, эффект действия газа сходит на нет. Диазалин относится к так называемым «чистым наркотикам», то есть остаточных явлений вроде головной боли, рези в глазах или похмелья не наблюдается. Пилот, через систему внутренней связи услышавший крики маленькой слепой девочки, знает, что она перебудит остальных. Эксперимент вступает в решающую фазу. Поэтому капитан встает, выходит из кабины пи-

лотов, закрывает за собой дверь.

– Как он это делает? Снаружи нет ручки.

Дженкинс махнул рукой.

– Сущий пустяк, Алберт. Он запирает дверь только на собачку.

Губы Алберта начали расползаться в улыбке и замерли.

– В этом случае пилот – один из нас?

– Да и нет. По моей версии, Алберт, пилот – он и есть пилот. Пилот, вроде бы летящий в Бостон, случайно оказывается на борту. Он должен сидеть в салоне первого класса, футах в тридцати от кабины.

– Капитан Энгл, – выдохнул Алберт.

Дженкинс самодовольно улыбнулся, как ученый, только что доказавший сложную теорему.

– Капитан Энгл, – согласился он.

Они не заметили, что Водолазка давно уже не спускает с них глаз. Но теперь Водолазка достал из кармана на спинке сиденья распространяемый авиакомпанией журнал, развернул его и начал рвать обложку на длинные полоски. Полоски падали на пол, на уже разорванную салфетку, на его коричневые туфли.

Губы Водолазки беззвучно шевелились.

2

Если бы Алберт изучал Новый Завет, он бы понял, что по-

чувствовал Саул, этот самый яростный преследователь первых христиан, когда он прозрел на дороге в Дамаск. Алберт воззрился на Роберта Дженкинса сверкающими глазами, последние остатки сна как ветром сдуло.

Разумеется, когда подумаешь об этом... когда кто-нибудь, вроде мистера Дженкинса, сохранившего способность ясно мыслить, в поношенном пиджаке или без него, разъяснит тебе, что к чему, открывается очевидная истина: по-другому и быть не может. Почти все пассажиры и команда самолета «Боинг-767» авиакомпании «Американская гордость», вылетевшего рейсом 29, исчезли между пустыней Мохаве и Великим водоразделом⁸... но среди оставшихся на борту (о чудо! чудо!) оказался *еще* один пилот «Американской гордости», обученный управлять именно с этой моделью самолета.

Дженкинс пристально посмотрел на Алберта, потом улыбнулся. Впрочем, глаза у писателя были грустные.

– Любопытная версия, не правда ли?

– Мы должны арестовать его, как только приземлимся! – с жаром воскликнул Алберт. – Вы, я, мистер Гаффни и этот англичанин. Он, видать, парень крепкий. Только... а если англичанин тоже в деле? Может, он телохранитель капитана Энгла. На случай, если кто-то вроде вас раскроет их замыслы.

⁸ Еще одно название Скалистых гор, которые являются водоразделом рек, впадающих в бассейны Тихого и Атлантического океанов.

Дженкинс уже хотел ответить, но Алберт продолжил, не дав ему вымолвить ни слова:

– Нам придется брать их обоих. Уж не знаю как. – Он сухо улыбнулся мистеру Дженкинсу: улыбкой Туза Косснера, холодной и безжалостной, улыбкой человека, который выхватывает револьвер быстрее молнии и знает об этом. – Я, возможно, не самый умный человек, мистер Дженкинс, но я не хочу быть чьей-то лабораторной крысой.

– Но, знаешь ли, кажется, эта версия не выдерживает проверки жизнью, – вставил Дженкинс.

Алберт мигнул.

– Не понял.

– Версия, которую я только что изложил тебе. Она нереальна.

– Но... вы сказали...

– Я сказал, «если бы речь шла только о самолете, я мог бы предложить убедительную версию». И предложил. И очень неплохую. Если из нее сделать книгу, мой литературный агент наверняка бы ее продал. К сожалению, самолетом дело не ограничивается. Денвер, к примеру, мог бы быть под нами, но все огни потушены, и его, похоже, нет. Я прикинул, какие города мы должны пролетать, и могу доложить тебе, что Денвером дело не ограничивается. Нет ни Омахи, ни Де-Мойна. Внизу темно, друг мой. Я не могу различить ни одного огонька. Ни ферм, ни элеваторов, ни развилоч автострад. Обычно они хорошо видны даже с высоты шести

милль. Земля обесточена. Можно поверить, что есть некое государственное агентство, которое может накачать нас наркотиками, чтобы потом понаблюдать за нашей реакцией. Но я и представить себе не могу, что какая-то Контора убедила всех и каждого, кто находится под нами, погасить свет, дабы усилить иллюзию нашего одиночества.

– А может... это ловкий трюк? – предположил Алберт. – Может, мы на земле и все, что мы видим в иллюминаторы, – кинопроекция. Я смотрел такой фильм.

Дженкинс печально покачал головой:

– Я уверен, что фильм был очень интересный, но в реальной жизни ничего не выйдет. Если только наше гипотетическое тайное агентство не научилось создавать гигантские трехмерные проекции, в чем я сильно сомневаюсь. Случившееся не ограничивается пространством самолета, Алберт, а потому дедуктивный метод для разгадки не годится.

– Но пилот! – воскликнул Алберт. – Он ведь оказался в нужном месте и в нужное время!

– Ты бейсбольный болельщик, Алберт?

– Что? Нет. Я, конечно, иногда смотрю «Ловкачей» по телевизору, но не более того.

– Тогда позволь познакомить тебя с самыми удивительными статистическими данными, зафиксированными знатоками этой игры, обожающими статистику. В 1957 году Тед Уильямс добежал до базы при шестнадцати подачах подряд. В течение шести игр. В 1941 году Джо Димаджо удачно по-

давал в пятидесяти шести играх подряд, но вероятность того, что он умножит свои достижения, бледнеет в сравнении с тем, чего добился Уильямс. Она равна одной двухмиллиардной. Бейсбольные фэны говорят, что повторить подвиг Уильямса невозможно. С этим я не согласен. Но готов поставить последний цент на то, что в ближайшую тысячу лет, если на Земле будут по-прежнему играть в бейсбол, рекорд Уильямса устоит.

– И что все это значит?

– Это значит, что присутствие капитана Энгла на борту самолета – случайность, точно такая же, как и уникальная серия подач Уильямса. Учитывая обстоятельства, счастливая для нас случайность. Если бы в жизни, как в детективном романе, не было случайностей и не происходило невероятных событий, пожалуй, на Земле было бы тише и скучнее. Но я убедился, что в реальности совпадение – скорее правило, чем исключение.

– Тогда что же произошло? – прошептал Алберт.

Дженкинс тяжело вздохнул:

– Боюсь, спрашивать об этом надо не меня. Жаль, что среди нас нет Ларри Нивена или Джона Варли.

– А кто это?

– Писатели-фантасты, – ответил Дженкинс.

– Полагаю, вы не читаете научную фантастику? – неожиданно спросил Ник Хопуэлл.

Брайан повернулся к нему. После того как Брайан взял управление самолетом на себя, Ник почти два часа просидел в кресле штурмана, наблюдая за безрезультатными попытками Брайана связаться с землей.

– В детстве только ее и читал. А вы?

Ник улыбнулся:

– До восемнадцати лет я истово верил, что Святая Троица состоит из Роберта Хайнлайна, Джона Кристофера и Джона Уиндема. Я вот сижу и перебираю в голове их романы, дружище. И думаю о такой фантастике, как свертывание времени, свертывание пространства, вторжение инопланетян.

Брайан кивнул. На душе у него полегчало. Приятно сознавать, что не тебя одного посещают безумные мысли.

– У нас нет возможности узнать, что же происходит внизу, не так ли?

– Нет, – подтвердил Брайан.

Над Иллинойсом облака плотной пеленой закрыли темную землю. Брайан не сомневался, что все еще летит над сушей: Рокки ему это гарантировали, но за что-либо еще он поручиться не мог. Да и что он мог знать, если служба безопасности полетов вышла из игры. А облака могли тянуться

до самого Бангора. Брайан рассмотрел несколько вариантов, в том числе и самый неприятный: выныривают они из облаков, а все следы человеческой цивилизации исчезли, в том числе и аэропорт, на посадочную полосу которого он намеревался приземлиться. И что ему тогда делать с этой серебристой птичкой?

– Я всегда находил, что ожидание – самая трудная участь.

«Участь чего?» – Брайан был озадачен, но вслух спрашивать не стал.

– А если снизиться до пяти тысяч футов? – неожиданно предложил Ник. – Посмотреть, что к чему? Может, вид маленьких городков и широких автострад успокоит нас.

Брайан уже думал об этом. Обсосал эту идею со всех сторон.

– Хотелось бы, конечно, но не могу.

– Почему?

– Пассажиры – по-прежнему моя первейшая ответственность, Ник. Они, возможно, запаникуют, даже если я заранее все объясню. И особенно меня смущает тот горластый тип, которому вы выкрутили нос и которого ждут не дождутся в Пру.

– С ним я разберусь. И с другими, кто будет дергаться.

– Я уверен, что разберетесь, но все-таки считаю, незачем пугать их без нужды. А что творится внизу, мы выясним. Не можем же мы вечно оставаться на этой высоте.

– Это точно, дружище, – сухо согласился Ник.

– Я бы снизился, если бы знал, что на высоте четырех или пяти тысяч футов мы выйдем из облаков, но без СУП и радиоконтакта с другими самолетами я не уверен, что нам это удастся. Я даже не знаю, какая внизу погода, и просто представить себе не могу, что нас там может ждать. Смейтесь надо мной, если хотите, но...

– Я не смеюсь, дружище. Более того, мне совсем не до смеха. Уверяю вас.

– Допустим, мы прошли сквозь дыру во времени, как в фантастическом романе. Вдруг мы выйдем из облаков и увидим стадо бронтозавров, щиплющих травку на пастбище фермера Джона, а в следующее мгновение нас разорвет циклон или поджарят молнии?

– Вы действительно думаете, что такое возможно? – спросил Ник.

Брайан даже взглянул на него, чтобы убедиться, не подтрунивает ли над ним англичанин. Вроде бы не похоже, но как знать. Англичане славятся особым чувством юмора, не так ли?

Брайан уже хотел сказать, что видел нечто подобное в фильме «Сумеречная зона», но решил, что к делу это не относится.

– Пожалуй, нет, но вы должны понять ход моих мыслей: мы понятия не имеем, с чем нам пришлось столкнуться. Мы можем врезаться в новенькую гору, которая выросла в штате Нью-Йорк. Или в другой самолет. Черт, даже в космический

челнок! В конце концов, если это дыра во времени, она может привести не только в прошлое, но и в будущее.

Ник посмотрел в окно.

– У меня такое ощущение, что, кроме нас, в небе никого нет.

– На этой высоте – да. А вот внизу... кто знает? Для пилота авиалайнера ситуация очень неприятная. Я собираюсь пролететь мимо Бангора, если эти облака будут по-прежнему закрывать землю. Развернусь над Атлантическим океаном и там пробью облака. Наши шансы на удачное приземление возрастут, если большая часть спуска будет проходить над водой.

– А пока летим вперед?

– Так точно.

– И ждем.

– Так точно.

Ник вздохнул:

– Что ж, капитан – вы.

Брайан улыбнулся:

– Вновь не могу с вами не согласиться.

4

В глубоких впадинах, прорезающих дно Тихого и Индийского океанов, есть рыбы, которые живут и умирают, не видя и не чувствуя солнца. Эти необычные существа курсируют

по глубинам, словно шары-призраки, светясь изнутри. Хотя выглядят они очень хрупкими, на самом деле рыбы эти – чудеса биологии, потому что выдерживают давление, которое в мгновение ока сплющило бы человека почище асфальтового катка. Их великое достоинство одновременно и огромный недостаток. Пленники своих тел, они обречены на плавание в темных глубинах. Если их ловят и вынимают на поверхность океана, поближе к солнцу, то они просто взрываются. Уничтожает их не внешнее давление, а как раз его отсутствие.

Крейг Туми воспитывался в такой вот впадине, жил в атмосфере такого же высокого давления. Его отец занимал достаточно высокий пост в «Бэнк оф Америка», частенько отсутствовал дома и требовал совершенства не только от себя, но и от других. Своему единственному сыну он тем более не давал спуска. Истории, которые он рассказывал на ночь маленькому Крейгу, вызывали у ребенка ужас. И неудивительно, потому что именно этого и добивался Роджер Туми. Истории эти главным образом касались чудовищных существ, называемых лангольерами.

Их работа, их задача в жизни (в мире Роджера Туми у *каждого* была своя работа, к исполнению которой все относились очень серьезно) заключалась в охоте на ленивых, трагящих время попусту детей. К семи годам Крейг уже во всем подражал отцу. И он твердо решил: лангольерам *до него* не добраться.

Табель успеваемости, в котором значились оценки, отличные от «А», Роджером Туми воспринимался как личное оскорбление. Если он видел только «А», дело ограничивалось лекцией о том, каково всю жизнь рыть канавы и опорожнять бачки для мусора. За единственную «В» следовало наказание: недельное заключение в комнате. В течение этой недели Крейгу разрешалось выходить из комнаты только в школу и к столу. За хорошее поведение никаких поощрений не полагалось. Выдающиеся достижения – к примеру, как-то раз Крейг выиграл первенство трех школ по десятиборью – тоже не гарантировали похвалы. Когда Крейг показал отцу медаль, врученную ему за победу, тот искоса глянул на нее, буркнул что-то нечленораздельное и вновь уткнулся в газету.

Крейгу было девять лет, когда отец умер от сердечного приступа. У мальчика его смерть вызвала облегчение.

Мать Крейга была алкоголичкой, которую сдерживал только страх перед мужем. Как только Роджера Туми положили в землю, лишив возможности отыскивать спрятанные ею бутылки, бить их, отвешивать жене оплеухи и говорить, что она должна держать себя в руках, Кэтрин Туми полностью отдалась любимому занятию. Своего сына она то нежно любила, то не переносила на дух, в зависимости от количества джина, циркулирующего в ее кровеносной системе.

Иной раз поведение матери, мягко говоря, вызывало удивление. Когда Крейгу исполнилось десять лет, она вставила горящую спичку между двумя пальцами на его правой ноге

и запела «Happy Birthday to you», но сначала предупредила Крейга, что сдаст его в сиротский приют, если он дернется. Спичка горела, Кэтрин пела. Напившись, она часто вспоминала о сиротском приюте. «Придется тебя сдать, придется. Ты такой же, как и твой отец. Он не знал, как люди развлекаются, и ты не знаешь. Ты *зануда*, Крейги-Вейги». Спичку Кэтрин задула, когда кожу второго и третьего пальцев, между которыми она торчала, уже здорово припекало, но Крейг на всю жизнь запомнил маленький желтенький огонек, медленно ползущий к его пальцам, и мамашу, заплетающимся языком желающую ему счастливого дня рождения.

Давление.

Давление во впадинах.

Крейг Туми продолжал учиться исключительно на «А» и продолжал проводить много времени в своей комнате. Из темницы она превратилась для мальчика в убежище. В основном он грыз там гранит науки, но иногда, если что-то шло наперекосяк, если он чувствовал, что «прижат к стенке», Крейг вырывал из блокнота лист за листом и рвал их на узкие полосы. Полоски эти падали у его ног, а глаза невидящим взглядом смотрели в никуда. Но такие периоды отчаяния случались не часто. Во всяком случае, тогда.

На выпускном вечере он удостоился чести выступить от своего класса. Его мать не пришла. Лежала дома, пьяная в стельку. Школу менеджмента Лос-Анджелесского университета он закончил девятым. Его мать и на вручение дипломов

не пришла. Она умерла. В глубине души Крейг Туми знал: лангольеры все-таки добрались до нее.

В калифорнийскую банковскую корпорацию «Солнце пустыни» Крейг попал во время практики. Туда же его пригласили на работу после окончания университета. Дела у него сразу пошли хорошо, что, впрочем, неудивительно: Крейга Туми с малых лет готовили к тому, что он все будет делать на «А», его не пугало давление больших глубин. Но иногда, возвращаясь после работы в свою квартиру в Уэствуде, всего в полумиле от кондоминиума, в котором поселится Брайан Энгл после развода, Крейг часами рвал листы бумаги на длинные полосы. Он занимался этим все чаще и чаще.

Первые пять лет работы в корпорации Крейг напоминал борзую, несущуюся за механическим кроликом. Уже ходили разговоры, что он станет самым молодым вице-президентом «Солнца пустыни» за всю славную сорокалетнюю историю корпорации. Но каждая рыба может подняться только на определенную высоту. Лишний метр, и она взрывается, перешагнув установленный природой предел.

Восемь месяцев назад Крейга Туми поставили во главе первого большого проекта, по корпоративным меркам соответствовавшего защите докторской диссертации. Проект разработал отдел государственных облигаций. Облигации иностранных государств и с высокой степенью риска (зачастую речь шла об одних и тех же облигациях) были коньком Крейга. Этот проект предусматривал покупку определенно-

го числа облигаций южноамериканских государств (иногда их называли безнадежные долги) по тщательно просчитанному графику. Было проведено достаточно серьезное теоретическое обоснование: такая покупка не только могла принести спекулятивную прибыль, но и обеспечила бы значительные налоговые льготы, что в итоге позволило бы еще более увеличить прибыль (Дядя Сэм из кожи лез вон, чтобы сложное строение задолженности южноамериканских государств не рухнуло как карточный домик). Однако реализация этой идеи требовала филигранного мастерства.

Представленный Крейгом Туми план вызвал немалое удивление. Основывался он на крупной закупке аргентинских облигаций, пожалуй, самых рискованных из всех. Крейг отчаянно отстаивал свой план, приводя факты, графики, расчеты и доказывая, что надежность аргентинских облигаций выше, чем кажется многим игрокам. Одним махом, утверждал он, «Солнце пустыни» станет самым серьезным и самым богатым покупателем иностранных облигаций на Западе. Мало того, что корпорация заработает на этом деньги, она приобретет кредит доверия.

После многочисленных дискуссий, в том числе и очень жарких, проекту Крейга дали зеленый свет. Том Холби, старший вице-президент, после решающего заседания отвел Крейга в сторону, чтобы поздравить и... предупредить:

– Если к концу финансового года все будет, как ты говоришь, ты станешь всеобщим любимчиком. Если нет, боюсь,

ты окажешься на семи ветрах, Крейг. Я думаю, что тебе надо загодя построить убежище.

– Мне не нужно убежище, мистер Холби, – уверенно ответил Крейг. – Потому что за убежищем придет черед строить виселицу. Это будет самая удачная сделка века... все равно что найти бриллианты в купленном сарае. Вот увидите.

В тот день домой он отправился пораньше, и когда запер дверь на три замка, маска уверенности сползла с его лица. У Крейга были пустые глаза. По пути он купил пачку журналов. Отнес их на кухню, аккуратно стопкой сложил на столе и начал разрывать на длинные, узкие полоски. Рвал шесть часов. Пока «Ньюсуик», «Тайм», «Ю-Эс ньюс энд уорлд рипорт» не превратились в ворох бумаги у его ног, под которым исчезли туфли от «Гуччи». Выглядел он как единственный выживший после взрыва на билетной фабрике.

Предложенная им покупка аргентинских облигаций таила в себе куда более высокий риск, чем указывался в представленных им материалах. Он добился одобрения своего проекта, выпятив одни факты, затенив другие... выдумав третьи. Причем выдумал он не так уж и мало. Но, придя домой и разорвав несколько журналов, задался вопросом, а зачем он это сделал. Крейг ничего не знал о рыбах, обитающих в океанских впадинах, которые живут и умирают, ни разу не увидев солнца. Он не знал, что есть рыбы и люди, беда которых не во внешнем давлении, а в его отсутствии. Крейг только знал, что ему очень уж хотелось купить эти облигации, и те-

перь, получив на это необходимые средства, он крепко поставился.

В Бостон он летел на встречу с представителями пяти крупных банковских корпораций, специализирующихся на операциях с государственными облигациями. Собравшись в Пруденшл-центре, они намеревались обсудить сложившуюся ситуацию, поговорить о будущем рынка государственных облигаций, провести обстоятельную дискуссию о крупных покупках этих облигаций в последние шестнадцать месяцев и результатах, к которым привели эти покупки. И еще до окончания первого дня трехдневной конференции они бы узнали то, что Крейг Туми знал последние девяносто дней: купленные им облигации при продаже могли вернуть лишь шесть центов от каждого затраченного доллара.

А вскоре руководство «Солнца пустыни» узнало бы и все остальное: он в три раза перекрыл лимит отпущенных на покупку средств. Он также вложил в аргентинские облигации все свои деньги... Но едва ли начальство поставило бы ему это в заслугу.

Вместо того чтобы сгореть от стыда, Крейг Туми сел в самолет авиакомпании «Американская гордость», вылетающий рейсом 29 в Бостон, с чувством безмерного облегчения и ни с чем не сравнимого счастья. Он чувствовал, что скоро взорвется, но его это нисколько не огорчало. Наоборот, он буквально жаждал этого взрыва. Он чувствовал, как отступает давление с его кожи по мере приближения к поверхно-

сти. И впервые за последние недели у него не возникло ни малейшего желания рвать бумагу. Он заснул еще до того, как «767» выкатился на взлетную полосу, а разбудили его вопли этой маленькой слепой паршивки.

И тут ему заявили, что все переменялось, но допускать такого просто нельзя. Нельзя, и точка! Он попал в сеть, он чувствовал, как растягивалась его кожа, пытаясь компенсировать перепад давлений. Они не имеют права передумать и вновь бросить его в океанские глубины.

Бангор?

Бангор, штат Мэн?

Нет. Никогда!

Крейг Туми вроде бы осознавал, что большая часть пассажиров рейса 29 исчезла, но не придавал этому какого-либо значения. Что они ему? Они не являлись частью того, что его отец называл ОБЩИМ ЗАМЫСЛОМ. Вот совещание в Пру входило в ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ.

Эта безумная идея лететь в Бангор, штат Мэн... Кому она могла прийти в голову?

Разумеется, пилоту. Конечно, это идея Энгла. Так называемого капитана.

Энглу, значит... Энгл вполне мог стать частью ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА. А также ВРАЖЕСКИМ АГЕНТОМ. Крейг подозревал это с того самого момента, как голос Энгла раздался в динамиках громкой связи, но в данном случае он мог и не полагаться на голос сердца, не так ли? Он прислушивался

к разговору между костлявым парнем и женщиной в пиджаке, купленном на какой-то распродаже. Вкуса у женщины не было никакого, но говорил он разумные вещи... во всяком случае, для Крейга Туми.

«В этом случае пилот – один из нас», – сказал юноша.

«Да и нет, – ответил ему мужчина в поношенном пиджаке спортивного покроя. – По моей версии, пилот – он и есть пилот. Пилот, случайно оказавшийся на борту, вроде бы летящий в Бостон. Он должен сидеть в салоне первого класса, футах в тридцати от кабины пилотов».

Другими словами, Энгл.

И еще другой парень, тот, что чуть не сломал ему, Крейгу, нос. Наверняка с Энглом заодно, охраняет псевдокапитана от тех, кто может раскусить его.

Далее разговор между юношей и женщиной в поношенном пиджаке спортивного покроя Крейг слушать не стал, потому что мужчина понес какую-то чушь насчет исчезновения Денвера, Де-Мойна, Омахи. Куда могли пропасть три больших американских города? Но *эта* чушь не означала, что старикан ошибается и в остальном.

Конечно, речь идет об эксперименте. Дельная, правильная мысль. А вот другая идея, что эксперимент ставится над всеми, кто остался в самолете, уже не выдерживала критики.

«Эксперимент ставится на мне, – подумал Крейг. – Только на мне. Подопытный объект – я, и никто больше».

Всю жизнь Крейг полагал себя подопытным объектом в

таком вот эксперименте. «Вопрос, господа, в выборе соотношения нажима и успеха. Оптимальное соотношение дает наилучший результат. Как его определить? Да с помощью нашего подопытного кролика, мистера Крейга Туми!»

И вот тут Крейг Туми сделал то, чего они не ожидали, на что не решались их мыши, крысы и морские свинки: сказал им, что выходит из игры.

«Но ты не можешь этого сделать, – заверещали экспериментаторы. – Ты взорвешься!»

«Взорвусь? Отлично». Да уж, все ясно, яснее некуда.

«Остальные пассажиры – посторонние или специально нанятые люди. Все делается с одной целью: не допустить меня в Бостон, не позволить мне помахать экспериментаторам ручкой. Но я им еще покажу».

Крейг раскрыл еще одну страницу журнала, взглянул на нее. Увидел счастливого мужчину, который слыхом не слыхивал о лангольерах, зная не знал, что они шныряют везде, прячутся за каждым деревом и кустом, в каждом темном углу. Счастливый мужчина ехал по сельской дороге в автомобиле, взятом напрокат в компании «Авис». Рекламное объявление гласило, что обладателям карточки «Постоянный клиент “Американской гордости”» достаточно предъявить ее в пункте проката автомобилей компании «Авис», чтобы получить такой вот автомобиль, а может, и симпатичную девушку-водителя, которая отвезет его по нужному адресу. Крейг начал раздирать страницу на длинные полосы.

Звук рвущейся бумаги успокаивал.

«Я им покажу, – думал Крейг. – Если я сказал, что больше не желаю участвовать в их эксперименте, значит, так оно и будет».

Он выронил полоску на пол, начал отрывать вторую. «Главное, рвать бумагу медленно. Главное, отрывать узкую полосу. Но не очень узкую, а не то полоса оборвется, не дойдя до нижнего края». Для того чтобы определить нужную ширину полосы, требовались острый глаз и твердая рука.

«Я возьму их за горло, – думал Крейг. – Можете мне поверить. Советую мне поверить».

Ри-и-ип.

Возможно, придется убить пилота.

Руки его замерли, не дорвав полосу. Крейг посмотрел в иллюминатор, увидел отражение своего длинного бледного лица. *Возможно, придется убить и англичанина.*

Крейг Туми в своей жизни еще никого не убивал. Сможет убить? Подумав, решил, что сможет. Разумеется, не в воздухе. Англичанин слишком быстр, слишком силен, а оружия здесь не найти. А вот после посадки?

Да, если придется, убью обоих, решил Крейг.

В конце концов, конференция в Пру будет продолжаться три дня. На начало он уже опоздал, но по крайней мере сможет оправдаться: тайное государственное агентство накачало его наркотиками и захватило в заложники. Он уже видел изумленные лица банкиров, собравшихся со всей стра-

ны, чтобы обсудить перспективы рынка государственных облигаций и долговых обязательств. Вместо этого они услышат правду о том, к каким грязным методам прибегает государство. «Друзья мои, меня похитили...»

Pu-u-un.

«...и я смог сбежать лишь...»

Pu-u-un.

«Если придется убить, я убью их обоих, – утвердился Крейг в принятом решении. – Если понадобится, я могу убить их всех».

Руки Крейга Туми вновь пришли в движение. Он дорвал полосу, бросил на пол, принялся за следующую. В журнале страниц хватало, из каждой получалось много полосок, а это означало, что до посадки самолета ему предстояла большая работа.

Но Крейг Туми никогда не бегал от работы.

5

Лорел Стивенсон не заснула, а лишь погрузилась в легкую дрему. И ее мысли, а может, грезы вернулись к истинной причине поездки в Бостон.

Насчет первого настоящего отпуска за десять лет она солгала. Конечно, частичка правды в ее словах была, хотя Лорел сомневалась, что говорила достаточно убедительно. Лгать девушка не привыкла, не то воспитание, а потому вряд

ли у нее что получилось. Но с другой стороны, едва ли кто из оставшихся пассажиров рейса 29 задался вопросом, лгала она или нет. Ситуация к этому не располагала. И ее намерение лететь в Бостон, чтобы встретиться, и почти наверняка переспать, с человеком, которого она никогда в жизни не видела, казалось пустяком в сравнении с происшедшей трагедией: исчезновением из летящего на восток самолета команды и чуть ли не всех пассажиров.

Дорогая Лорел!

Я с таким нетерпением жду встречи с тобой! Тебе не придется смотреть на мою фотографию перед тем, как выйти из самолета. У меня в животе столько бабочек, что хватит и того, чтобы поискать мужчину, прящего под потолком...

Звали его Даррен Кросби.

Необходимости смотреть на фотографию у нее и не возникло бы. Она запомнила его лицо, как и большинство полученных от него писем. Но оставался вопрос: почему? Ответа не находилось. Наверное, ее поступок служил еще одним доказательством наблюдения Дж. Р.Р.Толкина: всякий раз, выходя за дверь, надо быть очень осторожным, потому что тропинка, начинающаяся у крыльца, на самом деле дорога, а дорога бесконечна. И если забыть об осторожности, можно оказаться... очень далеко и обнаружить, что ты чужак в чужой стране, а как ты туда попал, неведомо и тебе самому.

Лорел рассказала всем, куда она летит, но опустила при-

чину и цель поездки. Она закончила Калифорнийский университет, получила диплом библиотекаря. Конечно, на модель Лорел не тянула, но лицо и фигура – очень даже ничего. У нее был маленький круг хороших друзей, которые и представить себе не могли, что в очаровательной головке Лорел мог созреть подобный план: отправиться в Бостон и провести несколько дней и ночей с мужчиной, с которым познакомилась через колонку персональных объявлений в журнале «Друзья и любовники» и которого она знала только по письмам.

Она и сама не подозревала, что способна на такое.

А подбил ее на это синеглазый Даррен Кросби, ростом в шесть футов и один дюйм, весом в сто восемьдесят фунтов. Он предпочитал шотландское (но знал меру), держал кота по кличке Стэнли, был убежденным сторонником гетеросексуальных отношений, называл себя настоящим джентльменом (так, во всяком случае, отрекомендовался в одном из первых писем) и считал «Лорел» самым прекрасным из женских имен. Полученная от Даррена фотография запечатлела мужчину с приятным, интеллигентным, открытым лицом. Она догадывалась, что мужчина этот будет выглядеть страшновато, если не станет бриться дважды в день. На этом и исчерпывались ее сведения о Даррене Кросби.

За последние шесть лет Лорел переписывалась с пятью или шестью мужчинами (хобби, знаете ли), но о следующем шаге, таком вот шаге, даже не думала. Возможно, ее привлек

особый, суховатый юмор Даррена. Но Лорел хватало ума понять, что истинные причины принятого решения надо искать не в нем, а в себе. Может, она хотела выйти из тех рамок, которыми ограничивала себя? Может, надеялась на чудо, головой бросаясь в омут?

Что ты делаешь? – вновь и вновь спрашивала себя Лорел.

Самолет чуть качнуло, но он тут же выровнялся. Лорел подняла голову, огляделась. Девушка сидела по другую сторону прохода. Смотрела в иллюминатор.

– Видно что-нибудь? – спросила Лорел.

– Солнце встало. Но ничего больше.

– А как насчет земли? – Лорел не хотелось пересаживаться, чтобы посмотреть самой. Да и головка спящей Дайны по-прежнему лежала у нее на плече.

– Не вижу. Сплошные облака. – Девушка повернулась, и Лорел заметила, что взгляд у нее прояснился от «тумана», на щеках затеплился румянец. – Меня зовут Бетани Симмс. А вас?

– Лорел Стивенсон.

– Вы думаете, все образуется?

– Думаю, да, – ответила Лорел и с неохотой добавила: – Надеюсь на это.

– Я боюсь того, что может быть под этими облаками, – призналась Бетани, – но я и так боялась Бостона. Моя мать внезапно решила, что мне неплохо бы провести пару недель с

тетей Шаной, хотя занятия в школе начинаются через десять дней. Я думаю, идея состояла в том, чтобы я вышла из самолета, как бедная овечка, а уж потом тетя Шана быстренько взяла бы меня в оборот.

– В оборот?

– Туда не ходи, двести долларов по чеку не получай, а прямиком отправляйся в реабилитационный центр, чтобы тебя там как следует пролечили. – Бетани провела рукой по коротким черным волосам. – Я и садясь в самолет не могла отличить реальность от иллюзии, так что для меня, пожалуй, ничего не изменилось. – Она пристально посмотрела на Лорел. – Происходит все наяву, не так ли? Я уже щипала себя. Несколько раз. Ничего не изменилось.

– Наяву.

– А мне кажется, что все это *нереально*. Словно я попала в один из этих глупых фильмов-катастроф. «Аэропорт-1990», что-то в этом роде. Я все оглядываюсь в поисках старых актеров, Уилфорда Бримли, к примеру, и Оливии де Хэвилленд. Они вроде бы должны встретиться в этом аду и влюбиться друг в друга.

– Не думаю, что они на нашем самолете, – очень серьезно ответила Лорел.

Они встретились взглядом и едва не рассмеялись. Обычно общий смех сближает людей... но здесь, сейчас, этого не произошло. Во всяком случае, если и сблизило девушек, то не очень.

– А как насчет вас, Лорел? У вас нет ощущения, что все это фильм?

– Боюсь, что нет, – ответила Лорел... и неожиданно для себя все-таки рассмеялась, потому что в мозгу у нее словно сверкнула яркая надпись: «Ну ты и лгунья!»

Бетани прикрыла рот рукой и тоже захихикала.

– Господи, – сказала она минуту спустя. – Да это же полный отпад, разве нет?

– Согласна с тобой. – Лорел кивнула и, помолчав, добавила: – А тебе действительно нужен реабилитационный центр, Бетани?

– Не знаю. – Девушка вновь отвернулась к иллюминатору. Улыбка исчезла, взгляд погас. – Может, и нужен. Я думала, что это всего лишь развлечение, но теперь уверенности у меня нет. Боюсь, ситуация вышла из-под контроля. Но когда тебя туда гонят... Я чувствую себя, как свинья на бойне.

– Мне очень жаль, – ответила Лорел, но жалела она и себя.

Слепая девочка уже определила ее своей мамашей. Во второй приемной дочке она не нуждалась. Теперь, окончательно проснувшись, она не испытывала ничего, кроме страха, чуть ли не животного страха. Она не хотела, чтобы еще и Бетани вываливала на нее свои проблемы. Лорел против своей воли улыбнулась, вспомнив, как охарактеризовала девушка происходящее с ними. Действительно, полный отпад.

– И мне жаль, – кивнула Бетани, – но думаю, сейчас волноваться надо не об этом, не так ли?

- Полагаю, ты права.
 - Пилот никогда не исчезал в этих фильмах об *аэропортах*, правда?
 - Не припоминаю.
 - Почти шесть часов. Еще два с половиной часа лету.
 - Да.
 - Если только мир все еще есть. Как хочется, чтобы он никуда не делся! – Бетани вновь наклонилась к Лорел. – Как я понимаю, «травки» у вас нет?
 - Боюсь, что нет.
- Бетани пожала плечами и вздохнула:
- Наверное, по-другому и быть не могло.

6

Брайан Энгл проверил курс, скорость, координаты самолета, взглянул на карту. Наконец посмотрел на часы. Две минуты девятого.

– Что ж, – не поворачиваясь, бросил он Нику, – думаю, пора. Пан или пропал.

Он наклонился вперед и щелкнул переключателем, зажигающим таблички «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». Мелодично звякнул звонок. Затем Брайан включил систему громкой связи и взял микрофон.

– Приветствую вас, дамы и господа. Вновь говорит капитан Энгл. В настоящий момент мы находимся над Атланти-

ческим океаном, примерно в тридцати милях от побережья Мэна, и скоро я начну спуск к Бангору. При обычных обстоятельствах я не стал бы так рано просить вас пристегнуть ремни, но обстоятельства далеки от обычных, а моя мама всегда говорила, что благоразумие – главная составляющая доблести. Исходя из этого я и хочу, чтобы ремни крепко удерживали вас в креслах. Атмосферные явления, кажется, пока нам не грозят, но, поскольку радиосвязи у меня нет, погода может преподнести нам любой сюрприз. Я продолжаю надеяться, что облака рассеются, я даже видел несколько просветов над Вермонтом, но, к сожалению, их вновь затянуло. По моему опыту могу вам сказать, что характер облаков не предполагает сильных ливней и гроз. Думаю, в Бангоре пасмурно, может, даже идет небольшой дождь. Начинаю снижение. Прошу сохранять спокойствие. На моем приборном щитке горят только зеленые лампочки, это означает, что все системы работают нормально.

Брайан не стал перепрограммировать автопилот на снижение: он взял управление на себя. Самолет описал широкий полукруг и пошел на сближение с облаками.

– Звучало успокаивающе, – кивнул Ник. – Вам пора подаваться в политики, дружище.

– Сомневаюсь, что пассажиры совсем уж успокоились, – возразил Брайан. – Мне вот до спокойствия ой как далеко.

Собственно, никогда еще, сидя за штурвалом самолета, он не испытывал такого страха. Утечка воздуха на рейсе 7

из Токио казалась сущим пустяком в сравнении с нынешней ситуацией. Сердце его билось редко и гулко, словно погребальный барабан. Брайан шумно глотнул, почувствовал, как в ушах щелкнуло. «767» миновал отметку тридцать тысяч футов. Белые облака заметно приблизились. Они простирались от горизонта до горизонта.

– Я перепуган до смерти, дружище. – У Ника Хопуэлла сел голос. – Я видел, как люди умирали на Фолклендах, сам получил пулю в ногу, теперь у меня тefлоновый коленный сустав. Я чудом остался жив в Бейруте после взрыва грузовика, начиненного взрывчаткой, в восемьдесят втором году, но никогда еще не испытывал такого страха, как сейчас. Мне так и хочется схватить вас и заставить вернуть эту птичку на прежнюю высоту. А то и подняться еще выше.

– Проку от этого не будет. – Брайан слышал, как дрожит его голос, чувствовал, как усилилось сердцебиение. – Вспомните мои слова: навечно нам здесь не остаться.

– Это я знаю. Но меня страшит то, что *под* облаками. Или в облаках.

– Сейчас мы все и выясним.

– Выбора у нас нет, дружище?

– Никакого.

«767» отделяли от земли уже двадцать пять тысяч футов. Снижение продолжалось.

Все пассажиры собрались в главном салоне. Даже лысый мужчина, упрямо цеплявшийся за свое место в салоне бизнес-класса, присоединился к остальным. Никто не спал, за исключением бородача в самом хвосте самолета, оттуда доносилось его похрапывание. Алберт Косснер даже позавидовал бородачу. Проснется, понимаешь, на земле, когда все страхи останутся позади, и спросит: «А где это мы, черт побери?»

И еще один звук долетал до них: *ри-и-ип... ри-и-ип... ри-и-ип*. Крейг Туми продолжал рвать журнал, распространяемый среди пассажиров. Его туфли уже скрылись под горкой бумажных полосок.

– Может, прекратишь? – нервно спросил Дон Гаффни. – Твое занятие сводит с ума, приятель.

Крейг посмотрел на Дона Гаффни пустыми глазами. Снова опустил голову. И принялся дорывать очередную страницу, на которой «Американская гордость» изобразила схему своих полетов.

Ри-и-ип.

Гаффни хотел что-то сказать, открыл было рот, но потом снова закрыл.

Лорел правой рукой обняла Дайну за плечи. А ее левую девочка держала в своих руках.

Алберт сидел с Робертом Дженкинсом, впереди – Гаффни. А перед ним устроилась девушка с короткими черными волосами. Она смотрела в иллюминатор. Впереди нее сел Лысый из салона бизнес-класса.

– По крайней мере внизу мы сможем найти что-нибудь съестное, – изрек он.

Никто не ответил. Главный салон застыл в нарастающем напряжении. Алберт Косснер чувствовал, как каждый волосок на его теле вытянулся в струнку. Поискал защиты у Туза Косснера, герцога пустыни, барона «бантлайна», но не смог его найти. Туз ретировался в другие края.

Облака надвинулись. Более они не казались ровной белой поверхностью. На них появились округлые горы и заполненные тенями долины. Взглянув на них, Лорел подумала, а ждет ли ее Даррен Кросби, нетерпеливо поглядывая на галерею, по которой прибывают в здание аэропорта Логан пассажиры «Американской гордости». Она нисколько не удивилась, осознав, что ей в принципе уже все равно, ждет он ее или нет. Взгляд Лорел вновь упал на облака, и она напрочь забыла о Даррене Кросби, который предпочитал шотландское (но знал меру) и называл себя настоящим джентльменом.

Лорел представила себе руку, огромную зеленую руку, внезапно вытягивающуюся из белых облаков и хватающую «767» за хвост, как рассердившийся ребенок хватается игрушку. Она представила себе, как пальцы сжимаются и самолет

охватывают оранжевые языки пламени. От страха она даже закрыла глаза.

«Не надо спускаться! – рвался из груди крик. – Пожалуйста, не надо спускаться!»

Но какой у них был выбор? Какой?

– Мне очень страшно. – У Бетани Симмс стучали зубы; она перебралась в центральный ряд, пристегнула ремень безопасности, обхватила себя руками. – Я сейчас отключусь.

Крейг Туми взглянул на нее и принялся отрывать следующую полосу. Мгновение спустя Алберт расстегнул ремень безопасности и направился к Бетани, сел рядом с ней, пристегнулся. Как только он это сделал, девушка схватила его руку. Своей, холодной как мрамор.

– Все будет хорошо, – сказал Алберт.

Он постарался изгнать дрожь из голоса, чтобы говорить тоном, приличествующим самому быстрому стрелку-еврею к западу от Миссисипи. Да только голос его принадлежал Алберту Косснеру, семнадцатилетнему студенту-скрипачу, который в любой момент мог от страха надуть в штаны.

– Я надеюсь... – начала Бетани, и тут самолет затрясло.

Девушка вскрикнула.

– Что случилось? – озабоченно спросила Дайна, повернув голову к Лорел. – С самолетом что-то не так? Мы разобьемся?

– Это обычные атмосферные возмущения, – слышался из динамиков голос Брайана. – Пожалуйста, не волнуйтесь.

При входе в слой облаков невозможно избежать воздушных ям. Большинство из вас летят не в первый раз и хорошо это знают. Все нормально.

Ри-и-ип.

Дон Гаффни посмотрел на мужчину в водолазке. Гаффни очень хотелось вырвать журнал у него из рук и отхлестать им Водолазку по физиономии.

Облака были совсем рядом. Роберт Дженкинс видел черную тень «767», скользящую по неровной белизне. Скоро самолет поцелует собственную тень и исчезнет. Никогда раньше у автора детективов не было дурного предчувствия, а вот тут появилось, и очень острое. «Выйдя из облаков, мы увидим то, что еще не открывалось человеческому глазу, – думал он. – Поверить в это будет невозможно... однако придется поверить. Деваться нам некуда».

– Все будет хорошо? – испуганно спросила Дайна, и ее ручки стиснули руку Лорел: маленькие, а сжимали сильно, до боли. – Правда, все будет хорошо?

Лорел посмотрела в иллюминатор. «767» уже срезал вершины облаков, мимо иллюминатора пролетали белые хлопья. Самолет вновь затрясло, и с губ Лорел едва не сорвался стон. Впервые в жизни ужас вызвал у нее физическую боль.

– Надеюсь, что да, милая, – ответила она. – Очень надеюсь, но не знаю.

– Что на радаре, Брайан? – спросил Ник. – Видите что-нибудь необычное? Вообще что-нибудь видите?

– Нет. Радар показывает, что под нами земля, но ничего больше. Мы...

– Подождите, – вырвалось у Ника. – Давайте подниматься. Еще раз все обдумаем. Подождем, пока рассеются облака.

– Нет времени и нет топлива. – Брайан не отрывался от приборов; самолет затрясло, Брайан внес необходимые корректировки. – Так что будем спускаться.

И толкнул вперед ручку управления. Стрелка высотомера побежала быстрее. «767» нырнул в облака. Какое-то мгновение из них торчал хвост самолета, напоминая плавник акулы, скоро исчез и он. Небо опустело... словно самолета и не было.

Глава 4

В облаках. Добро пожаловать в Бангор. Аплодисменты. Желоб и транспортёр. Незвонящие телефоны. Крейг Туми в автономном плавании. Предупреждение маленькой слепой девочки

1

Солнечные лучи, бьющие в иллюминаторы, сменил серый туман, в главном салоне воцарился полумрак, самолет трясло все сильнее. После одного особенно сильного толчка Алберт почувствовал тяжесть на правом плече и увидел лежащую на нем голову Бетани, тяжелую, как вызревшая октябрьская тыква. Девушка лишилась чувств.

Самолет бросило вниз, и тут же в салоне первого класса что-то упало. На этот раз вскрикнула Дайна, а у Гаффни вырвалось:

– Что это? Ради Бога, что это?

– Тележка для напитков, – сухо ответил Боб Дженкинс и возвысил голос, чтобы его слышали все. – Тележка для напитков, которая оставалась в служебной зоне, помните? Думаю, она покатилась и...

Самолет бросило вниз, в сторону, и тележка с грохотом упала на пол. Зазвенело разбитое стекло. Дайна снова

вскрикнула.

– Все нормально, – попыталась успокоить ее Лорел. – Дай-на, не сжимай мне так руку. Ничего страшного...

– Пожалуйста, я не хочу умирать! Я не хочу умирать!

– Обычные атмосферные возмущения, друзья. – Голос Брайана, доносящийся из динамиков, звучал спокойно и уверенно... но Бобу Дженкинсу показалось, что и капитан едва сдерживает страх. – Так что...

Еще толчок. Остальные стаканы и бутылки посыпались из лежащей на боку тележки.

– ...не волнуйтесь.

Ри-и-ип.

Дон Гаффни повернулся к Водолазке:

– Прекрати, козел, а не то я заткну то, что осталось от журнала, тебе в пасть.

Крейг посмотрел на него пустыми глазами:

– Попробуй, старый хрен.

Самолет бросало вверх, вниз, в стороны. Алберт перегнулся через Бетани, чтобы взглянуть в иллюминатор. При этом юноша случайно коснулся ее мягкой груди, но впервые за последние пять лет это ощущение не заставило его забыть обо всем на свете. Он сверлил взглядом иллюминатор, надеясь увидеть разрыв в облаках, словно желая усилием воли *создать* такой разрыв. Но все застилала серая пелена.

– На какой высоте пробьем облака, дружище? – спросил Ник.

Как только самолет вошел в облака, он заметно успокоился.

– Точно не знаю, – ответил Брайан. – Но ниже, чем я надеялся.

– А что случится, если облака очень низкие?

– Если приборы не врут, вдоволь напьемся океанской воды. Если мы опустимся до пятисот футов и не увидим земли, я уйду вверх и полечу в Портленд.

– Может, сразу следовало лететь туда?

Брайан покачал головой:

– Погода там всегда хуже.

– А как насчет Преск-Айл? Разве не там расположена база стратегической авиации?

Брайан подумал, что этот парень знает куда больше, чем ему положено.

– Туда нам не долететь. Рухнем в лесах.

– Значит, не долететь и до Бостона.

– Именно так.

– Складывается впечатление, что решение принято неудачное, дружище.

«767» вновь попал в полосу атмосферных возмущений и

задрожал, как собака на сильном морозе. Из главного салона донеслись приглушенные крики. Брайан не стал говорить, что «Боингу-767» нипочем и куда более сильная болтанка. Его больше занимала другая проблема: на какой высоте они вынырнут из облаков.

– Земли еще не видно.

По показаниям высотомера, до земли оставалось 2200 футов.

– Как бы нам не врезаться.

– Мы... – От радости у Брайана перехватило дыхание. – Пробились!

Перед носом «767» облака стремительно редели. Уже была видна свинцовая поверхность Атлантического океана.

Брайан заговорил в микрофон:

– Дамы и господа, облака остались выше. Я ожидал, что нам придется столкнуться с атмосферными возмущениями. Через несколько минут снизу донесется глухой щелчок. Я выпущу и закреплю шасси. Мы идем на посадку в аэропорт Бангора.

Он выключил микрофон и взглянул на мужчину, который сидел в кресле штурмана.

– Пожелайте мне удачи, Ник.

– Желаю, дружище, желаю!

Лорел выглянула в иллюминатор, и сердце у нее екнуло. Облака практически рассеялись. Она видела океан: волны, буруны, скалу, торчащую, словно зуб великана. Ее взгляд поймал какую-то оранжевую точку, наверное, буй.

Они пролетели над заросшим деревьями островком. Вытянув шею, Лорел смогла увидеть лежащий вдали берег. Потом облака на сорок пять секунд закрыли иллюминатор. Когда они вновь рассеялись, Лорел увидела, что самолет уже летит над сушей. Они прошли над полем, лесом, водохранилищем.

«Но где дома? – спросила себя Лорел. – Где дороги и автомобили? Где города и линии высокого напряжения?»

И тут с ее губ сорвался крик.

– Что такое? – испугалась Дайна. – Что случилось, Лорел?

– Ничего! – радостно выдохнула она, увидев внизу узкую дорогу, ведущую к маленькому прибрежному городку. Игрушечные дома выстроились вдоль Главной улицы, на которой стояли игрушечные автомобили. Лорел увидела и церковный шпиль, и торговый центр, и бейсбольное поле. – Все нормально! Все на месте! *Все по-прежнему на месте!*

Из-за ее спины послышался голос Роберта Дженкинса. Ровный, спокойный, но очень уж печальный:

– Мадам, боюсь, вы ошибаетесь.

Длинный белоснежный авиалайнер скользил над землей в тридцати пяти милях восточнее Международного аэропорта Бангора. На хвосте красовалось число «767». Фюзеляж украшала надпись «АМЕРИКАНСКАЯ ГОРДОСТЬ» с чуть заваленными назад буквами, изображающими скорость. Носовую часть с обеих сторон облапил фирменный знак компании: большой красный орел с синими звездами на крыльях. Как и самолет, орел вроде бы готовился к посадке.

Тени на землю самолет не отбрасывал: дождя не было, но утро выдалось серым и мрачным. Открылись люки, выдвинулись шасси.

Самолет авиакомпании «Американская гордость», следующий рейсом 29, направлялся к Бангору, заворачивая влево. Капитан Энгл теперь мог корректировать курс визуально, что он, собственно, и делал.

– Я его вижу! – воскликнул Ник. – Я вижу аэропорт! Господи, какое прекрасное зрелище!

– Если видите, значит, поднялись с кресла, – говорил Брайан, не оборачиваясь. Оборачиваться времени не было. – Сядьте, пристегнитесь и помолчите.

Но длинная посадочная полоса радовала и его глаз.

Брайан нацелил на нее нос самолета и снизился с тысячи футов до восьмисот. Под крыльями «767» тянулся бесконеч-

ный лес. Наконец лес уступил место россыпи домов. Мозг Брайана автоматически фиксировал мотели, бензозаправки, закусочные быстрого обслуживания. Они миновали Пенобскот-ривер и вошли в зону аэропорта.

– Центр управления, говорит рейс 29. У меня чрезвычайная ситуация. Повторяю, у меня чрезвычайная ситуация. Прошу очистить взлетно-посадочную полосу. Иду на посадку.

Брайан посмотрел на датчик скорости, с удовлетворением отметил, что стрелка миновала цифру 140 – разрешенную скорость касания земли. Последние деревья остались позади, теперь они летели над полем для гольфа. Уголком глаза Брайан поймал зеленую вывеску «Холидей инн», посадочные огни, маркирующие торец взлетно-посадочной полосы. На бетоне белели две тройки. А вот огни не светились ни зеленым, ни красным: просто не горели, и все.

Но Брайан не стал над этим задумываться. Как и над тем, что навстречу мог подниматься «лирджет» или маленькая «дойка» с поршневыми двигателями. Он полностью сосредоточился на главном – посадке «767».

Отрезок гравия, сквозь который пробивались сорняки, и вот уже в тридцати футах под шасси потянулся бетонный язык посадочной полосы. Они пролетели над белыми поперечными полосами, потом над черными отметинами колес – возможно, в этом месте касались бетона реактивные самолеты Национальной гвардии.

Брайан прижимал «767» к бетонной полосе. Второй ряд поперечных полос промелькнул под ними и практически сразу же, с легким толчком, главное шасси коснулось земли. Теперь самолет с чуть задранном носом катился по посадочной полосе 33 со скоростью сто двадцать миль в час. Брайан повернул до предела закрылки и реверсировал двигатели. Еще толчок, слабее первого, и носовое шасси коснулось бетона.

Скорость самолета замедлялась: со ста двадцати миль до ста, восьмидесяти, сорока, наконец, до скорости бегущего человека.

Брайан сделал свое дело. Они сели.

– Обычная посадка, – прокомментировал Брайан. – Ничего особенного.

Он шумно выдохнул и остановил самолет в четырехстах ярдах от ближайшей стоянки. Брайана внезапно пробрала дрожь. Он поднял руку, вытер со лба пот. Посмотрел на мокрую ладонь, нервно рассмеялся.

Рука Ника легла ему на плечо.

– С тобой все в порядке, Брайан?

– Да. – И капитан взял микрофон. – Дамы и господа, добро пожаловать в Бангор.

Из главного салона до него донеслись радостные крики и аплодисменты. Капитан вновь рассмеялся.

А вот Ник Хопуэлл не смеялся. Он сосредоточенно вглядывался в окно кабины. Ничего не двигалось на рулежных

дорожках. Ничего не двигалось на маркированных самолетных стоянках. Ни грузовички, ни автомобили службы безопасности не шныряли по бетонному летному полю. Он видел несколько автобусов, видел армейский транспортный самолет, отбуксированный на одну из дальних стоянок, видел «Боинг-727» авиакомпании «Дельта», стоящий у передвижного посадочного рукава. Все они застыли, словно памятники.

– Спасибо, что пригласили нас в Бангор, друг мой, – нарушил Ник затянувшуюся паузу. – Складывается впечатление, что, кроме вас, приглашать нас сюда некому. Аэропорт пуст.

5

Несмотря на радиомолчание, Брайану очень не хотелось соглашаться с этим заключением. Но когда он вывел самолет между двух рулежных дорожек к зданию аэровокзала, то не мог не признать правоту Ника. Речь шла не только об отсутствии людей, не только о том, что к ним не подкатил автомобиль службы охраны для выяснения, откуда взялся этот «767», которого никто не ждал. Международный аэропорт Бангора словно начисто лишили жизни, а последний человек если и побывал здесь, то, наверное, тысячу лет тому назад.

Под самолетом авиакомпании «Дельта» стоял джип с прицепленными к нему несколькими багажными тележками. На них лежали чемоданы, к которым то и дело возвращался

взгляд Брайана, когда он подгонял «767» к зданию аэровокзала. Чемоданы казались совсем древними, словно их обнаружили при раскопках какого-то знаменитого старинного города. «Интересно, – подумал Брайан, – неужели человек, открывший могилу Тутанхамона, испытывал те же чувства, что и я?»

Он заглушил двигатели, посидел, прислушиваясь. Из хвостовой части доносился шум работающей вспомогательной силовой установки, одной из четырех. Брайан потянулся к выключателю с надписью «БОРТОВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА», даже коснулся его, но потом убрал руку. Не хотелось ему обесточивать самолет. Причин для этого вроде бы и не было, но интуиция, внутренний голос требовали, чтобы капитан оставил выключатель в покое.

Кроме того, решил Брайан, вряд ли кто будет зудеть из-за напрасно растрачиваемого топлива... все равно его осталось совсем ничего.

Он расстегнул ремень безопасности, встал.

– Что теперь, Брайан? – поднялся и Ник.

Брайан впервые заметил, что англичанин выше его на добрых четыре дюйма. «До сих пор парадом командовал я, – подумал он. – С того самого момента, как все это случилось... точнее, с того момента, как мы узнали о случившемся, командовал парадом я. Но скоро все должно перемениться».

И понял, что особых возражений у него нет. Полет в облаках исчерпал его запасы мужества, похвалы Брайан не ожи-

дал: он делал свое дело, а платили ему в том числе и за мужество. Он вспомнил слова одного пилота: «Нам платят по сто тысяч долларов в год, Брайан, а то и больше, лишь по одной причине. Они знают, что на всю карьеру пилота приходится тридцать или сорок секунд, когда он действительно может что-то изменить. Нам платят за то, что мы не застынем столбом, когда придет черед этих секунд».

Конечно, мозг может говорить тебе, что ты должен спускаться, есть облака или нет облаков, что выбора у тебя просто нет. Но как нелегко зажать в кулак нервы, кричащие от ужаса перед неведомым. Даже Ник в какой-то момент потребовал, чтобы они прекратили приземление. Чтобы посадить самолет, ему требовался Брайан. И ему, и остальным. Но вот они сели, и под облаками их не ждали чудовища.

Только необъяснимая тишина и брошенные багажные тележки под брюхом «Боинга-727», принадлежащего авиакомпании «Дельта».

Так что, если желаешь стать капитаном, друг мой, вот тебе мое благословение, мысленно обратился к Нику Брайан. Если хочешь, я даже отдам тебе фуражку. Но только за пределами самолета. А пока пассажиры не на земле, отвечаю за них я.

Но Ник задал ему вопрос и заслуживал ответа.

– Теперь выйдем из самолета и разберемся, что к чему. – И Брайан протиснулся мимо англичанина.

Ник придержал его за плечо.

– Ты думаешь...

Внезапно Брайан разозлился и сбросил его руку.

– Я думаю, мы покинем самолет. Никто не подгонит трап и не подтянет переходной рукав, так что придется воспользоваться спасательным желобом. А потом думать будешь ты, дружище.

Он направился в салон первого класса... и едва не рухнул на пол, споткнувшись о тележку, упавшую поперек прохода. Пол устилали осколки стекла, от разлитого алкоголя защищало глаза. Ник догнал его у салона бизнес-класса.

– Брайан, если я чем-то обидел тебя, извини. Ты сотворил чудо.

– Ты меня не обидел. Просто за последние десять часов я пережил чуть ли не разгерметизацию над Тихим океаном, узнал о смерти моей бывшей жены, а потом еще и обнаружил, что население Соединенных Штатов перебралось то ли на другой континент, то ли на другую планету. Вот я и сорвался.

Он вошел в главный салон. Брайана встретила тишина: горстка пассажиров смотрела на него во все глаза.

Первым зааплодировал Алберт Косснер.

Мгновение спустя к нему присоединился Боб Дженкинс... Дон Гаффни... Лорел Стивенсон. Лысый мужчина огляделся и тоже принялся аплодировать.

– Что такое? – спросила Дайна. – Что случилось?

– Пришел капитан. – По лицу Лорел покатались слезы. –

Капитан, который благополучно посадил самолет.

Зааплодировала и Дайна.

Брайан смотрел на них, не зная, что и сказать. Ник, стоявший позади, тоже присоединился к аплодирующим. Они расстегнули ремни, поднялись и аплодировали ему стоя. Только трое остались на своих местах: Бетани, еще не очнувшаяся; бородач, по-прежнему храпящий в заднем ряду; и Крейг Туми, который бросил на них пустой взгляд и принялся за очередную страницу.

6

Брайан почувствовал, что краснеет: к таким почестям он не привык. Поднял руки, но какое-то время все продолжали хлопать в ладоши.

– Дамы и господа, пожалуйста... пожалуйста... Уверю вас, это была самая ordinaria посадка...

– Пустяки, мэм... о чем и говорить. – Боб Дженкинс очень удачно скопировал техасский акцент Гэри Купера.

Алберт рассмеялся. Тут и Бетани открыла глаза: огляделась, не понимая, где она и что происходит.

– Мы сели живыми, не так ли? – спросила девушка. – Боже мой! Как здорово! Я думала, мы расшибемся в лепешку!

– Пожалуйста. – Брайан поднял руки повыше, чувствуя себя Ричардом Никсоном, соглашающимся с решением партии выдвинуть его кандидатом на пост президента на второй

срок.

Капитану пришлось подавить распиравший его смех: пассажиры бы не поняли. Им не хватало героя, вот выбор и пал на него. Брайан мог с ними согласиться... и воспользоваться этим. Все-таки еще предстояло высадить их из самолета.

– Пожалуйста, уделите мне минуту внимания!

Аплодисменты стихли, все в ожидании смотрели на него, все, за исключением Крейга, который неожиданно отбросил журнал. Расстегнул ремень безопасности, встал, вышел в проход, расшвыривая полоски бумаги, и начал сосредоточенно рыться в багажной ячейке над сиденьем.

– Вы выглядывали в иллюминаторы, поэтому знаете то, что известно мне. Большинство пассажиров и вся команда этого самолета исчезли, пока мы спали. Это, конечно, безумие, но теперь мы столкнулись с еще более безумной ситуацией. Такое ощущение, что исчезли многие люди... но логика подсказывает: где-то люди все-таки должны остаться. Раз мы пережили то, что произошло с нами, значит, есть и другие выжившие.

Боб Дженкинс, автор детективных романов, что-то прошептал себе под нос. Алберт услышал его, но слов не разобрал. Он повернулся к Дженкинсу как раз в тот момент, когда писатель вновь пробормотал те же два слова. Вот тут Алберт их уловил: *ложная логика*.

– Я думаю, что в сложившихся обстоятельствах решать задачи надо по мере их поступления. Задача первая – поки-

нуть самолет.

– Я купил билет до Бостона, – неожиданно заявил Крейг Туми ровным, спокойным голосом. – И я хочу лететь в Бостон.

Ник выступил из-за плеча капитана. Крейг взглянул на англичанина, его глаза сузились. Вновь он выглядел как домашний кот со скверным характером. Ник поднял руку с двумя согнутыми и чуть разведенными пальцами. Теми самыми, что выкручивали нос Водолазки. И Крейг Туми, которому уже доводилось ждать, пока под пьяные вопли мамыши, поздравлявшей с днем рождения, догорит спичка, зажатая пальцами его ноги, сразу понял, что хотел сказать англичанин. Крейг вообще схватывал все на лету. И он мог подождать.

– Нам придется воспользоваться спасательным желобом, – продолжил Брайан, – поэтому я хочу напомнить вам, как это делается. Слушаете внимательно, а потом строитесь в колонну по одному и следуете за мной в носовую часть самолета.

7

Четыре минуты спустя люк у кабины пилотов «Боинга-767» авиакомпании «Американская гордость», следовавшего рейсом 29, откинулся. Потянуло холодным воздухом. Все разговоры стихли. Тут же что-то зашипело, и у порога

расцвел необычный оранжевый цветок. Начал удлиняться и, падая вниз, принял форму желоба. Нижняя его часть легла на бетон огромным оранжевым матрацем.

Брайан и Ник стояли во главе маленькой колонны.

– С воздухом что-то не так, – заметил Ник.

– В каком смысле? – спросил Брайан и понизил голос: – Думаешь, отравлен?

– Нет... это вряд ли. Но у него нет ни вкуса, ни запаха.

– Ты чокнулся. – Голосу Брайана недоставало уверенности.

– Отнюдь. Это *аэропорт*, дружище, а не весенний луг. Но ты улавливаешь запах масла, керосина? Я – нет.

Брайан принялся. Действительно, никаких запахов. Если воздух отравлен (он, конечно, в это не верил, но если), значит, в нем распылили какой-то медленно действующий токсин. Во всяком случае, легкие этот воздух перерабатывали. Но Ник прав. Запаха не было. Как и той составляющей, которую англичанин назвал вкусом. Воздух за пределами самолета был без запаха и не имел никакого вкуса.

– Что-то не так? – озабоченно спросила Бетани Симмс. – Я не уверена, хочу ли я это знать, но...

– Все нормально, – ответил Брайан, он сосчитал головы – десять, вновь повернулся к Нику: – Этот парень в хвосте все еще спит. Стоит его будить?

Ник на мгновение задумался, потом покачал головой:

– Пусть спит. У нас и так хватает забот. Кому охота лечить

его от тяжелого похмелья?

Брайан улыбнулся. Ник озвучил его мысли.

– Действительно, никому. Ладно. Ты идешь первым, Ник. Придержи желоб снизу. Я помогу остальным.

– Может, тебе спуститься первым? На случай, если мой горластый приятель вновь начнет возражать против незапланированной остановки?

Брайан покосился на мужчину в водолазке. Тот стоял последним, с брифкейсом в руке, уставившись в потолок, напоминая манекен в магазинной витрине.

– Едва ли у меня будут с ним проблемы, потому что плевать я хотел на его выходки. Захочет он остаться или пойдет с нами, мне без разницы.

Ник улыбнулся.

– Ты прав. Начинаем великий исход. Ботинки снимаем?

Брайан кивнул.

Через несколько секунд Ник уже держал в руке пару черных туфель.

– Отлично, счастливого пути. – Брайан повернулся к Бетани: – Смотрите внимательно, мисс... вы следующая.

– Господи... как же мне этого не хочется.

Тем не менее Бетани придвинулась к Брайану вплотную и с опаской наблюдала, как Ник Хопуэлл управляет желобом. Он прыгнул на желоб, сразу высоко вскинув ноги. Опустился на задницу и заскользил вниз. Получилось у него ловко, низ желоба даже не дернулся. Ткнулся в бетон пятками,

тут же вскочил на ноги и картинно поклонился.

– Видите, как все просто! – прокричал он. – Следующий!

– Ваша очередь, мисс. – Брайан смотрел на девушку. – Бетани, не так ли?

– Да, – нервно откликнулась она. – Боюсь, я не смогу. Я три семестра прогуливала физкультуру, так что в конце концов мне разрешили сдавать вместо нее домоводство.

– Все у вас получится, – заверил ее Брайан.

Он по опыту знал, что людей гораздо проще уговорить воспользоваться спасательным желобом, когда они чего-то боятся. К примеру, видят дыру в фюзеляже или горящий двигатель.

– Обувь сняли?

Розовые кроссовки Бетани сняла, но все равно пятилась от оранжевого желоба.

– Может, если бы я чего-нибудь выпила для храбрости...

– Мистер Хопуэлл придерживает желоб внизу, так что беспокоиться не о чем, – настаивал Брайан, почувствовавший, что придется силком усаживать Бетани на желоб.

Ему не хотелось этого делать, но если она будет и дальше упираться... Нельзя разрешать пассажирам отходить от желоба и дожидаться, пока к ним вернется храбрость. Так каждый будет уступать свою очередь стоящему следом.

– Давай, Бетани, – неожиданно поддержал его Алберт. – Я до смерти боюсь спускаться, но, если спустишься ты, мне не останется ничего другого, как последовать за тобой.

Бетани удивленно воззрилась на него.

– Почему?

Алберт густо покраснел и еще крепче прижал к груди свою скрипку.

– Потому что ты – девушка, – честно ответил он. – Можешь считать меня мужским шовинистом, но причина именно в этом.

Бетани какое-то мгновение смотрела на него, потом рассмееялась и повернулась к желобу. Брайан решил подтолкнуть ее, если она вновь даст задний ход, но она воскликнула:

– Господи, как мне не хватает «травки»! – И прыгнула.

Бетани видела, как это проделал Ник, и хотела повторить его маневр, но в последний момент храбрость покинула девушку, и она попыталась подобрать ноги под себя. В результате опустилась не на середину желоба, а на его боковую поверхность. Брайан уже подумал, что сейчас она вывалится из желоба, но Бетани заметила опасность и сумела откатиться. Вниз она сползла на правом боку, с одной рукой, заброшенной за голову. Блузка задралась до самой шеи. Ник поймал ее и поставил на ноги.

– Однако, – выдохнула она. – Совсем как в детстве.

– Все в порядке? – спросил Ник.

– Да. Думаю, я немножко подпустила в трусики, а так все в порядке.

Ник улыбнулся девушке и снова повернулся к желобу.

Алберт с виноватой улыбкой протянул Брайану футляр со

скрипкой.

– Вас не затруднит поддержать ее? Я боюсь, что она разобьется, если я вывалюсь из желоба. Родители меня убьют. Это Гретч⁹.

Брайан взял скрипку. Лицо его оставалось серьезным, но в душе он улыбался.

– Можно взглянуть? Тысячу лет назад я играл на такой.

– Пожалуйста, – кивнул Алберт.

Интерес Брайана к скрипке успокоил юношу, на что капитан и надеялся. Он открыл три защелки, откинул крышку. Действительно, Гретч, хотя и не из первых. Брайан знал, что такой инструмент стоил никак не меньше легкового автомобиля.

– Прелесть. – Он взял четыре ноты, в воздухе поплыл мелодичный звук; Брайан вернул скрипку на место, закрепил крышку защелками. – Сохраню в целости. Обещаю.

– Благодарю. – Алберт шагнул к проему, глубоко вдохнул, выдохнул.

– Джеронимо! – вырвалось у него, и, спрятав кисти под мышки, он прыгнул на желоб: не зря родители учили его, что при любых обстоятельствах Алберт прежде всего должен беречь руки; плюхнулся на задницу и заскользил вниз.

– Отлично! – прокомментировал его успехи Ник.

– Ерунда, – ответил Туз Косснер, поднялся и едва не упал, запутавшись в собственных ногах.

⁹ Известный скрипичный мастер.

– Алберт! – крикнул ему Брайан. – Лови!

Он положил футляр на середину желоба, и Алберт без труда поймал инструмент в пяти футах от свободного торца спуска.

Дженкинс перед прыжком закрыл глаза и покатиł вниз на одной ягодице. Ник зашел с левой стороны желоба и поймал писателя, который по инерции чуть не выскочил на бетон.

– Благодарю вас, молодой человек.

– Пустяки, приятель.

Гаффни последовал за писателем, потом лысый мужчина. Наконец в проеме появились Лорел и Дайна Беллман.

– Я боюсь, – прошептала Дайна.

– Все будет хорошо, дорогая, – успокоил ее Брайан. – Тебе даже не придется прыгать. – Он положил руки Дайне на плечи и повернул ее так, чтобы она встала лицом к нему и спиной к желобу. – Дай мне твои руки, и я положу тебя на желоб.

Но Дайна убрала руки за спину:

– Не вы. Я хочу, чтобы это сделала Лорел.

Брайан повернулся к черноволосой женщине:

– Сможете?

– Да. Если вы скажете, что надо делать.

– Дайна уже все знает. Опустите ее на желоб за руки. Когда она уляжется на попку ногами вперед, отпускайте. Она спокойно доедет до самого низа.

Руки Дайны были холодны как лед.

– Я боюсь, – вновь прошептала она.

– Дорогая, это все равно что горка на детской площадке, – попытался подбодрить ее Брайан. – Мужчина с английским акцентом ждет внизу, чтобы поймать тебя. Он уже наготове.

Дайна повернулась к нему, словно капитан сморозил какую-то глупость.

– Я не о спуске. Я боюсь этого места. Оно как-то странно пахнет.

Лорел, нос которой забивал только запах собственного пота, беспомощно посмотрела на Брайана.

– Дорогая! – Брайан опустил на колено рядом с девочкой. – Мы должны покинуть самолет. Ты это знаешь, не так ли?

Темные очки смотрели прямо на него.

– Почему? Почему мы должны покидать самолет? Тут же никого нет.

Брайан и Лорел переглянулись.

– Ну, мы этого не узнаем, пока не проверим, не так ли?

– Я уже знаю. Тут нет ни запахов, ни звуков. Но... но...

– Что – но, Дайна? – спросила Лорел.

Дайна замаялась. Девочка хотела, чтобы взрослые поняли: ее тревожит не спуск по желобу. Она уже каталась на горках, и она доверяла Лорел. Лорел не отпустит ее руки, если Дайне будет грозить какая-либо опасность. Что-то было не так с окружающим миром, именно его она и боялась. И речь шла не о тишине или пустоте. Этим дело не ограничивалось.

Не стоило входить в этот мир, ох не стоило.

Но взрослые не верили детям, особенно слепым детям, тем более слепым девочкам. Она хотела сказать им, что оставаться здесь нельзя, что они должны немедленно вернуться в самолет и улететь.

Но что они ответят? Да, конечно, как скажешь, Дайна, ведь все возвращаются? Как бы не так. Они увидят, думала маленькая слепая девочка. Они увидят, что тут никого нет, и вернутся в самолет, чтобы улететь в другое место. Туда, где нет предчувствия беды. Время еще есть.

Так по крайней мере ей казалось.

– Не важно. – В голосе Дайны слышалось смирение. – Положите меня в желоб.

Лорел осторожно опустила ее на оранжевую резину. Мгновение спустя Дайна посмотрела на нее (а Лорел подумала, что посмотреть девочка никак не может, просто повернулась к ней лицом).

– Все в порядке, Дайна? – спросила Лорел.

– Нет. Ничего не в порядке. – И прежде чем Лорел отпустила девочку, она сама разжала пальчики и заскользила вниз, где ее поймал Ник.

Лорел последовала за Дайной, прыгнув в желоб. Ей даже удалось оправить юбку, когда до конца оставалось совсем немного. В самолете остались Брайан, храпящий пьяница да крикливый специалист по разрыванию журналов, мистер Во-долазка.

Брайан еще сказал, что проблем с Водолазкой у него не будет, потому что ему без разницы, спустится тот вниз или останется в самолете. Теперь он понял, что заблуждался. Этот мужчина держал камень за пазухой. Брайан подозревал, что даже маленькая девочка это знала, несмотря на слепоту. Вдруг он взбесится, если его оставить в самолете? Вдруг, взбесившись, решит разнести кабину пилотов?

Ну и что? спросил Брайана внутренний голос. *Все равно ты никуда не полетишь. Баки почти пусты.*

Однако мысль эта капитану не понравилась, и не только потому, что «767» стоил миллионы долларов. Скорее, ему передались ощущения Дайны, когда та стояла перед желобом. Что-то тут не так, а дальше могло стать еще хуже, хотя хуже, кажется, не бывает. Самолет, однако, был в полном порядке. Даже с пустыми баками самолет оставался частичкой того мира, который он знал и понимал.

– Ваша очередь, приятель, – обратился Брайан к мужчине в водолажке.

– Вы знаете, что я подам иск, не так ли? – вкрадчиво спросил Крейг Туми. – Вы знаете, что я намерен обратиться в суд и потребовать компенсацию в тридцать миллионов долларов? А ответственность ваша авиакомпания разделит с вами.

– Это ваше право, мистер...

– Туми. Крейг Туми.

– Мистер Туми. – Брайан запнулся. – Мистер Туми, вы

понимаете, что с нами случилось?

Крейг выглянул в открытый люк, посмотрел на пустое летное поле, чуть затемненные окна второго этажа здания аэровокзала, где обычно друзья и родственники встречали прибывающих пассажиров, а отбывающие ожидали своего рейса.

Разумеется, он знал: лангольеры. Лангольеры пришли за глупыми и ленивыми, как и обещал его отец.

Но заговорил Крейг тем же вкрадчивым голосом о другом: – В отделении государственных облигаций банковской корпорации «Солнце пустыни» меня называли Ломовой Лошадью. Вам это известно? – Он помолчал, вероятно, ожидая ответа Брайана, но поскольку Брайан не произнес ни слова, Крейг продолжил: – Разумеется, нет. Не знаете вы и о том, сколь важна эта конференция в Пруденшл-центре. И знать не хотите. Но вот что я вам скажу, капитан: экономическая судьба многих государств зависит от исхода этой конференции, на открытие которой я благодаря вам и вашей авиакомпании не попал.

– Мистер Туми, все это очень интересно, но, боюсь, у меня нет времени...

– Времени! – внезапно вскричал Туми. – Да что вы, черт побери, знаете о времени? Спросите меня! Спросите! Я о времени кое-что знаю. Да я знаю о времени все! *Время на исходе, сэр! Его осталось чертовски мало!*

«Похоже, мне придется вышвыривать из самолета этого

сукина сына», – подумал Брайан, но, прежде чем он перешел от слов к делу, Крейг повернулся и прыгнул на желоб. Съехал по нему, прижимая к груди брифкейс, напомнив Брайану старый рекламный ролик агентства по прокату автомобилей «Хертц», в котором О. Дж. Симпсон летал из аэропорта в аэропорт в костюме и галстуке.

– *Времени чертовски мало!* – прокричал Крейг, скользя вниз с прижатым к груди брифкейсом; штанины его брюк поползли вверх, открыв высокие, почти до колен, черные нейлоновые носки.

– Господи, ну и псих! – пробормотал Брайан, еще раз оглядел уютный салон самолета, шагнул к желобу... и прыгнул.

8

Десять человек, разбившись на две группы, стояли под гигантским крылом «767», на носовой части которого распластался красно-синий орел. Брайан, Ник, лысый мужчина, Бетани Симмс, Алберт Косснер, Роберт Дженкинс, Дайна, Лорел и Дон Гаффни стояли чуть ли не прижавшись друг к другу. И только Крейг Туми, известный также как Ломовая Лошадь и Водолазка, стоял в одиночестве.

Крейг наклонился и левой рукой поправил стрелки на брюках. В правой у него был брифкейс. Туми Крейг выпрямился и безразличным взглядом окинул летное поле.

– Что теперь, капитан? – спросил Ник.

– Вот ты мне и скажешь. Точнее, нам.

Ник коротко посмотрел на него, его брови чуть приподнялись, как бы спрашивая Брайана, не шутка ли это. Брайан чуть заметно кивнул. Другого подтверждения Нику и не требовалось.

– Первым делом нам надо попасть в здание. Какой путь самый быстрый? Есть идеи?

– Думаю, раз уж мы не можем воспользоваться переходным рукавом, проще всего попасть в здание по транспортеру для багажа. – И Брайан указал на багажные тележки, стоящие под козырьком у самой стены.

– Отлично, – согласился Ник. – Дамы и господа, попрошу следовать за мной.

До транспортера они добрались быстро, но Лорел, которая шла, крепко держа Дайну за руку, показалось, что это самая странная прогулка в ее жизни. Она словно видела всех с большой высоты: десять точек, направляющихся к зданию аэровокзала. Ни дуновения ветерка. Ни пения птиц. Ни рева моторов. Ни человеческих голосов. Ничто не нарушало эту неестественную тишину. Даже собственные шаги звучали как-то странно. Ее высокие каблучки не цокали по бетону, казалось, при каждом шаге она слышала глухой стук.

Казалось, думала Лорел. Вот оно, ключевое слово. В ситуацию она попала *странную*, вот все вокруг и кажется *странным*. В конце концов, это же бетон. На бетоне высокие каблучки звучат не так, как на мраморе.

Но ей и раньше приходилось ходить на высоких каблуках по бетону. А вот такого звука, каким сопровождалась ее шага сейчас, она не помнила. Он стал... глуше. Слабее.

Они подошли к багажным тележкам. Ник проскользнул между ними, показывая путь, и остановился у застывшего транспортера, который торчал из дыры, прикрытой листами резины. Транспортер образовывал широкий полукруг, на который носильщики ставили багаж, и нырял во вторую дыру, также прикрытую резиной.

– Зачем эти куски резины? – нервно спросила Бетани.

– Наверное, чтобы зимой не напустить в здание холод, – ответил Ник. – Дайте-ка мне посмотреть, что там внутри. Не волнуйтесь, я на секунду. – И прежде чем кто-либо успел открыть рот, он прыгнул на транспортер, присел на корточки у одной из дыр. Потом встал на колени и нырнул под резину.

«Сейчас мы услышим свист, потом удар, – подумал Алберт, – а вытащим мы его без головы».

Но ни свиста, ни удара они не слышали. А когда Ник вылез из-под листов резины, голова прочно сидела у него на плечах. Правда, на лице отражалась задумчивость.

– Горизонт чист! – объявил он, но его веселость показалась Алберту наигранной. – Вперед, друзья! Когда тело встречается с телом, и так далее.

Бетани отпрянула.

– Какие тела? Мистер, там мертвецы?

– Я их не видел, мисс. – От легкости тона не осталось и

следа. – Перефразировал старую песню Бобби Бурнса, ничего больше. Боюсь, попытка повеселить вас не удалась. Никого я там не увидел. Но ведь мы этого и ожидали, не так ли?

Ожидали... в надежде ошибиться. По тону Ника чувствовалось, что и он в глубине души не верил, что аэропорт окажется совершенно пуст.

Один за другим они залезали на транспортер и подползали под листы резины.

Дайна замялась перед самой дырой, повернулась к Лорел. От ее черных очков отражались световые блики.

– Нехорошее тут место, – сказала девочка и поползла дальше.

9

Пассажиры рейса 29 поднялись в зал выдачи багажа Международного аэропорта Бангора. Это был самый оригинальный багаж, который когда-либо поднимался этим путем. Алберт помог Дайне слезть с транспортера. Они снова стояли все рядом, молчаливо оглядываясь.

Сначала они проснулись в самолете, из которого таинственным образом исчезли чуть ли не все пассажиры. Теперь попали в абсолютно пустой аэропорт. Пустовали пункты проката автомобилей. Не горели мониторы, на которых обычно высвечивалась информация о прибытии и отлете самолетов. Никто не стоял у стоек «Дельты», «Юнай-

тед», «Нортуэст эйр-линк», «Мид-кост эйруэйз». Гигантский, наполненный водой аквариум с надписью «ПОКУПАЙТЕ ЛОБСТЕРЫ МЭНА» по-прежнему стоял в центре зала, но ни одного лобстера в аквариуме не наблюдалось. Флюоресцентные лампы под потолком не горели, свет проникал только через двери в дальнем конце зала получения багажа. Десять пассажиров жались друг к другу, пугливо косясь на тени.

– Попробуем позвонить, – решил Ник.

Он зашагал к телефонам, а Алберт подошел к одному из пунктов проката автомобилей. В ячейках на задней стенке обнаружил конверты с напечатанными на них фамилиями БРИГГС, ХЭНДЛФОРД, МАРЧАНТ, ФЕНУИК, ПЕСТЛМАН. В каждом, несомненно, лежал договор об аренде автомобиля вместе с картой центральной части Мэна, а на карте имелась стрелка с надписью «ВЫ ЗДЕСЬ», острием утыкающаяся в город Бангор.

«Но где мы на самом деле? – спросил себя Алберт. – И где эти Бриггс, Хэндлфорд, Марчант, Фенуик и Пестлман? Они перенеслись в другое измерение? Может, все дело в «Грейтфул дэд»? Может, «Грейтфул дэд» выступают в Бангоре, вот все и подались на концерт?»

За его спиной что-то скрипнуло. Алберт чуть не выпрыгнул из штанов, резко обернулся, закрывшись футляром со скрипкой как щитом. В двух шагах от него Бетани подносила спичку к сигарете.

Ее брови взлетели вверх.

– Испугала тебя?

– Немного. – Алберт опустил футляр и попытался улыбнуться.

– Извини. – Она затушила спичку, бросила ее на пол, глубоко затаилась. – Уф! Так-то лучше. В самолете я курить не решалась. Боялась, как бы что не взорвалось.

К ним подошел Боб Дженкинс.

– Знаете, я бросил курить лет десять тому назад.

– Пожалуйста, только никаких лекций о вреде курения, – взмолилась Бетани. – И без того такое ощущение, если, конечно, мы выберемся отсюда, что меня ждет целый месяц лекций, с утра и до вечера.

Дженкинс не любопытствовал, что, собственно, она имела в виду.

– Я, между прочим, хотел попросить у вас сигаретку. Мне представляется, что сейчас самое время вспомнить о давних привычках.

Бетани улыбнулась и предложила ему «Мальборо». Дженкинс взял сигарету, прикурил от сигареты Бетани. Вдохнул и тут же закашлялся.

– Вы действительно давно не курили, – отметила Бетани.

– Зато быстро привыкну. По-другому не бывает. Вы не обратили внимания на время?

– Нет, – ответил Алберт.

Дженкинс указал на круглые часы над дверями мужского

и женского туалетов. Они показывали 4.07.

– Все сходится. Мы знаем, что уже какое-то время лети-ли, когда произошло... назовем случившееся Событием, пока нет другого названия. Четыре часа семь минут утра на Восточном побережье соответствует часу и семи минутам в Лос-Анджелесе. Так что теперь мы знаем точное время События.

– Как здорово! – воскликнула Бетани.

– Да, конечно. – Дженкинс предпочел не заметить в ее го-лосе сарказма. – Но со временем что-то не так. Жаль, что мы не видим солнца.

– А зачем оно вам? – спросил Алберт.

– От часов, во всяком случае электрических, проку нам никакого. Потому что нет тока. А вот если бы вышло солнце, мы смогли бы по длине и направлению теней хотя бы при-близительно определить, который час. На моих часах чет-верть девятого, но я им не верю. Мне кажется, они сильно отстают. Доказательств у меня нет, объяснить это я не могу, но чувствую, что отстают.

Алберт обдумал его слова. Огляделся. Посмотрел на Дженкинса.

– Знаете, вы правы. И мне кажется, что *уже* время ленча. Или это глупость?

– Не глупость, – ответила Бетани, – а простое наруше-ние суточного ритма организма в связи с перелетом через несколько часовых поясов.

– Я не согласен, – покачал головой Дженкинс. – Мы летели с запада на восток, юная дама. Поэтому у нас должно складываться впечатление, что сейчас *раньше*, чем на самом деле.

– Я хочу спросить вас насчет одной фразы, которую вы произнесли в самолете, – сменил тему Алберт. – Когда капитан сказал нам, что здесь должны быть другие люди, вы пробормотали «ложная логика». Причем дважды. Но мне кажется, что он прав. Мы спали, и теперь мы *здесь*. Случилось это, – Алберт взглянул на часы, – в семь минут пятого по бангорскому времени, когда практически все должны были спать.

– Да, – кивнул Дженкинс. – И где же они?

Вопрос поставил Алберта в тупик.

– Ну...

С глухим стуком Ник насадил трубку последнего телефона на рычаг. Автоматы выстроились длинным рядом: он перепробовал все.

– Тишина и покой. Ни один не работает. Ни платные, ни бесплатные, прямого вызова. Ты можешь добавить незвонящие телефоны к нелающим собакам, Брайан.

– Так что же нам теперь делать? – спросила Лорел.

Звук ее голоса словно заглох в вате, отчего девушка почувствовала себя маленькой и слабой. Рядом с ней Дайна медленно поворачивалась вокруг оси. Словно антенна радиолокатора.

– Пойдем навверх, – предложил Лысый. – Там должен быть ресторан.

Они все посмотрели на него. Гаффни фыркнул:

– Да у вас только одно на уме, мистер.

Лысый насупился.

– Во-первых, меня зовут не мистер, а Руди Уэрвик. А во-вторых, на полный желудок лучше думается. – Он пожал плечами. – Закон природы.

– Я думаю, мистер Уэрвик прав, – поддержал его Дженкинс. – Нам всем надо поесть... И потом, наверху нам, возможно, удастся получить новую информацию, которая поможет понять, что же произошло. Я уверен, что удастся.

Ник вздохнул. На него словно навалилась безмерная усталость.

– Почему нет? Я уже превращаюсь в мистера Робинзона Крузо.

Они двинулись к эскалатору, естественно, замершему. Алберт, Бетани и Боб Дженкинс держались в арьергарде.

– Вы что-то знаете, не так ли? – неожиданно спросил Алберт. – Что именно?

– Возможно, я что-то и знаю, – поправил его Дженкинс. – А возможно, и нет. Поэтому пока моими предположениями делиться не буду... но хочу дать один совет.

– Какой?

– Не тебе, а юной даме. – Он повернулся к Бетани. – Поберегите спички. Вот мой совет.

– Что? – вытаращилась на него Бетани.

– Вы меня слышали.

– Да, слышала, но не понимаю, что это значит. Наверху наверняка есть киоск с газетами, мистер Дженкинс. И спичек там полно. Равно как сигарет и одноразовых зажигалок.

– Согласен. И все-таки советую вам поберечь спички.

«Опять он изображает Фило Кристи или как он там его называл», – подумал Алберт и уже собрался попросить Дженкинса помнить о том, что они не герои очередного его романа, когда Брайан вдруг резко остановился у самого эскалатора. Так резко, что Лорел пришлось дернуть Дайну за руку, иначе слепая девочка врезалась бы в капитана.

– Поосторожнее! – вырвалось у нее. – На случай, если вы не заметили, что девочка слепа.

Брайан пропустил ее слова мимо ушей. Он смотрел на маленькую группу.

– Где мистер Туми?

– Кто? – переспросил лысый мужчина... Уэрвик.

– Тот парень, что рвался в Бостон.

– Какая разница? – спросил Гаффни. – Баба с воза – кобыле легче.

Но Брайан придерживался иного мнения. Его тревожило отсутствие Туми. Он не мог объяснить почему, но ему это очень не нравилось. Он взглянул на Ника. Тот пожал плечами.

– Я не видел, как он уходил, дружище. Возился с телефо-

нами. Извини.

– Туми! – прокричал Брайан. – Крейг Туми! Где вы?

Ответа не было. Их обволакивала странная, давящая тишина. И Лорел заметила нечто такое, от чего у нее похолодело внутри. Перед тем как закричать, Брайан рупором приложил руки ко рту. В зале с высоким потолком такой крик должен был вызвать эхо.

Не вызвал.

10

Пока остальные толклись внизу, два подростка и старикан стояли у пункта проката автомобилей, остальные наблюдали, как английский головорез копошится у телефонов, Крейг Туми тихонько, как мышка, поднялся по эскалатору. Он знал, что ему нужно и где надо искать.

Быстрым шагом с брифкейсом, болтающимся в руке у правого колена, прошел через зал ожидания, не обращая внимания на пустые кресла и пустой бар «Красный барон». В дальнем конце над широким темным коридором висела таблица-указатель:

ГАЛЕРЕЯ 5: МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙСЫ
МАГАЗИНЫ БЕСПОШЛИННОЙ ТОРГОВЛИ
ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА США
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ АЭРОПОРТА

Уже у самого коридора он посмотрел в широкое, выходя-

щее на летное поле окно... и сбился с шага. Медленно направился к окну.

Туми не увидел ничего, кроме уходящего вдаль бетона под затянувшими небо неподвижными облаками. Но глаза его тем не менее широко открылись, а в душе начал подниматься страх.

Они идут, слышался в голове мертвый голос. Голос отца, а говорил он из маленького мавзолея, задвинутого в дальний уголок сердца Крейга Туми.

– Нет, – прошептал он, и от этого слова на стекле образовалось пятнышко тумана. – Никто не идет.

Ты вел себя плохо. Хуже того, ты ленился.

– Нет!

Да. Тебе назначили встречу, а ты ее проигнорировал. Убегал. И куда? В Бангор, штат Мэн. Как такое могло прийти тебе в голову?

– Не моя вина, – прошептал Крейг Туми, сжимая ручку брифкейса так, что побелели костяшки пальцев. – Меня увезли против моей воли. Я... меня принудили.

Ответа не последовало. Но он чувствовал неодобрение отца. И вновь Крейг ощутил, как давят на него призраки. Внутренний голос мог не говорить, что оправдания не принимаются. Крейг и так это знал. Знал с самого детства.

ОНИ здесь были... и они вернутся. Ты в курсе, не так ли?

Он в курсе. Лангольеры вернутся. Вернутся за ним. Он чувствовал их далекое присутствие. Он никогда их не видел,

но знал, какие они ужасные. Только он? Пожалуй, что нет.

Крейг подумал, что и маленькая слепая девочка что-то знает о лангольерах.

Но это не имело ни малейшего значения. Его задача – вернуться в Бостон... вернуться в Бостон до того, как лангольеры вновь прибудут в Бангор с одной только целью: съесть его живьем. Он должен успеть на конференцию в Пру, должен показать им, чего он достиг, а потом будет...

Свободен.

Он будет свободен.

Крейг оторвался от окна, от пустоты и застылости, и нырнул в темный коридор. Прошел мимо обезлюдевших магазинов, даже не удостоив их взглядом. А за ними нашел дверь, которую искал. С маленькой табличкой над глазком СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ АЭРОПОРТА.

Он должен попасть туда. Так или иначе, но должен.

«Все это, – думал он, – это безумие... оно не должно сидеть во мне. Сколько можно держать его в себе? Хватит!»

Крейг коснулся ручки двери. Пустота в его взгляде сменялась решимостью и целеустремленностью.

«Слишком долго на меня давили, – думал он. – Слишком долго. С семи лет? Нет... все началось еще раньше. На меня давили с той поры, как я себя помню. И эта история – все тот же нажим, только в новой форме. Возможно, мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя не ошибся, сказав, что это эксперимент, что агенты какого-то секретного федераль-

ного учреждения или иностранной разведки проводят опыт. Но я больше не хочу участвовать в чьих-либо экспериментах. Мне без разницы, кто руководит всем этим – мои отец или мать, декан школы менеджмента или совет директоров банковской корпорации «Солнце пустыни». Я принимаю решение не участвовать в эксперименте. Я принимаю решение выйти из игры. Я принимаю решение добратся до Бостона и закончить то, что начал, предложив купить аргентинские государственные облигации. Если я...»

Но он и так знал, что произойдет, если он этого не сделает. Он просто сойдет с ума.

Крейг взялся за ручку. Она не поворачивалась. Однако стоило нажать на нее, и дверь распахнулась. То ли ее не закрыли на задвижку, то ли замок автоматически открылся после отключения электричества. Крейга это не волновало. Главное в том, что он мог войти в дверь, а не пробираться через вентиляционную шахту. Он намеревался еще до вечера попасть на конференцию и не хотел появляться там в грязной одежде. Одна из усвоенных им жизненных аксиом гласила: к людям в несвежей одежде относятся недоверчиво.

Крейг решительно переступил порог.

Брайан и Ник поднялись по эскалатору первыми, скоро к ним подтянулись и остальные. Они попали в главный зал

ожидания МАБа, большое квадратное помещение с креслами и установленными на подлокотниках телевизорами. Одну стену занимали тонированные окна, из которых открывался вид на летное поле. Слева находился газетный киоск и контрольно-пропускной пункт первой галереи. Правее и на другой стороне зала ожидания – бар «Красный барон» и ресторан «Девятое облако». За рестораном начинался коридор, который вел к штаб-квартире службы безопасности аэропорта и галерее, обслуживающей прибывающие международные рейсы.

– Пойдем... – начал Ник, но Дайна остановила его:

– Подождите.

Решительный тон девочки заставил всех повернуться к ней.

Дайна отпустила Лорел, подняла руки, приставила их к ушам, словно локаторы, и замерла, прислушиваясь к только ей ведомым звукам.

– Что... – начал Брайан, но Дайна тут же осекла его:

– Ш-ш-ш-ш...

Она чуть повернулась влево, постояла, повернулась в другую сторону, встала лицом к окнам. В падающем сквозь них свете ее и без того бледное лицо побелело еще сильнее. Она сняла черные очки. И все увидели ее широко раскрытые карие глаза, совсем не пустые.

– Вот, – мечтательно произнесла Дайна, и Лорел почувствовала, как ужас ледяными пальцами сжимает сердце.

Не она одна. Бетани прижалась к ней с одной стороны, Дон Гаффни – с другой.

– Вот... я чувствую этот свет. Поэтому врачи и решили, что мне можно вернуть зрение. Я чувствую свет. Он – словно тепло внутри головы.

– Дайна, что... – вновь подал голос Брайан.

Ник локтем толкнул его в бок. Англичанин не отрываясь смотрел на Дайну. Брови сошлись у него на переносице.

– Тихо, приятель.

– Свет... там.

Она медленно пошла к окнам, руки ее оставались за ушами, локти она выставила чуть вперед, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Меньше чем в двух футах от окна она остановилась. Медленно потянулась вперед руками, пока ее пальцы не коснулись стекла. Выглядела она как черная морская звезда на фоне белого неба.

– И стекло не такое, каким должно быть. – Все тот же мечтательный тон.

– Дайна... – не выдержала Лорел.

– Ш-ш-ш... – не поворачиваясь, прошептала Дайна; она стояла у окна, словно маленькая девочка, ожидающая, когда же отец вернется с работы. – Я что-то слышу.

Эти произнесенные шепотом слова вызвали безотчетный ужас в душе Алберта Косснера. У него заболели плечи. Он опустил голову и увидел, что стоит, крепко обхватив себя руками.

Брайан прислушался. Услышал собственное дыхание, дыхание остальных... но ничего больше.

«Это ее воображение, – подумал он. – Только воображение».

– Что? – спросила Лорел. – Что ты слышишь?

– Не знаю. – Дайна все не поворачивалась. – Звук очень слабый. Я слышала его, когда мы вышли из самолета, но решила, что это мое воображение. Теперь я слышу его лучше, даже сквозь стекло. Звук этот... примерно такой же раздается, когда высыпашь рисовые хлопья в молоко.

Брайан повернулся к Нику и прошептал:

– Ты что-нибудь слышишь?

– Ни черта, – тоже шепотом ответил Ник. – Но она слепая. Слух у нее намного острее нашего.

– Я думаю, это истерия. – Теперь Брайан уже шептал, наклонившись к самому уху Ника.

Дайна повернулась к ним.

– «Ты что-нибудь слышишь? Ни черта. Но она слепая. Слух у нее намного острее нашего». – Пауза. – «Я думаю, это истерия».

– Дайна, что ты такое говоришь? – испуганно спросила Лорел, не слышавшая, как шептались Брайан и Ник, хотя стояла к ним гораздо ближе.

– Спросите их. – Голос Дайны дрожал. – Я не сумасшедшая! Слепая, но не сумасшедшая!

– Конечно, – кивнул Брайан. – Конечно, не сумасшедшая,

Дайна. — Он обратился к Лорел: — Я разговаривал с Ником. Она нас услышала. Услышала, стоя у окна.

— У тебя отличный слух, детка, — вставила Бетани.

— Я слышу то, что слышу. И я слышу какие-то звуки. Оттуда. — Она указала на восток и обвела всех невидящими глазами. — Это плохой звук. Ужасный звук, жуткий.

— Если вы знаете, что это за звук, маленькая мисс, может, это нам чем-то поможет.

— Я не знаю. Но звук этот приближается. — Дрожащей рукой она надела очки. — Мы должны убраться отсюда. И побыстрее. Потому что надвигается зло. Зло, издающее потрескивающие звуки.

— Дайна, в самолете, на котором мы прилетели, практически не осталось топлива, — напомнил Брайан.

— Значит, вы должны залить в него топливо! — пронзительно закричала Дайна. — Надвигается беда, вы это понимаете? Надвигается, и, если мы не улетим до того, как она настигнет нас, мы все умрем! Мы все умрем!

Голос ее сломался, она зарыдала. Не сивилла, не пророчица, а маленькая девочка, вынужденная жить в кромешной тьме. Дайна поплелась к ним, уверенности в себе как не бывало. Лорел успела подхватить ее, прежде чем девочка наткнулась на одну из веревок, огораживающих зону контрольно-пропускного пункта, и прижала к себе. Лорел попыталась успокоить девочку, но в ушах по-прежнему звенели ее слова: «Если мы не улетим до того, как она настигнет нас, мы

все умрем!»

Мы все умрем!

12

Крейг Туми услышал, как заверещала эта девчонка, но не стал прислушиваться к ее воплям. Он нашел то, что искал, в третьем из открытых им шкафчиков. На дверце значилось: МЭРКИ. На верхней полке лежал ленч мистера Мэрки: сэндвич, аккуратно завернутый в плотную бумагу. На нижней стояли уличные туфли мистера Мэрки. Между ними на крючке висели белая рубашка и пояс с кобурой. Из кобуры торчала рукоятка служебного револьвера мистера Мэрки.

Он расстегнул кобуру, достал револьвер. В оружии Крейг ничего не понимал и не мог сказать, какого револьвер калибра, тридцать второго, тридцать восьмого или сорок пятого, но ума разобраться с устройством револьвера ему хватило, так что несколько секунд спустя он смог откинуть барабан. Убедился, что во все шесть гнезд вставлены патроны, услышал щелчок, подтверждающий, что барабан встал куда надо, затем обследовал курок и обе стороны рукоятки. Искал он рычажок предохранителя, но его, похоже, не было. Крейг положил палец на спусковой крючок, осторожно нажимал до тех пор, пока не увидел, как двинулись курок и барабан, и, удовлетворенно кивнув, снял палец.

Повернулся к двери и внезапно осознал, как же он оди-

нок в своей взрослой жизни. Револьвер словно прибавил в весе, потянув руку вниз. Теперь Крейг стоял, ссутулившись, с брифкейсом в правой руке и служебным револьвером исчезнувшего охранника в левой. А на лице его застыла безмерная тоска. Он вспомнил сцену из детства, сцену, о которой и думать забыл: двенадцатилетний Крейг Туми лежит на кровати в своей комнате, заливаясь горячими слезами. В другой комнате громко играет стереопроектор и его мать пьяным голосом поет вместе с Меррили Раш: «Назови меня... *утренним ангелом*, крош-шка... прикоснись к моей щеке... прежде чем покинешь меня, крош-шка...»

Он лежал на кровати. Дрожал. Плакал. Беззвучно. И думал: «Почему ты не можешь любить меня и оставить меня в покое, мама? Почему ты не можешь любить меня и оставить в покое?»

– Я никому не хочу причинять вред, – сквозь слезы пробормотал Крейг Туми. – Не хочу, но это... непереносимо.

У другой стены выстроились телемониторы, все погасшие. Он уставился на них, и в это мгновение ему едва не открылась истина, оставалось совсем немного, чтобы понять, что произошло, что происходит. Сквозь сложную систему психологических блоков правда почти прорвалась в бомбоубежище, в котором он прожил всю жизнь.

Весь мир ушел, Крейги-Вейги, твердила ему мать. *Весь мир ушел, кроме тебя и людей, оставшихся на этом самолете.*

– Нет, – простонал Крейг и упал на один из стульев у стола

в центре комнаты. – Нет, это не так. Быть такого не может! Я отвергаю эту идею. Полностью отвергаю.

Лангольеры были здесь, и они вернутся. Как всегда, голос отца заглушил голос матери. *Тебе бы лучше смотреться отсюда до их прибытия... ты же знаешь, что за этим последует.*

Он знал, естественно. Они съедят Крейга Туми. Лангольеры сожрут его заживо.

– Но я не хочу причинить кому-то вред, – отстраненно повторил он.

На столе лежал бланк с графиком дежурств. Крейг поставил брифкейс на пол, положил револьвер на стол. Взял бланк, с минуту изучал его невидящим взглядом и... начал отрывать полосу с левой стороны.

Пи-и-ип.

Скоро он уже был загипнотизирован растущей на столе стопкой узких полосок бумаги. Но и тогда голос отца продолжал звучать в голове Крейга: *Ты же знаешь, что за этим последует.*

Глава 5

Коробка бумажных спичек. Приключения сэндвича с салями. Еще один пример использования дедуктивного метода. Аризонский Еврей играет на скрипке. Единственный звук в городе

1

Мертвую тишину, повисшую в зале ожидания после предупреждения Дайны, нарушил Роберт Дженкинс.

– У нас, конечно, есть проблемы, – заговорил он голосом опытного лектора. – Если Дайна что-то слышит, а учитывая продемонстрированные ею незаурядные способности, я склонен думать, что так оно и есть, неплохо бы знать, какая беда надвигается на нас. Мы не знаем. Это одна проблема. Недостаток топлива в самолете – другая проблема.

– Тут стоит «727», – напомнил Ник. – Подогнанный к посадочному тоннелю. Ты сможешь лететь на нем, Брайан?

– Да.

Ник посмотрел на Боба, как бы говоря: вот видите, один узел мы уже развязали.

– Предположим, что мы сможем взлететь. И куда мы отправимся? – продолжил Боб Дженкинс. – Третья проблема.

– Подальше отсюда, – без запинки ответила Дайна. – По-

дальше от этого звука. Мы должны держаться подальше от этого звука, от его источника.

– И сколько времени в нашем распоряжении? – мягко спросил ее Боб. – Когда это неведомое доберется сюда, Дайна? Можешь сказать хотя бы приблизительно?

– Нет, – ответила она, прильнув к Лорел. – Я думаю, оно еще далеко. Я думаю, у нас еще есть время. Но...

– Тогда почему бы нам не последовать предложению мистера Уэрвика? – спросил Боб. – Давайте перейдем в ресторан, перекусим и обсудим, что делать дальше. Еда оказывает благотворное влияние на часть организма человеческого существа, которую месье Пуаро любил называть маленькими серыми клетками.

– Мы не должны оставаться *здесь*, – настаивала на своем Дайна.

– Пятнадцать минут. Не больше, – не сдавался Боб. – Даже в твоем нежном возрасте ты должна знать, Дайна, что перед тем, как приступить к действиям, очень неплохо и подумать.

И тут Алберт понял, что у писателя есть свои причины перебраться в ресторан. Маленькие серые клетки мистера Дженкинса работали отлично и на голодный желудок. Учитывая более чем интересный анализ сложившейся ситуации, проведенный на борту самолета, писателю и теперь было что сказать.

«Он хочет нам кое-что продемонстрировать, – решил Алберт. – Доказать какую-то свою мысль».

– У нас наверняка есть пятнадцать минут, не так ли? – вмешался он.

– Ну... полагаю, что да, – с неохотой признала Дайна.

– Отлично, – подвел итог Боб. – Пошли. – И направился к ресторану, не сомневаясь, что остальные последуют за ним.

Брайан и Ник переглянулись.

– Пойдемте, – сказал им Алберт. – Он знает, что делает.

– Что?

– Точно сказать не могу, но идет он туда не только для того, чтобы перекусить.

Алберт последовал за Бобом, Бетани – за Албертом, остальные потянулись за ними. Лорел вела Дайну за руку. Маленькая девочка побледнела как полотно.

2

Ресторан «Девятое облако» скорее представлял собой кафетерий, с большим холодильным шкафом, в котором стояли напитки и лежали сэндвичи, длинным прилавком из нержавеющей стали, двумя микроволновыми печками. Все блестело чистотой. Нигде не осталось ни крошки, ни капли жира. Посуда ровными рядами стояла на полках.

Роберт Дженкинс остановился у кассового аппарата и спросил Бетани:

– Не угостите сигареткой, Бетани?

– А вы, однако, заядлый курильщик, – добродушно отве-

тила она, достала пачку «Мальборо» и вытряхнула сигарету.

Писатель взял сигарету, но отвел ее руку с коробкой спичек.

– Могу воспользоваться этими, не так ли?

У кассового аппарата стояла керамическая тарелка, наполненная бумажными спичками с рекламой бизнес-школы Лассалья. Наклейка на наружной поверхности тарелки гласила: «ДЛЯ НАШИХ БЕССПИЧЕЧНЫХ ДРУЗЕЙ». Боб взял коробку-книжицу, раскрыл, оторвал спичку.

– Конечно, – кивнула Бетани. – Но почему?

– На этот вопрос мы сейчас и попытаемся ответить. – Он обвел взглядом остальных.

Все встали полукругом, за исключением Руди Уэрвика, который уже добрался до холодильного шкафа и внимательно изучал содержимое его полок.

Боб чиркнул спичкой. Она оставила белый след на коричневой полоске серы, но не зажглась. Он повторил попытку, результат тот же. На третьей спичка сломалась. Большая часть воспламеняющейся головки стерлась.

– Однако. – Впрочем, удивления в голосе писателя не чувствовалось. – Наверное, они мокрые. Возьмем другую коробку, со дна. *Те* уж точно сухие.

Он запустил руку в тарелку, пара коробочек сверху вывалилась на прилавок. Алберту они показались абсолютно сухими. За его спиной Ник и Брайан вновь переглянулись. Боб выудил со дна новую коробку, раскрыл, оторвал спичку,

чиркнул. Спичка не зажглась.

– Черт побери! Похоже, мы столкнулись еще с одной проблемой. Могу я позаимствовать ваши спички, Бетани?

Она молча протянула ему коробку.

– Одну минуту, – вмешался Ник. – Что вы об этом знаете, приятель?

– Только то, что дело не ограничивается отсутствием людей, звуков и запахов. – Взгляд Дженкинса оставался спокойным, но лицо заметно осунулось. – И, подозреваю, мы все допустили одну большую ошибку. Вполне объяснимую, учитывая обстоятельства... но боюсь, пока мы заново не оценим сложившуюся ситуацию, едва ли чем-то поможем себе. Вот и давайте разбираться, что к чему.

Уэрвик уже присоединился к остальным. Он позаимствовал из холодильного шкафа сэндвич с салями и бутылку пива. Новые приобретения заметно подняли ему настроение.

– И что тут происходит? – полюбопытствовал он.

– Будь я проклят, если знаю, – ответил Брайан. – Но то, что я вижу, мне совсем не нравится.

Боб Дженкинс вынул спичку из коробки Бетани, чиркнул. Она тут же зажглась.

– Ага. – Он поднес спичку к кончику сигареты.

Запах дыма тут же ударил в нос Брайану, необычайно едкий, необычайно сладкий, и через секунду он понял, в чем причина: помимо лосьона после бритья Ника и духов Лорел, он чувствовал *только* этот запах. Впрочем, нет, улавливал

он и запах пота своих попутчиков.

Боб все еще держал спичку в руках. Он отогнул крышку коробки-книжицы, поднес огонек к головкам бумажных спичек. Поначалу ничего не изменилось. Писатель водил огоньком вдоль головок, но они не загорались. Остальные как замороженные следили за его манипуляциями.

Наконец раздалось п-ш-ш-ш-с, и несколько спичек вспыхнули, чтобы, не разгоревшись, погаснуть. Щупальца дыма потянулись вверх... дым был без запаха.

Боб оглядел стоящих вокруг, мрачно улыбнулся:

– Это больше, чем я ожидал.

– Ладно, – кивнул Брайан. – А теперь расскажите нам об этом. Я понимаю...

Но его прервал возмущенный вопль Руди Уэрвика. Дайна вскрикнула и прижалась к Лорел. Алберту показалось, что у него остановилось сердце.

Руди успел развернуть сэндвич с салями и сыром и надкусил его. А теперь все выплюнул на пол.

– Он протух! – воскликнул Руди. – Черт побери! Какая гадость!

– Протух? – вкрадчиво спросил Боб Дженкинс, и его глаза заблестели. – Я в этом сомневаюсь. В копченую колбасу кладут столько консервантов, что она может восемь часов лежать на открытом солнце. А мы знаем, что после отключения электричества прошло меньше пяти часов.

– Может, и больше, – ввернул Алберт. – Вы сами говори-

ли, что наши ручные часы могут отставать.

– Да, но я не думаю... Холодильный шкаф еще не нагрелся, мистер Уэрвик? Когда вы открыли его, оттуда пахло холодом?

– *Холода нет*, хотя внутри явно прохладнее, чем снаружи, – ответил Руди. – Но сэндвич – просто дерьмо. Прошу извинения у дам. Вот. – Он протянул сэндвич Дженкинсу. – Если не верите, попробуйте его *сами*.

Боб подозрительно посмотрел на сэндвич, как показалось Алберту, набираясь храбрости, откусил маленький кусочек. По его лицу Алберт понял, что сэндвич действительно никакой, но выплевывать его Дженкинс сразу не стал. Жеванул раз... другой... потом аккуратно выплюнул все на ладонь. Бросил недожеванный кусочек сэндвича в корзину для мусора, отправил следом и сам сэндвич.

– Он не протух. Просто начисто лишился вкуса. Даже у риса или картофеля, сваренных без соли, есть хоть какой-то вкус. А тут он отсутствует напрочь. Все равно что жуешь бумагу, поэтому вы и решили, что сэндвич протух.

– Он протух, – упрямылся лысый мужчина.

– Попробуйте пиво, – предложил Боб. – Оно-то протухнуть не может. Крышка на месте, а закупоренное в бутылке пиво не портится и без холодильника.

Руди задумчиво посмотрел на бутылку «Будвайзера», которую держал в руке, протянул ее Бобу.

– Расхотелось.

Он бросил злобный взгляд на холодильный шкаф, словно подозревал, что Дженкинс каким-то образом разыграл его.

– Я попробую пиво, если не останется другого выхода, но я уже пошел на жертву ради науки. Не хочет ли кто-то еще пригубить пиво? Я думаю, это надо сделать.

– Дайте бутылку мне, – вызвался Ник.

– Нет, – подал голос Дон Гаффни. – Давайте ее сюда. Пиво – мой любимый напиток. Я могу пить его и теплым.

Он взял бутылку, сшиб пробку, жадно глотнул. В следующее мгновение пиво из его рта фонтаном выплеснулось на пол.

– Господи! Выдохлось! Чистая вода!

– Неужели? – оживился Боб. – Хорошо! Отлично! На это надо поглядеть всем! – Он прошел за стойку и взял с полки стакан.

Гаффни поставил бутылку рядом с кассовым аппаратом, и Брайан пристально разглядывал ее, пока Боб Дженкинс не взял бутылку. Действительно, пены в горлышке не было. «И правда, вода водой», – подумал Брайан.

Впрочем, то, что налил Боб в стакан, выглядело как пиво, а не вода. Пиво, из которого вышел весь газ. Пиво, не дающее пены. Несколько пузырьков прилипли к стенкам стакана, но ни один не поднялся на поверхность.

– Понятно, – кивнул Ник. – Газа нет. Такое иной раз случается. На фабрике поставили бракованную крышку, вот газ и вышел. Время от времени каждому достается пиво без газа.

– Но когда такое пиво приходится заедать безвкусным сэндвичем, это уже говорит о многом, не так ли?

– Хотелось бы знать, *о чем?* – взорвался Брайан.

– Сейчас узнаем. Но сначала давайте посмотрим, из одной ли бутылки вышел газ. – Писатель повернулся, схватил с полки несколько стаканов (два или три упали на пол), начал расставлять их на прилавке с ловкостью бармена. – Принесите мне еще пива. А заодно что-нибудь из прохладительных напитков.

Алберт и Бетани принесли из холодильника по четыре или пять банок и бутылок.

– Он чокнулся? – тихим голосом спросила Бетани.

– Не думаю. – Алберт уже представлял себе, куда клонит писатель... и ему все это очень не нравилось. – Помнишь, он советовал тебе беречь спички? Он предугадал, что должно случиться. Поэтому и тащил нас в ресторан. Хотел показать, что его догадка верна.

3

Бланк распался на три десятка узких полосок, а лангольеры приблизились.

Крейг чувствовал их приближение – по тяжести в затылке. Тяжести, которая увеличивалась.

Пора, пора идти.

Он подхватил брифкейс и револьвер и вышел из штаб-

квартиры службы безопасности. Шагал медленно, подготавливая монолог, который ему предстояло произнести: «Я не хочу стрелять в вас, но выстрелю, если вы не оставите мне другого выхода. Доставьте меня в Бостон. Я не хочу стрелять в вас, но выстрелю, если вы не оставите мне другого выхода. Доставьте меня в Бостон».

– Выстрелю, если придется, – бормотал Крейг, возвращаясь в зал ожидания. – Выстрелю, если придется. – Его палец нащупал и взвел курок.

Его внимание вновь привлек бледный свет, падающий из окон. Крейг повернулся к летному полю и почувствовал: они где-то там. Лангольеры. Они съели всех никчемных, ленивых людей и теперь возвращались за ним. Он *должен* попасть в Бостон. Только так он мог спасти себя и остальных... потому что смерть *их* будет ужасна. Ужасна!

Крейг направился к окнам, выглянул наружу, игнорируя – во всяком случае пока – приглушенные голоса пассажиров у него за спиной.

4

Боб Дженкинс налил по чуть-чуть из каждой бутылки и банки в отдельный стакан. Ни пузырьков, ни пены, как и в первом эксперименте с пивом. Выдохшиеся, скорее всего безвкусные жидкости.

– Я вас убедил? – спросил он Ника.

– Да, – кивнул тот. – Если вы знаете, что здесь происходит, выкладывайте. Пожалуйста, не томите нас.

– Есть идея, – кивнул Боб. – Не очень приятная, знаете ли, но я отношусь к той категории людей, которая полагает, что знание всегда лучше невежества, особенно в долгосрочной перспективе. Даже если не хочется верить тому, что знаешь. Надеюсь, вы понимаете, о чем я толкую?

– Нет, – тут же ответил Гаффни.

Боб пожал плечами, сухо улыбнулся и продолжил:

– Тем не менее остаюсь при своем мнении. Но прежде чем я начну, попрошу вас оглядеться и сказать мне, что вы видите.

Они огляделись, сосредоточившись почему-то на столах и стульях, поэтому никто не заметил Крейга Туми, который в противоположном конце зала ожидания застыл у окна, всматриваясь в летное поле.

– Ничего, – наконец ответила Лорел. – Извините, но я ничего не вижу. Наверное, у вас более острый взгляд, мистер Дженкинс.

– Отнюдь. Я вижу то же, что и вы: ни-че-го. Но аэропорты работают двадцать четыре часа в сутки. Когда это... Событие произошло, здесь, конечно, был мертвый сезон, самое спокойное время. Но я не верю, чтобы хоть несколько человек не пили кофе или не завтракали даже в столь ранний час: сотрудники аэропорта, вспомогательных служб. Может, даже пассажиры, которые оказались в Бангоре пролетом и решили

экономить на отеле, проведя пять или шесть часов в аэропорту. Когда я спустился с транспортера и огляделся, мне стало не по себе. Почему? Потому что аэропорты никогда не пустуют, точно так же, как никогда не пустуют полицейские участки и казармы пожарной охраны. Вот теперь вы и спросите себя: где тарелки с недоеденной пищей, где полупустые стаканы? Помните недоеденную плюшку и недопитый кофе в кабине пилотов? Здесь ничего подобного нет. *Где хоть одно доказательство того, что здесь были люди, когда свершилось Событие?*

Алберт медленно огляделся.

– Дымящейся трубки нет, не так ли?

Боб уставился на него.

– Что? Что ты сказал, Алберт?

– Когда мы летели в самолете, я подумал об одном паруснике. Где-то я о нем читал. Назывался он «Мария Селеста». Кто-то заметил его, когда он бесцельно дрейфовал в открытом море. Нет... *не дрейфовал*, в книжке говорилось, что он шел под всеми парусами. Однако люди, поднявшиеся на борт «Марии Селесты», никого там не нашли. Ни матросов, ни капитана. Вещи их остались, на плите готовилась еда. Кто-то даже обнаружил в кубрике трубку. Она еще дымилась.

– Bravo! – воскликнул Боб.

Теперь все смотрели только на него, и никто не замечал медленно приближающегося Крейга Туми. Дуло его револьвера уже не смотрело в пол.

– Bravo, Алберт! – повторил Боб Дженкинс. – Ты попал в самую точку! Было еще одно знаменитое исчезновение – колонии поселенцев с Роанок-Айленда... кажется, у берегов Северной Каролины. Все исчезли, оставив дома, очаги, вещи, мусор. А теперь, Алберт, сделаем следующий шаг. Чем еще этот аэропорт отличается от нашего самолета?

На мгновение лицо Алберта превратилось в подобие застывшей маски, а потом он просиял.

– Кольца! – вскричал он. – Сумочки! Бумажники! Хирургические штифты! Здесь ничего этого нет!

– Правильно, – кивнул Боб. – На все сто процентов. Как ты и говоришь, здесь ничего этого нет. Но все это было в самолете, когда проснулись пережившие Событие, не так ли? Вместе с недоеденной плюшкой и недопитым кофе в кабине пилотов. Эквивалентом дымящейся трубки в кубрике.

– Вы думаете, мы перенеслись в другое измерение, не так ли? – В голосе Алберта слышался благоговейный трепет. – Как в фантастическом романе?

Дайна склонила голову набок. В этот момент она удивительно напоминала Ниппера, собаку, которая долгие годы служила фирменным знаком «Эр-си-эй»¹⁰.

– Нет, – ответил Боб. – Я думаю...

– Осторожно! – воскликнула Дайна. – Я слышу...

Но она опоздала. Выйдя из транса, Крейг Туми действо-

¹⁰ «RCA Corp.» – известная фирма по производству электрической и электронной бытовой техники.

вал быстро. Прежде чем Ник или Брайан обернулись, он уже обхватил шею Бетани и потянул девушку назад. Одновременно вдавив дуло револьвера ей в висок. Бетани в ужасе закричала.

– Я не хочу стрелять в нее, но выстрелю, если у меня не останется другого выхода, – отбарабанил Крейг. – Доставьте меня в Бостон. – Пустота исчезла из его глаз, уступив место безумной решимости. – Вы меня слышите? Доставьте меня в Бостон!

Брайан шагнул к нему, но Ник задержал его, ни на секунду не сводя глаз с Крейга.

– Не дергайся, приятель, – прошептал он. – Спешить тут не надо. У нашего приятеля поехала крыша.

Бетани пыталась вырваться из захвата Крейга.

– Вы меня задушите! Пожалуйста, не душите меня!

– Что происходит? – спросила Дайна. – Что происходит?

– Хватит! – рявкнул Крейг на Бетани. – Перестань дергаться! Или ты вынудишь меня сделать то, чего делать мне совсем не хочется! – И он ткнул дулом ей в висок. Бетани продолжала вырываться, и тут Алберт понял, что она ничего не знает о револьвере.

– Успокойся, девочка! – резко бросил Ник. – Перестань сопротивляться!

Впервые за свою сознательную жизнь Алберт не просто воображал себя Аризонским Евреем, но и начал действовать в духе этого вымышленного персонажа. Не спуская глаз

с психа в водолазке, он начал медленно поднимать футляр со скрипкой. Обеими руками. Туми на него не смотрел, его взгляд торопливо перебегал с Ника на Брайана и обратно. Одной рукой Крейг по-прежнему держал Бетани за шею, второй сжимал рукоятку нацеленного ей в голову револьвера.

– Я не хочу стрелять в нее... – И тут рука Крейга дернулась вверх, потому что девушке удалось ногой ударить ему в промежность и мгновенно впиться зубами ему в руку.

Крейг закричал от боли и, краем глаза уловив движение Алберта, тут же навел на него револьвер. Мгновение Алберт смотрел прямо в дуло, совсем как в своих фантазиях и снах. Смотреть в дуло револьвера – удовольствие не из приятных. Все равно что заглядывать в только что открытую могилу.

«Наверное, я допустил ошибку», – подумал он, и тут же Крейг Туми нажал на спусковой крючок.

5

Вместо грохота выстрела раздался тихий хлопок, словно Крейг нажал на спусковой крючок духового ружья. Алберт почувствовал, как что-то ткнулось в футболку, прямо в надпись «HARD ROCK CAFE», и понял, что в него выстрелили, а уж потом он обрушил футляр со скрипкой на голову Крейга. Сильный удар отдался ему в руки, и он тут же услышал негодующий голос отца: «Ты в своем уме, Алберт? Раз-

ве можно так обращаться с дорогим музыкальным инструментом?»

В футляре звякнуло: скрипка подпрыгнула, ударившись о крышку. Одна из латунных защелок врезалась Туми в лоб, хлынула кровь, он повалился на пол, глаза его закатились. И мгновение спустя Крейг Туми, лишившись чувств, лежал у ног Алберта.

Безумная мысль сверкнула в голове юноши: «Господи, никогда в жизни я так хорошо не играл!» И тут же понял, что держится из последних сил. Он повернулся к остальным, его губы разошлись в улыбке.

– Кажется, меня зацепило, – выдохнул Туз Косснер.

Затем мир подернулся чем-то серым, ноги подкосились, и он опустился, подмяв под себя футляр со скрипкой.

6

Отключился он максимум секунд на тридцать. А когда пришел в себя, Брайан, с тревогой в глазах, тихонько шлепал его по щекам. Рядом на коленях стояла Бетани, в ее сверкающих глазах было восхищение. За ней, прижавшись к Лорел, плакала Дайна Беллман. Алберт взглянул на Бетани, и его сердце расширилось до размеров груди.

– Аризонский Еврей снова сядет в седло, – пробормотал он.

– Что ты сказал, Алберт? – спросила Бетани, погладив

его по щеке; удивительно нежной, восхитительно прохладной рукой. Алберт решил, что влюбился.

– Ничего, – ответил он, и тут же пилот ударил его по другой щеке.

– С тобой все в порядке, парень? – спрашивал Брайан. – Все в порядке?

– Думаю, да. Хватит с меня оплеух. И зовут меня Алберт. Для друзей – Туз. Рана тяжелая? Я ничего не чувствую. Вам удалось остановить кровотечение?

Ник Хопуэлл присел на корточки рядом с Бетани. На его губах играла улыбка.

– Думаю, жить ты будешь, приятель. Никогда не видел ничего подобного... а повидал я немало. Вас, американцев, нельзя не любить, такие вы иногда смешные. Протяни руку – и получишь от меня сувенир.

Алберт протянул трясущуюся руку, и Ник что-то положил на ладонь. Алберт поднес руку к глазам, увидел, что это пуля.

– Поднял ее с пола, – объяснил Ник. – Даже не потеряла формы. Она, должно быть, ударила тебе в грудь, на футболке осталось пороховое пятнышко, и отскочила. Револьвер дал осечку. Бог, должно быть, очень любит тебя, приятель.

– Я помнил о спичках, – прошептал Алберт. – И думал, что выстрела вовсе не будет.

– Мой мальчик, с твоей стороны это очень смелый и очень глупый поступок. – Боб Дженкинс побледнел как мел: казалось, он сам был на грани обморока. – Никогда не верь пи-

сателю. Слушай его, это обычное дело, но никогда не верь. Господи, а если бы я ошибся?

– Вы почти ошиблись. – Брайан помог Алберту подняться. – С порохом произошло то же, что и со спичками из керамической тарелки. Энергии газов хватило только на то, чтобы вытолкнуть пулю из ствола. А будь этой энергии чуть больше, пуля сидела бы сейчас у парня в легких.

У Алберта вновь закружилась голова. Его качнуло, и Бетани мгновенно обхватила юношу за талию.

– Это геройский поступок. – Она продолжала с восторгом смотреть на своего спасителя. – Какой же ты молодец!

– Спасибо. – Туз чуть улыбнулся. – Невелик труд.

Самый быстрый стрелок-еврей к западу от Миссисипи чувствовал, как девушка прижимается к нему всем телом и как от девушки очень приятно пахнет. Настроение у него резко поднялось. Никогда в жизни ему не было так хорошо. Тут он вспомнил о скрипке, наклонился, поднял футляр: глубокая вмятина, одна из защелок открылась, на ней остались кровь и волосы. Алберт почувствовал, как его желудок подбирается к горлу. Он открыл футляр и заглянул в него. Вроде бы инструмент цел и невредим. Алберт облегченно вздохнул.

Потом вспомнил о Крейге Туми, и радость сменилась тревогой.

– Слушайте, я не убил этого психа? Ударил я его сильно. Он посмотрел на Крейга Туми. Над ним склонился Дон

Гаффни. Лицо и лоб Крейга заливала кровь. Алберту снова стало дурно.

– Он жив, – ответил Дон, – но без сознания.

Алберт, который в своих снах справлялся и не с такими головорезами, почувствовал, как тревога уходит.

– Господи, так много *крови!*

– Это ничего не значит. Раны на голове обычно сильно кровоточат, – пояснил Ник, взял Крейга за запястье и пощупал пульс. – Ты должен помнить, что этот тип приставил револьвер к голове девушки. И мог бы ее убить. Помнишь актера, который несколько лет назад погиб на съемочной площадке, где стреляли холостыми патронами? Мистер Туми получил по заслугам. Не кори себя.

Ник выпустил руку Туми, встал.

– Кроме того, – он взял с ближайшего стола стопку бумажных салфеток, – пульс у него сильный и регулярный. Я думаю, через несколько минут он придет в себя. Правда, голова будет побаливать. По-моему, мы должны подготовиться к этому счастливому событию. Мистер Гаффни, как это ни странно, но столы в этом заведении накрыты скатертями. Не могли бы вы принести мне парочку? Я думаю, нам стоит связать руки этому торопящемуся в Бостон господину.

– Вы действительно думаете, что это необходимо? – спросила Лорел. – В конце концов, он без сознания, а из раны течет кровь.

Ник положил бумажную салфетку на лоб Туми и посмот-

рел на женщину.

– Вас зовут Лорел, не так ли?

– Да.

– Так вот, Лорел, не надо представлять его поведение в радужных тонах. Этот человек – сумасшедший. Не могу сказать, то ли он рехнулся из-за того, что с нами приключилось, то ли *всегда* был таким, но я знаю, что он опасен. Он мог бы схватить не Бетани, а Дайну, если б она стояла ближе. Если не связать этому психу руки, в следующий раз он так и сделает.

Крейг застонал, его руки дернулись. Боб Дженкинс отпрянул, хотя Брайан давно уже засунул револьвер за пояс своих брюк. Лорел последовала примеру писателя, потянув за собой Дайну.

– Кто-нибудь умер? – нервно спросила Дайна. – Надеюсь, никто?

– Нет, милая.

– Мне следовало услышать его раньше, но я слушала мужчину, который говорит как учитель.

– Все хорошо, – успокоила ее Лорел. – Окончилось все хорошо, Дайна. – Она оглядела пустынный зал ожидания и подумала: «Какое там – хорошо? Все просто *ужасно!*»

Дон вернулся с клетчатой красно-белой скатертью в каждой руке.

– Великолепно. – Ник взял одну скатерть, ловко скрутил ее в веревку. Середину зажал в зубах, чтобы скатерть не раз-

ворачивалась, и перевернул Крейга на живот.

Крейг вскрикнул, веки его задрожали.

– Зачем же так *грубо*? – резко бросила Лорел.

Ник коротко посмотрел на нее, и Лорел отвела взгляд. Она не могла не сравнивать глаза Ника Хопуэлла и Даррена Кросби на присланных им фотографиях. Широко посаженные ясные глаза на интересном, но не особо запоминающемся лице. Да и глаза ничем не запоминались, не так ли? А не было ли в глазах Даррена Кросби чего-то такого, что и заставило ее отправиться в эту поездку? Не решила ли она после долгих раздумий, что это глаза мужчины, который умеет себя вести достойно? Мужчины, который дает задний ход, когда ему говорят, что пора подавать назад?

Поднимаясь на борт самолета, вылетающего рейсом 29, Лорел говорила себе, что это самое большое приключение в ее жизни – трансконтинентальный прыжок в объятия высокого темноволосого незнакомца. Но иногда она попадала в ситуации, когда не оставалось ничего другого, как смотреть правде в глаза, а правда состояла в следующем: Лорел выбрала Даррена Кросби только потому, что он, судя по письмам и фотографиям, не слишком отличался от тех спокойных, уравновешенных юношей и мужчин, которые с пятнадцати лет приглашали ее на свидания. Эти юноши и мужчины всегда вытирали ноги о коврик, входя в дом после дождя, помогали мыть посуду без всякой просьбы, по первому слову убирали руки.

Летела бы она рейсом 29, если бы с фотографий на нее смотрели карие глаза Ника Хопуэлла, а не темно-синие Даррена? Едва ли. Скорее, она написала бы ему вежливое письмо: «Позвольте поблагодарить вас за ваш ответ и вашу фотографию, мистер Хопуэлл, но мне представляется, что мы с вами слишком разные», и продолжила бы поиски такого, как Даррен. Разумеется, она сильно сомневалась, что мужчины вроде мистера Хопуэлла когда-нибудь раскрывают журналы об одиноких сердцах, тем более заглядывают в персональные колонки. Однако теперь Лорел рядом с ним, да еще в столь неординарной ситуации.

Что ж... она хотела приключений, хотя бы одного приключения, прежде чем плавно перейти в средний возраст. Разве не так? Так. Вот она его и получила, в полном соответствии с утверждением Толкина: прошлым вечером вышла из собственной двери, точно так же, как и всегда, и где в итоге очутилась – в странной и ужасной разновидности страны Фантазии. Но вот насчет приключений, тут претензий нет. Аварийные посадки... безлюдные аэропорты... лунатик с револьвером. Разумеется, это приключение! Внезапно Лорел вспомнилась фраза, которую она прочитала давным-давно: «Будь осторожна, когда молишь о чем-либо, потому что ты можешь получить именно то, о чем просишь».

Чистая правда.

Но иногда ставит в тупик.

Зато взгляд Ника Хопуэлла не оставлял сомнений в том,

что ему все ясно и понятно. А вот что во взгляде отсутствовало, так это жалость. По телу Лорел пробежала дрожь, вызванная отнюдь не романтическими мечтами.

Ник завернул руки Крейга ему за спину, перекрестил кисти на поясице. Крейг застонал, на этот раз громче, и начал вырываться.

– Не волнуйся, старина. – Голос Ника звучал успокаивающе.

Он дважды обернул руки Крейга ниже локтей веревкой, затянул узел. Локти Крейга стукнулись друг о друга, он вскрикнул от боли.

– Вот и отлично! Упакован, как рождественская индейка отца Джона. – Ник поднялся и примостился на краешке одного из столов. – Так о чем вы говорили, когда нас так грубо прервали? – обратился он к писателю.

Боб тарасился на Ника, похоже, не понимая, о чем речь.

– Что?

– Продолжайте. – Ник больше напоминал заинтересованного слушателя в лекционном зале, а не севшего на стол крутого парня, у ног которого лежал мужчина со связанными руками, уткнувшись физиономией в лужу собственной крови. – Вы как раз говорили о том, что рейс 29 в чем-то схож с плаванием «Марии Селесты». Любопытное сравнение, знаете ли.

– И вы хотите, чтобы я... просто продолжал? – изумился Боб. – Словно ничего и не произошло?

– Развяжите меня! – прокричал Крейг.

Его слова приглушал напольный ковер. Да, ожил он на удивление быстро, учитывая, что об его голову пять минут назад едва не раскололи футляр для скрипки.

– Развяжите меня *немедленно!* Я требую...

Реакция Ника шокировала всю компанию, включая тех, кто видел, как англичанин выкручивал Крейгу нос. Англичанин двинул ему ногой по ребрам. В последний момент сдержал удар... но Крейгу все-таки досталось. Он вскрикнул от боли и замолчал.

– Начнешь снова, приятель, пеняй на себя, – процедил Ник. – Мое терпение на исходе.

– Послушайте! – воскликнул Гаффни. – Разве можно так...

– Это вы меня послушайте! – круто обернулся к нему Ник. Он был в ярости, просто кипел от злости. – Вам пора проснуться, дорогие мои, и на этот раз мне придется обойтись без сантиментов. Эта маленькая девочка, Дайна, говорит, что мы попали в серьезную передрагу. И я ей верю. Она говорит, что слышит что-то, что-то такое, что может набрести на нас. И я ей верю. Я ничего не слышу, но нервы у меня напряжены до предела, и я не могу оставить это без внимания. Я думаю, нас действительно может кто-то навестить, и совсем не для того, чтобы продать нам новейший пылесос или страховой полис. Так давайте решим: будем кудахтать над этим психом или постараемся понять, что происходит

вокруг? Понимание, возможно, не спасет нам жизни, но я все более и более склоняюсь к тому, что непонимание сильно их укоротит.

Ник внимательно посмотрел на Дайну:

– Скажи мне, в чем я не прав, Дайна? Тебя я выслушаю с радостью.

– Я не хочу, чтобы вы причиняли боль мистеру Туми, но я думаю, что вы во всем правы, – глотая слезы, ответила девочка.

– Ладно. Это справедливо, – кивнул Ник. – Я постараюсь больше не причинять ему боли... но обещать не могу. Давайте начнем с самого простого. Этот тип...

– Туми, – вставил Брайан. – Его зовут Крейг Туми.

– Пусть так. Мистер Туми сошел с ума. Возможно, если нам удастся вернуться в наш мир или в то место, куда отправились все люди, мы сумеем найти специалистов, которые ему помогут. Но сейчас мы можем помочь ему, только лишив свободы действий. Что я и сделал, не без помощи Алберта... А теперь вернемся к текущим делам. Кто-нибудь желает высказать особое мнение?

Ему ответила тишина. Пассажиры рейса 29 молча смотрели на Ника.

– Отлично. Пожалуйста, продолжайте, мистер Дженкинс.

– Я... Я не привык. – Боб предпринял отчаянную попытку взять себя в руки. – В своих романах я перебил столько людей, что им не хватило бы места в нашем самолете. А вот

в жизни впервые столкнулся с насилием. Извините, если... я вел себя не так, как положено.

– Я думаю, вам не за что стыдиться, мистер Дженкинс, – заговорила Дайна. – И мне нравится вас слушать. Даже настроение от этого улучшается.

Боб с благодарностью посмотрел на нее, улыбнулся.

– Спасибо тебе, Дайна. – Он сунул руки в карманы, бросил тревожный взгляд на Крейга Туми, затем посмотрел на окна. – Думаю, я уже упомянул о главной ошибке в наших рассуждениях. Она проста: мы все предположили, как только осознали случившееся, что *Событие* захватило весь мир. Понятно, откуда взялась такая оценка: мы в полном порядке, а все остальные, включая других пассажиров нашего рейса, которые вместе с нами поднялись на борт самолета в Международном аэропорту Лос-Анджелеса, вроде бы исчезли. Но имеющиеся у нас улики говорят о том, что наше предположение неверно. Случившееся ограничивается нами, и только нами. Я убежден, что мир, каким мы его знали, ничуть не изменился и живет по тем же законам. И только мы, пропавшие пассажиры и одиннадцать выживших, потерялись.

7

– Может, я туп как дубина, но я не понимаю, куда вы клоните, – прервал возникшую паузу Руди Уэрвик.

– Я тоже, – присоединилась к нему Лорел.

– Мы упомянули два знаменитых исчезновения, – продолжил Боб.

Вроде бы теперь его слушал и Крейг Туми, по крайней мере он оставил попытки освободить руки.

– Одна, в случае «Марии Селесты», имела место в *открытом* море. Вторая – я про Роанок-Айленд – около моря. Однако этими двумя знаменитыми происшествиями список не ограничивается. Я могу вспомнить еще два, связанные с самолетами. Во-первых, исчезновение летчицы Амелии Эрхарт над Тихим океаном, во-вторых, исчезновение нескольких военных самолетов над районом Атлантического океана, известным под названием Бермудский треугольник. Случилось это, насколько я помню, в 1945 или 1946 году. Вроде бы командир что-то передал по радио, с военно-воздушной базы во Флориде вылетели спасатели, но не нашли никаких следов пропавших самолетов.

– Я слышал об этом случае, – кивнул Ник. – С него и пошла недобрая слава Треугольника.

– Нет, там пропало *множество* самолетов и кораблей, – не согласился с ним Алберт. – Об этом Чарлз Берлиц написал книгу. Я ее читал. Очень интересная книга. – Он огляделся. – Но никогда не думал, что могу оказаться *среди* исчезнувших.

– Я не знаю, пропадали ли самолеты над континентальной территорией Соединенных Штатов, но...

– С маленькими самолетами такое случалось очень ча-

сто, – прервал его Брайан. – А однажды, примерно тридцать пять лет тому назад, пропал авиалайнер. С сотней пассажиров на борту. В 1955 или 1956 году. Принадлежал авиалайнер то ли «Транс уорлд эйрлайнс», то ли «Монарху». Летел он из Денвера в Сан-Франциско. Пилот связался с центром управления полетами в Рено, в полном соответствии с инструкцией, а потом об этом авиалайнере больше не слышали. Разумеется, его искали, но... безрезультатно.

Брайан заметил, что все смотрят на него как зачарованные, и невесело рассмеялся.

– Пилотские истории о призраках, – добавил он с извиняющимися нотками в голосе.

– Готов спорить, они тоже проскочили, – пробормотал писатель и почесал щеку. На лице его вдруг отразился ужас. – Раз тел не нашли...

– Пожалуйста, расскажите нам, что вы знаете или думаете, что знаете, – взмолилась Лорел. – Человек не может всего этого вынести. Если я тотчас же не получу ответов на мучающие меня вопросы, вам придется связать меня и положить рядом с мистером Туми.

– Не льстите себе, – отчетливо, но зловеще произнес Крейг.

Боб вновь бросил на него тревожный взгляд и продолжил: – Здесь стерильная чистота, в самолете – осколки стекла и разлитые напитки. Здесь нет электричества, в самолете – есть. Однако надо помнить, что в самолете автономная энер-

гетическая установка, а аэропорт получает электричество от какой-нибудь ГЭС, ТЭС или АЭС. Но возьмем спички. Бетани была в самолете, и ее спички зажигаются. А вот спички, находившиеся здесь, – нет. Револьвер, который мистер Туми взял, как я понимаю, в помещении службы безопасности, не выстрелил. Думаю, если б я попробовал посветить ручным фонариком на батарейках, у меня бы ничего не вышло. А если бы он и заработал, то батарейки сели бы очень быстро.

– Вы правы, – поддержал Ник. – И нам не надо искать ручной фонарь, чтобы подтвердить вашу версию. – И указал на фонарь аварийной осветительной системы, что находился рядом с вытяжкой: он не горел, как и лампы под потолком. – Аварийная система питается от аккумуляторов. Светочувствительный датчик реагирует на освещенность. Здесь достаточно темно, чтобы он сработал, однако фонарь не горит. То ли сломался датчик, то ли сели аккумуляторы.

– Думаю, и датчик сломался, и аккумуляторы сели, – отозвался Боб Дженкинс. Он медленно подошел к двери ресторана, открыл ее. – Мы оказались в мире, где еще поддерживается относительный порядок, но который находится при смерти. Все газированные напитки потеряли вкус, выдохлись. *Мы* еще чем-то пахнем, я могу уловить духи Лорел или лосьон после бритья капитана, но здешних запахов уже нет.

Алберт поднял стакан с пивом, принялся. Запах есть, решил он, но очень-очень слабый. Воспоминание о запахе. Так, наверное, пахнет лепесток, много лет пролежавший

между страницами книги.

– То же самое относится и к звукам, – добавил Боб. – Они глухие, одномерные, без резонанса.

Лорел вспомнила, *как* стучали ее каблучки по бетону, *как* вяз в воздухе крик капитана Энгла, когда тот, сложив руки рупором, звал мистера Туми.

– Алберт, тебя не затруднит сыграть что-нибудь на скрипке? – попросил Боб.

Алберт взглянул на Бетани. Девушка улыбнулась и кивнула.

– Нет. Разумеется, нет. Мне даже интересно, как она будет звучать после того... – Он посмотрел на Крейга Туми. – Вы понимаете.

Он открыл футляр, поморщившись, когда его пальцы коснулись защелки, врезавшейся в лоб Крейга Туми, достал скрипку. Ласково погладил ее и устроил скрипку под подбородком. Замер, задумавшись. Какая музыка достойна этого нового мира, где не звонили телефоны и не лаяли собаки? Ралф Вогэн Уильямс? Стравинский? Моцарт? Может, Дворжак? Нет, все не то. Тут его осенило, и он заиграл «Кто-то на кухне с Дайной».

Но, взяв несколько нот, опустил смычок.

– Наверное, ты все-таки испортил скрипку, хватив этого парня по голове, – предположил Дон Гаффни. – Такое ощущение, что она набита ватой.

– Нет, – медленно ответил Алберт. – Моя скрипка в пол-

ном порядке. Я в этом уверен. Дело в другом. Подойдите сюда, мистер Гаффни. – Гаффни подошел, встал рядом с Албертом. – А теперь наклонитесь к скрипке как можно ближе. Нет... не так близко, я попаду вам в глаз смычком. Так. Так хорошо. А теперь слушайте.

Алберт заиграл вновь.

– Чувствуете разницу? – спросил он, опустив смычок.

– Вблизи скрипка звучит гораздо лучше, если ты об этом, – ответил Гаффни и с уважением посмотрел на Алберта. – Ты превосходно играешь, парень.

Алберт улыбнулся Дону Гаффни, но заговорил, обращаясь к Бетани Симмс:

– Иногда, когда я уверен, что поблизости нет моего учителя музыки, я играю старые песни «Лед Зеппелин». Скрипка прямо-таки для них и создана. Вы бы удивились их звучанию. – Он повернулся к Бобу: – Ваша версия вновь подтвердилась. Чем ближе стоишь, тем лучше звучит скрипка. Причина *в воздухе*, а не в инструменте. Он не проводит звуки как должно, а значит, со звуком происходит то же, что и с пивом.

– Выдыхается, – уточнил Брайан.

Алберт кивнул.

– Спасибо, Алберт, – поблагодарил юношу Боб.

– Не за что. Можно убрать скрипку?

– Разумеется, – кивнул Боб и продолжил, пока Алберт укладывал скрипку в футляр, протирал пальцы и защелки салфеткой: – Вкус, запах и звук не единственные – ключе-

вые – особенности обстоятельств, в которых мы оказались. Возьмем, к примеру, облака.

– А что с ними? – спросил Руди Уэрвик.

– Они не двинулись с момента нашего прибытия, и я думаю, что не собираются двигаться. Полагаю, что и погода как бы застыла. – Боб замолчал. На лице его были написаны беспомощность и испуг. – Как сказал бы Ник Хопуэлл, давайте обойдемся без сантиментов. Здесь все не так, это гиблое место. У Дайны все чувства, включая и то, что принято называть шестым, развиты сильнее, чем у нас, поэтому ее ощущения более острые, но думаю, мы все – в той или иной степени – осознаем: *здесь все не так*.

А теперь мы подходим к главному.

Пятнадцать минут назад я сказал, что вроде бы подошло время ленча. Сейчас, как мне представляется, гораздо позже. Четыре или пять часов дня. Мой желудок требует не ленча, а чая. У меня предчувствие, что темнеть за окном начнет еще до того, как наши часы будут показывать без четверти десять утра.

– Ближе к делу, приятель, – вставил Ник.

– Я думаю, речь идет о времени. Не об измерении, упомянутом Албертом, а *о времени*. Предположим, что в силу каких-то причин в потоке времени возникает дыра. *Не ловушка, а дыра*. Дыра во временной ткани.

– *Такого бреда слышать мне еще не доводилось!* – воскликнул Дон Гаффни.

– Аминь! – отозвался с пола Крейг Туми.

– Нет, – отрезал Боб, – это не бред. Бред в другом, мистер Гаффни. вспомните, как звучала скрипка Алберта. Оглянитесь вокруг. Подумайте, что с нами случилось... где мы очутились... вот это бред.

Дон нахмурился, засунул руки в карманы.

– Продолжайте, – прошептал Брайан.

– Хорошо. Я не утверждаю, что мои слова – истина в последней инстанции. Я лишь высказываю свою версию, которая, может быть, объяснит происходящее с нами. Давайте предположим, что такие дыры во временном потоке появляются постоянно, но в основном над территорией, где не живут люди. Разумеется, я имею в виду океан. Не могу сказать почему, но это логичное предположение, поскольку большинство исчезновений имело место именно там.

– Атмосферные процессы над водой очень отличаются от тех же процессов над сушей, – добавил Брайан. – Возможно, вы правы.

– Дело не в том, прав я или нет. Но теперь, обсуждая проблему, мы можем оперировать понятными нам терминами. В атмосфере также наблюдаются феномены: перевернутые торнадо, кольцевые радуги, видимые днем звезды. Эти временные дыры могут возникать и исчезать по воле случая, они могут перемещаться, как перемещаются грозовые фронты, но они крайне редко появляются над сушей.

Правда, статистика скажет вам, что рано или поздно слу-

чается все, что может случиться, поэтому давайте исходить из того, что прошлой ночью временная дыра возникла над сушей... и мы, вот уж не повезло, залетели в нее. Этим полученная нами информация не исчерпывается. Теперь мы знаем еще одно свойство этого феномена: пролететь сквозь него живым может только тот, кто спит крепким сном.

– Прямо сказка какая-то! – воскликнул Гаффни.

– Полностью с вами согласен, – поддакнул с пола Крейг.

– Заткни хлебало, – рыкнул на него Гаффни.

Крейг заморгал, и его верхняя губа приподнялась в зверином оскале.

– Вроде все сходится, – прошептала Бетани. – Мы проснулись... в другом мире.

– А что произошло с командой и пассажирами? – спросил Алберт. Чувствовалось, что он чуть не плачет. – Если самолет пролетел сквозь дыру, что случилось с *нашими* попутчиками?

Воображение тут же нарисовало ему ответ: сотни людей, падающих с неба на землю, развевающиеся пиджаки, задранные юбки, открывающие нижнее белье, сваливающиеся с ног туфли, выскакивающие из карманов ручки, те, что не остались в самолете, люди, размахивающие руками и ногами, пытающиеся что-то выкрикнуть в разреженном воздухе, люди, оставившие на сиденьях сумочки, бумажники, часы, мелочь и даже кардиостимулятор. Он видел, как они врезаются в землю, приминая кусты, поднимая столбики пыли, превра-

щаяся в ничто.

– Я предполагаю, что они испарились, – ответил Боб. – Полностью. Превратились в пар.

Дайна сначала его не поняла. Потом подумала о сумочке тети Викки, набитой дорожными чеками, и заплакала. Лорел обняла слепую девочку за плечи, прижала к себе. Алберт тем временем истово благодарил Бога за то, что его мать в последний момент передумала и решила не лететь вместе с ним на Восточное побережье.

– В большинстве случаев их вещи испарились вместе с ними, – продолжал писатель. – Остались бумажники, которые их владельцы, возможно, вынули в момент... События. Тут трудно что-то утверждать. Что пропало, что осталось... меня больше всего занимает парик, хотя это все мелочи, которые ничего не определяют. Наверное, ответа нам не найти никогда.

– Тут вы правы, – заметил Алберт. – Взять, к примеру, хирургические штифты. Я сомневаюсь в том, что человек, которому их вставили, решил вынуть их из плеча или бедра и поиграть ими от скуки.

– Согласен, – кивнул Уэрвик. – Полет только начался, до *такой* степени они еще не успели заскучать.

Бетани в изумлении вытаращилась на Уэрвика, а затем рассмеялась.

– Я родом из Канзаса, – добавил Боб, – и, раздумывая над тем, почему одни остались, а другие исчезли, я вспомнил

смерчи, которые случаются у нас летом. Они могут стереть с лица земли фермерский дом, но оставить стоящий рядом туалет или разнести коровник, но не тронуть силосную башню.

– Давайте подводить итог, приятель, – подал голос Ник. – Не знаю, что там показывают наши часы, но у меня тоже такое ощущение, что дело идет к ночи.

Брайан подумал о Крейге Туми, который так стремился в Бостон, вспомнил о том, как тот стоял у желоба и орал: *«Времени в обрез! Его осталось чертовски мало!»*

– Хорошо, – не стал спорить Боб. – Подводим итог. Исходим из того, что временные дыры существуют и мы провалились в одну из них. Я думаю, мы очутились в прошлом и открыли не слишком приятную правду о путешествиях во времени: невозможно попасть в Техасское книгохранилище 22 ноября 1963 года и предотвратить убийство Кеннеди. Не удастся понаблюдать за строительством пирамид или падением Рима. И с изучением живых динозавров тоже ничего не выйдет.

Он развел руки, словно старался охватить молчаливый мир, в который их занесло волею судьбы.

– Присмотритесь к тому, что вы видите вокруг, дорогие путешественники во времени. Это прошлое. Оно пустое. Оно беззвучное. В нем *никого* нет. Весь мир... а может, и вся Вселенная напоминает выброшенную упаковочную коробку. Я думаю, мы отпрыгнули назад на очень малое вре-

мя, минут на пятнадцать... по крайней мере первоначально. Но мир уже тает вокруг нас. Что-то происходит со звуком. Электричество уже отключилось. Погода не изменяется. Боюсь, дело идет к тому, что планета просто рассосется.

– А может, это будущее? – осторожно спросил Алберт.

Боб Дженкинс пожал плечами. Казалось, он постарел на добрый десяток лет.

– Утверждать не могу, откуда мне это знать, но думаю, что нет. Место, в котором мы находимся, дышит старостью, слабостью, безнадежностью. Такое ощущение... даже не знаю...

– ...что с ним *все кончено*, – подсказала Дайна.

– Да, – кивнул Дженкинс. – Спасибо тебе, дорогая. Именно эти слова я и старался найти.

– Мистер Дженкинс! Тот звук, о котором я говорила... Я снова его слышу. – Слепая девочка помолчала. – Он приближается.

8

Все молчали, настороженно прислушиваясь. Брайану показалось, что он слышит нечто, но потом решил, что это биение его сердца. Или просто разыгралось воображение.

– Я хочу вновь подойти к окнам. – Ник переступил через Крейга, даже не посмотрев на него, и широким шагом вышел из ресторана.

– Эй! – воскликнула Бетани. – Я тоже хочу посмотреть!

Алберт устремился за ней, большинство последовало их примеру.

– А вы? – спросил Брайан оставшихся в ресторане Дайну и Лорел.

– Я не хочу идти, – ответила Дайна. – Я и здесь все слышу. – Она помолчала, потом добавила: – И буду слышать еще лучше, если мы скоро не уйдем отсюда.

Брайан посмотрел на Лорел Стивенсон.

– Я останусь с Дайной, – тихо ответила она.

– Хорошо, – кивнул Брайан. – Только держитесь подальше от мистера Туми.

– Держитесь подальше от мистера Туми, – передразнил его Крейг и вывернул голову, чтобы встретиться взглядом с Брайаном. – Вам это с рук не сойдет, капитан Энгл. Не знаю, какую игру вы затеяли с вашим дружком лайми¹¹, но вам это с рук не сойдет. И в следующий раз вам удастся сесть лишь за штурвал самолета, вывозящего из Колумбии героин. Ни одна приличная авиакомпания больше не захочет иметь с вами дело.

Брайан хотел уже ответить, но в последний момент передумал. Ник ведь сказал, что у этого человека, по крайней мере временно, помутился рассудок, и капитан чувствовал, что Ник не ошибся. А урезонивать сумасшедшего, во-первых, бесполезно, а во-вторых, отнимает драгоценное время.

– Мы будем держаться от него подальше, не беспокоить-

¹¹ Пренебрежительное прозвище англичан.

тесь, – ответила Лорел и отошла с Дайной к одному из столиков, усадила ее на стул и тоже села. – Нам ничего не грозит.

– Хорошо. Кричите, если он постарается освободиться.

– Будьте уверены, закричим, – улыбнулась Лорел.

Брайан наклонился, проверил, не ослаб ли узел, которым Ник затянул руки Крейга, и направился вслед за остальными к окнам, выходящим на летное поле.

9

Звук донесся до Брайана, когда он дошел до середины зала ожидания, а уж возле окон не осталось никаких сомнений в том, что это не слуховая галлюцинация. «У девочки потрясающий слух», – подумал капитан.

Звук этот Брайан едва различал, но он тем не менее имел место быть и доносился с востока. Дайна говорила, что он похож на звук сыплющихся рисовых хлопьев, но Брайану он больше напоминал особый тип статических радиопомех, какие заполняют эфир в периоды высокой солнечной активности. В одном, впрочем, разногласий с Дайной у него не было: звук этот предвещал надвигающуюся беду.

Брайан почувствовал, как от этого звука волосы на затылке встают дыбом. Он посмотрел на остальных и увидел, что на лице каждого застыли страх и отвращение. Ник держался лучше всех, а девушка, Бетани, та самая, что никак не хотела спускаться по желобу, похоже, перепугалась до полусмерти.

Но звук этот теперь слышали они все.

Плохой звук.

Зло грядет, говорил он. *Спешите убраться отсюда.*

Ник повернулся к капитану:

– Что будем делать, Брайан? Есть идеи?

– Нет. Ни одной. Я знаю только одно: больше ничего не слышно во всем городе.

– До города он еще не дошел, – поправил его Дон, – но дойдет. Хотелось бы только знать, сколько на это потребуются времени.

Все замолчали, прислушиваясь к шипящему потрескиванию, накатывающему с востока. *Я вроде бы знаю, что это за звук*, думал Брайан. *Не потрескивание заливаемых молоком хлопьев, не статические помехи, а... что? Если б он не был таким слабым...*

Но Брайан не хотел знать, что это за звук. Внезапно он это понял со всей очевидностью. Не хотел знать, и все. Звук этот пробирал его до костей.

– Мы *должны* убраться отсюда! – выкрикнула Бетани.

Алберт обнял ее за талию, она обеими руками схватилась за его руку и повторила в истерике:

– Мы должны немедленно убраться отсюда!

– Да, – кивнул Боб Дженкинс. – Она права. Этот звук... я не знаю, что это, но он *ужасен*. Мы должны убираться отсюда.

Они все смотрели на Брайана, и он подумал: *Похоже, я*

снова капитан. Но ненадолго. Потому что они не понимают. Даже Дженкинс не понимает, со всей его дедукцией и индукцией, что никуда нам отсюда не убраться. И не важно, какое существо или машина является источником этого звука, потому что мы все равно будем здесь, когда этот источник доберется до аэропорта. Деваться нам некуда. Я знаю почему. Даже если до остальных это еще не дошло...

И тут Брайан Энгл внезапно понял, какие чувства испытывает животное, попавшее в капкан и услышавшее шаги приближающегося охотника.

Глава 6

В западне. Спички Бетани. Впереди участок с двусторонним движением. Эксперимент Алберта. Приход ночи. Тьма и лезвие

1

Брайан пристально посмотрел на писателя:

– Вы говорите, что мы должны убираться отсюда?

– Да. И чем быстрее, тем...

– И куда нам отправиться? В Атлантик-Сити? Майами-Бич? Клаб-Мед?

– Вы полагаете, капитан Энгл, что деваться нам некуда? Я думаю, надеюсь, что вы ошибаетесь. У меня есть идея.

– Какая же?

– Сначала ответьте мне на один вопрос. Вы сможете заправить самолет? При том, что аэропорт обесточен?

– Думаю, да. Скажем так: с помощью нескольких мужчин смогу. А что?

– Тогда мы вновь поднимемся в воздух, – ответил Боб. Капельки пота выступили у него на лбу. – Этот звук... это хрумканье... идет с востока. Временная дыра в нескольких тысячах миль к западу. Если мы полетим тем же маршрутом... это возможно?

– Да, – кивнул Брайан.

Вспомогательные энергетические установки он не выключал, следовательно, программа полета сохранилась в навигационном компьютере. Эта программа зафиксировала их маршрут в мельчайших подробностях, от момента взлета в Южной Калифорнии до момента приземления в центральной части Мэна. Стоит только коснуться кнопки, чтобы компьютер просто реверсировал маршрут. Другая кнопка, уже в полете, включит автопилот, который поведет самолет по этому маршруту. А уж инерциальная навигационная система компании «Теледайн» не позволит самолету сбиться с курса.

– Полетим, если надо, но для чего? – спросил капитан.

– Для того, чтобы проскочить через *временную дыру*.
Неужели вы не поняли? Она все еще там!

Ник впился взглядом в Боба, потом повернулся к Брайану.

– В этом что-то есть, приятель. Нутром чую, есть.

А вот Алберту Косснеру пришла совсем уж дикая мысль: если временная дыра на месте, а их самолет летел выверенным маршрутом на стандартной высоте, тогда, возможно, и другие самолеты проскочили в эту дыру в промежутке между семью минутами второго и утром (хотя непонятно, утро сейчас или вечер). Может, и другие самолеты приземляются сейчас или уже приземлились на другие пустующие аэродромы Америки, другие команды и пассажиры ходят по залам аэровокзалов, не понимая, что к чему...

«Нет, – тут же подумал он. – На борту нашего лайнера чудом оказался пилот. Какова вероятность того, что такое может случиться дважды?»

Ему вспомнились слова мистера Дженкинса о рекорде Теда Уильямса, и по телу пробежала дрожь.

– Может, есть, а может, и нет, – ответил Брайан. – Впрочем, никакого значения это не имеет, потому что на нашем самолете нам отсюда не улететь.

– Почему нет? – спросил Руди Уэрвик. – Если мы сможем заправить его, тогда...

– Помните спички? Которые не зажигались в ресторане?

Руди, недоумевая, воззрился на Брайана, а вот Боб Дженкинс сразу помрачнел. Прижал руку ко лбу, отступил на шаг. Буквально уменьшился в размерах.

– При чем здесь спички? – Дон смотрел на Брайана из-под кустистых бровей, во взгляде его читалось не столько недоумение, сколько подозрительность. – Какое отношение имеют...

Ник сразу сообразил, что к чему.

– Разве вы не понимаете? – мягко спросил он. – До вас не доходит, приятель? Если аккумуляторы сели, если спички не зажигаются...

– ...значит, и топливо гореть не будет, – закончил за него Брайан. – Оно выдохлось, как и все остальное в *этом* мире. – Капитан по очереди оглядел каждого. – С тем же успехом я мог бы наполнить баки сиропом.

– Никто из вас, милые дамы, не слышал о лангольерах? – неожиданно спросил Крейг веселым таким, жизнерадостным тоном.

Лорел подпрыгнула и нервно посмотрела на остальных пассажиров, все еще стоявших у окон. Дайна сразу же повернулась к Крейгу, его желание поговорить ничуть не удивило ее.

– Нет, – ответила девочка. – А кто они?

– Не разговаривай с ним, Дайна, – прошептала Лорел.

– Я вас слышу, – так же весело продолжил Крейг. – Не только у Дайны острый слух.

Лорел покраснела.

– Я не собираюсь причинять девочке никакого вреда. Точно так же, как не причинил бы вреда той девушке. Я просто испугался. А вы?

– Я тоже, – резко ответила Лорел. – Но от испуга я не захватываю в заложники девушек и не стреляю в юношей.

– Потому что вы не опасались того, что на вас разом навалится целая толпа. И еще этот англичанин... – Крейг рассмеялся *нормальным* человеческим смехом. – Если вы думаете, что я сумасшедший, то вам следовало бы понаблюдать за ним. Вот уж у кого мозги устроены совсем не так, как у обычных людей.

Лорел не знала, что и сказать. Она понимала, что Крейг Туми далек от истины, но, с другой стороны, то, что он говорил об англичанине, вполне соответствовало ее собственным наблюдениям. Глаза этого человека... и этот пинок в ребра связанного мистера Туми... Лорел передернуло.

– Кто такие лангольеры, мистер Туми? – спросила Дайна.

– Я предпочитал думать, что это вымышленные существа, – сказал Крейг по-прежнему весело. – Но теперь у меня зародились сомнения... потому что я тоже слышу этот звук, юная дама. Да, слышу.

– Звук? – повторила Дайна. – Этот звук издают лангольеры?

Лорел положила руку ей на плечо.

– Я бы хотела, чтобы ты с ним не разговаривала, дорогая. Он меня нервирует.

– Почему? Он же связан, не так ли?

– Да, но...

– И мы всегда можем позвать остальных, не правда ли?

– Ну, я думаю...

– Я хочу узнать, кто такие лангольеры.

С усилием Крейг повернул голову, чтобы посмотреть на них... И Лорел почувствовала обаяние и силу характера, которые позволяли Крейгу держаться на коне и не снижать скорости, заданной ему родителями. Она видела его обаяние и силу, хотя Крейг лежал на полу, со связанными за спиной руками, с запекшейся на лице кровью.

– Мой отец говорил, что лангольеры – маленькие существа, которые живут в шкафах, прячутся в темных углах и под кроватями.

– Как эльфы? – полюбопытствовала Дайна.

Крейг рассмеялся и покачал головой.

– Боюсь, они далеко не такие симпатичные, как эльфы. Он говорил, что они волосатые, зубастые и с множеством шустрых маленьких ножек. Таких шустрых, что они без труда догоняют плохих мальчиков и девочек, как бы быстро те ни неслись прочь.

– Перестаньте, – холодно бросила Лорел. – Вы пугаете ребенка.

– Нет, меня он не пугает, – возразила Дайна. – Я могу отличить выдумку от правды. Это забавно и интересно, ничего больше.

Но по выражению ее лица чувствовалось, что не просто интересно. Девочка впитывала каждое слово.

– Интересно, не правда ли? – самодовольно усмехнулся Крейг. – А вот Лорел наверняка решила, что я тебя пугаю. Я выиграл сигару, Лорел? Если да, то предпочел бы «Эль Продакто». Дешевок вроде «Белых сов» я не признаю. – И он снова рассмеялся.

Лорел промолчала, поэтому Крейг вновь вернулся к лангольерам.

– Мой отец говорил, что лангольеров тысячи. И никак не меньше, потому что *миллионы* плохих мальчиков и девочек

носятся по миру. Так он всегда говорил. Мой отец не видел ни одного ребенка, который бежал. Они всегда носились. Я думаю, ему нравилось это слово, потому что оно подразумевало отсутствие цели, направления, указывало на непродуктивную трату энергии. А лангольеры... *они* бежали. У *них* была цель. Собственно, само их существование определялось этой целью.

– А что плохого делали эти дети? – спросила Дайна. – Почему стали такими плохими, что на них пришлось напускать лангольеров?

– Знаешь, я рад, что ты задала этот вопрос. Когда мой отец говорил, что кто-то плохой, Дайна, он имел в виду лень. Ленивый человек не мог быть частью ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА. Ни в коем разе. В моем доме ты или участвовал в ОБЩЕМ ЗАМЫСЛЕ, или УВИЛИВАЛ ОТ РАБОТЫ. Хуже этого просто ничего не могло быть. Убийство считалось мелким грехом в сравнении с УВИЛИВАНИЕМ ОТ РАБОТЫ. Если ты не часть ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА, говорил он, лангольеры обязательно придут и разберутся с тобой. Как-нибудь ночью ты будешь лежать в кровати, услышишь их приближение... их похрустывающие, чавкающие шаги... и даже если ты попытаешься унести от них, они тебя догонят. Благодаря шустрому маленьким...

– Достаточно! – оборвала его Лорел.

– Их шаги мы и слышим. – Глаза Крейга сияли. – От этого никуда не уйдешь. Доносящийся сюда звук и есть...

– Замолчите, а не то я вас чем-нибудь ударю!

– Хорошо. – Крейг перевернулся на спину, поморщился, лег на бок затылком к ним. – Надоедает, когда тебя бьют, лежащего и связанного.

На этот раз Лорел покраснела до корней волос, прикусила губу и ничего не ответила. Ей хотелось плакать. Как можно держать в узде такого человека? Как? Сначала он вел себя как буйно помешанный, теперь казался совсем нормальным. А тем временем весь мир... ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ, по определению мистера Туми... катился в тартарары.

– Готова спорить, вы боялись вашего отца, не так ли, мистер Туми?

Крейг резко повернул голову, удивленно взглянул на Дайну. Снова улыбнулся, но уже другой улыбкой. В которой читались печаль и обида.

– На этот раз *ты* выиграла сигару, мисс. Он меня *ужасал*.

– Он умер?

– Да.

– Он УВИЛИВАЛ ОТ РАБОТЫ? Лангольеры добрались до него?

Крейг надолго задумался. Ему вроде бы говорили, что отец скончался на работе от инфаркта. Когда секретарь в десять утра позвонила в его кабинет, чтобы напомнить о совещании, и не получила ответа, она открыла дверь и увидела, что мистер Туми лежит на полу с выпученными глазами и пеной у рта. Мертвый.

«Кто-нибудь действительно говорил мне об этом? – спросил себя Крейг Туми. – О выпученных глазах, пене у рта? Могла сказать мать в приличном подпитии... Или это мои собственные домыслы?»

– Мистер Туми! Добрались?

– Да, – после долгой паузы ответил Крейг. – Я думаю, увиливал, и они добрались до отца.

– Мистер Туми!

– Что?

– Я не такая, какой вы меня видите. Я не уродлива. И остальные тоже.

Он в изумлении уставился на девочку.

– Как ты можешь знать, какими я вас вижу, маленькая слепая мисс?

– Оказывается, могу.

Лорел повернулась к девочке, и внезапно ей стало не по себе... Разумеется, Лорел ничего не увидела. Черные очки Дайны отсекали любопытные взгляды.

3

Остальные пассажиры стояли у окон, прислушиваясь к далекому потрескиванию, и молчали. Похоже, они уже сказали все, что могли.

– Так что же нам теперь делать? – первым не выдержал Дон.

Алберту показалось, что красная рубашка Гаффни уже не такая яркая, вроде бы полиняла.

– Не знаю, – ответил Брайан.

Его бесило собственное бессилие. Он посмотрел на самолет, свой самолет, и в какой уже раз поразился чистоте линий, плавности обводов. «Боинг-727» авиакомпании «Дельта», застывший у посадочного рукава, в сравнении с ним напоминал неопрятную матрону. «Он так тебе нравится, потому что ты больше на нем не полетишь, – сказал себе Брайан. – Он для тебя как для водителя – красавица на заднем сиденье лимузина. Она кажется тебе еще более прекрасной, поскольку ты знаешь, что она не твоя и никогда не будет твоей».

– Сколько у нас осталось топлива, Брайан? – неожиданно спросил Ник. – Может, в этом мире двигатели работают на другом соотношении компонентов. Может, его осталось больше, чем ты предполагал.

– Топлива уходит столько же, – ответил Брайан. – Когда мы приземлились, в баках осталось чуть меньше шестисот фунтов. Чтобы вернуться назад, нам нужно порядка пятидесяти тысяч фунтов.

Бетани достала пачку сигарет, предложила Бобу. Тот покачал головой. Она вынула коробку спичек, чиркнула. Спичка не зажглась.

– Однако, – вырвалось у девушки.

Алберт посмотрел на Бетани. Она чиркнула спичкой еще

раз... второй... третий. С тем же результатом. В испуге она вскинула глаза на Алберта.

– Дай-ка мне.

Но у него тоже не получилось.

– Похоже, эта штука заразная, – резонно заметил Руди Уэрвик.

Бетани разрыдалась, и Боб, не говоря ни слова, предложил ей носовой платок.

– Одну минуту. – Алберт вновь чиркнул спичкой.

На этот раз она зажглась... но горела неохотно, еле-еле. Он поднес огонек к кончику сигареты Бетани, и внезапно перед его мысленным взором возник знак, мимо которого в последние три года он проезжал на велосипеде каждый день по дороге в Пасаденскую среднюю школу: «ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ УЧАСТОК С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ».

Что бы это значило? – подумал он.

Он не знал... пока. Но не сомневался, что нечто очень нужное пробивалось из подсознания, пытаясь достучаться до него.

Алберт потрянул рукой, спичка тут же погасла.

Бетани затянулась, скорчила гримаску:

– Солома, а не табак!

– Выдохни дым мне в лицо, – попросил Алберт.

– Что?

– Ты меня слышала. Выдохни дым мне в лицо.

Она подчинилась, Алберт втянул в себя дым. Запах явно изменился.

Действительно, эта штука, чем бы она ни была, заразная.
ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ УЧАСТОК С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ.

– Я возвращаюсь в ресторан, – объявил Ник; выглядел он совсем подавленным. – Наш друг хитер и коварен. Мне не хотелось бы надолго оставлять его с дамами.

Все последовали за ним. «Прямо-таки коровы, услышавшие летний гром», – подумал Алберт.

– Пошли, – дернула его за рукав Бетани. – Чего стоять? – Она бросила в пепельницу недокуренную сигарету, носовым платком Боба вытерла глаза и взяла Алберта за руку.

Брайан, Ник, Боб, Дон Гаффни, Руди Уэрвик уже миновали половину зала ожидания, и Алберт вглядывался в обтянутую красной рубашкой спину мистера Гаффни, когда перед ним вновь возник тот же дорожный знак: «**ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ УЧАСТОК С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ.**».

– Стой! – воскликнул он, ухватил Бетани за талию, притянул к себе и зарылся лицом в ложбинку над ключицей.

– Ой! Да мы же совсем не знаем друг друга! – воскликнула Бетани.

Затем захихикала и обняла Алберта за шею. Алберт, природная юношеская застенчивость которого исчезала только в грезах, не обратил на это ни малейшего внимания. Он еще

раз шумно вдохнул через нос. Запахи ее волос, пота, духов еще оставались, но ослабели, очень ослабели.

– Странный кавалер! – Бетани все хихикала, но уже покраснелась.

Алберт посмотрел на их «767» и увидел то, что несколько минут назад отметил Брайан: невероятную белизну обшивки и чистоту линий. Он словно вибрировал энергией на сером, тусклом фоне окружающего мира.

И вот тут яркой вспышкой его осенило, прорвалось-таки наружу. Главная мысль напоминала огненный шар, от него змеились протуберанцы – варианты ее практического использования. У Алберта перехватило дыхание.

– Алберт? – спросил Боб. – Алберт, что слу...

– Капитан Энгл! – закричал Алберт.

В ресторане Лорел вскочила на ноги. Дайна тут же вцепилась в нее своими ручонками. Крейг Туми вывернул шею, чтобы увидеть, что происходит в зале ожидания.

– Капитан Энгл, подойдите сюда!

4

На летном поле у звука прибавилось громкости.

Брайану он напоминал статические радиопомехи. Нику Хопуэллу – шуршание сухой травы в тропиках под сильным ветром. Алберту, который летом работал в «Макдоналдсе», – жарящийся в масляной ванне картофель. Бобу Джен-

кинсу казалось, будто кто-то мнет бумагу в дальней комнате.

Все четверо спустились по транспортеру, подлезли под листами резины и теперь стояли в зоне разгрузки багажных тележек, прислушиваясь к звукам, издаваемым неведомыми существами, которых Крейг Туми называл лангольерами.

– Сильно они приблизились? – спросил Брайан Ника.

– Трудно сказать. Вроде бы приблизились, но окна и стены приглушают звук.

– Пошли. – Алберт нетерпеливо переминался с ноги на ногу. – Как мы заберемся в самолет? По желобу?

– В этом нет необходимости. – Брайан указал на передвижной трап, который стоял у галереи 2.

– Ты знаешь, что это очень смелое предположение, не так ли, Алберт? – спросил Брайан по пути к трапу.

– Да, но...

– Лучше смелое, чем никакого, – закончил за него Ник.

– Не волнуйтесь, – вмешался писатель. – Я буду разочарован не меньше вашего. Идея у юноши очень логичная... хотя, Алберт, ты понимаешь, что, *возможно*, есть факторы, о которых мы еще ничего не знаем, не так ли?

– Конечно!

Они подошли к трапу, Брайан дернул вверх педаль тормоза, освобождая колеса. Ник взялся за правый поручень, Брайан – за левый.

– Надеюсь, он покатится, – вырвалось у Брайана.

– Покатится, – уверенно ответил Боб Дженкинс. – Са-

мые простые химические и физические законы по-прежнему действуют. Наши тела могут перерабатывать вдыхаемый воздух, двери открываются и закрываются...

– Не забудьте гравитацию, – поддакнул Алберт. – Земля все так же притягивает к себе.

– Может, прекратим дискуссию и займемся делом? – предложил Ник.

Трап легко стронулся с места. Ник и Брайан, не прилагая особых усилий, покатали его к «767», Алберт и Боб зашагали следом. Одно из колес ритмично поскрипывало. Поскрипывание сопровождалось постоянным похрустыванием, доносящимся с востока.

– Посмотрите на него. – Алберт указал на самолет. – Только посмотрите. Неужели вы не видите, сколь разительно отличается он от всего остального?

Ответа не требовалось, все и промолчали. Конечно, они видели. И Брайан, пусть и с неохотой, начал признавать, что парень, возможно, говорил дело.

Они поставили трап под углом к желобу, верхнюю ступеньку отделяла от люка пара футов.

– Я залезу в самолет первым, – сказал Брайан. – После того как уберу желоб, ты, Ник, и Алберт установите трап как положено.

– Да, капитан. – Ник четко отдал честь, костяшки указательного и среднего пальцев чуть коснулись лба.

– Атташе по делам молодежи, – усмехнулся Брайан и лег-

ко взбежал по ступенькам.

Пара минут ушла у него на то, чтобы с помощью лебедки втянуть желоб в самолет. Потом он выглянул из люка и проследил за установкой трапа: не хватало только, чтобы его неумелые помощники случайно повредили самолет.

5

Руди Уэрвик и Дон Гаффни теперь приглядывали за Крейгом. Бетани, Дайна и Лорел стояли у окна в зале ожидания.

– Что они делают? – спросила Дайна.

– Они убрали желоб и поставили на его место трап, – ответила Лорел. – Теперь поднимаются в самолет. – И посмотрела на Бетани. – Ты действительно не знаешь, что они задумали?

Бетани покачала головой.

– Я знаю, что Туз, в смысле Алберт, чуть не сошел с ума. Мне бы хотелось думать, что его разобрала страсть ко мне, но я знаю, что дело не в этом. – Она помолчала. – Во всяком случае, пока. Он что-то сказал насчет самолета. И насчет того, что мои духи здесь быстро выдыхаются. Едва ли это понравилось бы Коко Шанель или как там ее звать. Еще он говорил о двустороннем движении. Этого я совсем не поняла. Нес какую-то белиберду.

– Я знаю, что он имел в виду, – подала голос Дайна.

– Что же, дорогая?

Дайна только покачала головой.

– Я лишь надеюсь, что они поторопятся. Потому что бедный мистер Туми прав. Лангольеры идут.

– Дайна, их же выдумал его отец.

– Может, когда-то они и были выдумкой. – Дайна повернулась незрячими глазами к окнам. – Теперь уже нет.

6

– Давай, Туз, – подбодрил юношу Ник. – Приступай.

У Алберта гулко билось сердце и дрожали руки, когда он выкладывал четыре экспериментальных объекта на полку-столик в первом классе, где давным-давно и на другом побережье континента женщина, которую звали Мелани Тревор, держала пакеты апельсинового сока и две бутылки шампанского.

Брайан наблюдал, как на столе появились книжица-коробка спичек, бутылка «Будвайзера», банка пепси и запечатанный в пластиковую упаковку сандвич с ореховым маслом из холодильного шкафа в ресторане.

– Ладно. – Алберт шумно выдохнул. – Давайте посмотрим, что мы имеем.

Дон вышел из ресторана и направился к окнам.

– Что происходит?

– Мы не знаем, – ответила Бетани.

Ей удалось зажечь еще одну спичку, и она вновь курила.

Когда вынула сигарету изо рта, Дон заметил, что девушка оторвала фильтр.

– Они вошли в самолет и все еще там. Больше нам ничего не известно.

Дон несколько секунд оглядывал летное поле.

– Что-то изменилось. Не могу только понять, что именно.

– Смеркается, – ответила Дайна. – Вот что изменилось. – Голос ее звучал ровно, но лицо выражало одиночество и страх. – Я чувствую, что смеркается.

– Она права, – согласилась Лорел. – День длился всего два или три часа, но уже близится ночь.

– Мне все кажется, что это сон, – признался Дон. – Самый жуткий кошмар, какой мне только снился, но я надеюсь скоро проснуться.

Лорел кивнула.

– А как там мистер Туми?

Дон невесело рассмеялся.

– Вы не поверите.

– Не поверим чему? – любопытствовала Бетани.

– Он заснул.

8

Крейг Туми, разумеется, не спал. Люди, которые засыпают в критические моменты, вроде того типа, который должен был приглядывать за Иисусом Христом, пока тот молился в Гефсиманском саду, определенно не являлись частью ОБЩЕГО ЗАМЫСЛА.

Он наблюдал за обоими мужчинами, прикрыв глаза, в надежде, что они уйдут и оставят его одного. Наконец один, в красной рубашке, ушел. Уэрвик, лысый, с большими вставными зубами, подошел к Крейгу, наклонился над ним. Крейг плотно закрыл глаза.

– Эй, ты не спишь?

Крейг лежал не шевелясь, ровно дыша. Подумал, а не всхрапнуть ли ему, но решил, что без этого можно и обойтись.

Уэрвик легонько ткнул его в бок. Крейг не открыл глаза, не сбился с дыхания.

Лысый выпрямился, постоял над ним, направился к двери ресторана, где и остановился, глядя на женщин и Дона Гаффни. Крейг чуть приоткрыл один глаз, убедился, что Уэрвик повернулся к нему спиной. А потом очень осторожно попытался выпутаться из узла, охватывающего его запястья. Веревка, свернутая из скатерти, уже дала слабину.

Он дергал руки взад-вперед, пристально наблюдая за спиной Уэрвика, готовый застыть в тот самый момент, как только Уэрвик начнет поворачиваться. Крейг страстно желал, чтобы он *не* повернулся. Крейг хотел освободиться до того, как эти говнюки выйдут из самолета и вернуться в здание аэропорта. Особенно английский говнюк, который чуть не свернул ему нос и пнул в ребра, когда он лежал на полу. Английский говнюк и связал его как надо. Слава Богу, англичанину пришлось довольствоваться свернутой скатертью. Будь она из нейлона... Тогда бы крепко не повезло, а так...

Один из узлов ослаб, и теперь Крейг вращал руки из стороны в сторону. Он слышал, как приближаются лангольеры. И намеревался убраться отсюда до их прибытия. В Бостоне он будет в безопасности. В зале, полном банкиров, трудно будет носиться.

И горе тому мужчине, женщине или ребенку, кто попытается встать у него на пути.

9

Алберт поднял книжицу спичек, которую принес из ресторана.

– Вещественная улика А, – объявил он. – Приступаем.

Он оторвал спичку и чиркнул ею. Дрожащие руки подвели, спичка прошла выше шершавой полоски и согнулась.

– Дерьмо! – вырвалось у Алберта.

– Может, позволишь мне... – начал Боб.

– Оставьте его в покое, – остановил писателя Брайан. – Это его идея.

– Возьми себя в руки, Алберт, – посоветовал Ник.

Алберт оторвал новую спичку, выдавил из себя улыбку.

Чиркнул.

Спичка не зажглась. Чиркнул снова. Спичка не зажглась.

– Я так и думал, – вздохнул Брайан. – Ничего...

– Запах серы, – перебил его Ник. – Я его почувствовал.

Попробуй другую, Туз.

Но Алберт третий раз чиркнул той же спичкой... и она вспыхнула. И не погасла, когда сгорела головка. Продолжала гореть, как обычная спичка.

Алберт поднял голову, его рот расплылся в широкой улыбке.

– Видите? Видите?

Он тряхнул рукой, загасил спичку, бросил на пол, оторвал новую. Эта вспыхнула с первого захода. Он поднес ее к оставшимся спичкам, как сделал Боб Дженкинс в ресторане. На этот раз они разом загорелись. И Алберту пришлось задувать их, как свечи на торте в день рождения. Ему пришлось дунуть дважды.

– Видите? – радостно воскликнул он. – Видите, что это значит? Двустороннее движение! *Мы привезли с собой наше время!* За бортом самолета – прошлое, к востоку от временной дыры оно повсюду... *Но здесь в самолете еще настоя-*

ще!

– Ну не знаю. – В голосе Брайана слышалось сомнение, но душа у него уже пела: он чувствовал, что ничего невозможного больше нет, ему так хотелось обнять Алберта, хлопнуть парня по спине.

– Bravo, Алберт! – воскликнул Ник. – Теперь пиво! Попробуй пиво!

Алберт сшиб крышку с бутылки, пока Ник искал целый стакан среди посуды, вывалившейся с тележки для напитков.

– Где дымок? – спросил Брайан.

– Дымок? – удивился Боб.

– Ну, не то чтобы дымок, скорее, пар, который выглядит как дым и собирается в горлышке.

Алберт понюхал, протянул бутылку Брайану.

– Убедитесь сами.

Брайан принюхался и заулыбался.

Запах пива, хотя и без дымка.

Ник протянул стакан, и Алберт не без удовольствия отметил, что рука у англичанина тоже дрожит.

– Наливай, – торопил его англичанин. – Ожидание действует мне на нервы.

Алберт налил, и улыбки поблекли.

Пиво выдохлось. Абсолютно выдохлось. Какая там пена? Пиво напоминало принесенную на анализ мочу.

– Святый Боже, темнеет!

Стоящие у окна оглянулись на приближающегося к ним Руди Уэрвика.

– Вроде бы вы должны приглядывать за психом, – напомнил ему Дон, но Руди отмахнулся.

– Он вырубился. Думаю, этот удар по голове подействовал сильнее, чем казалось на первый взгляд. Что тут происходит? Почему так быстро темнеет?

– Мы не знаем, – ответила Бетани. – От нас ничего не зависит. Вы думаете, этот странный тип впал в кому?

– Понятия не имею. А если и так, мы же не будем его беспокоить, не правда ли? Господи, какой *жуткий* звук! Словно стая термитов набросилась на дерево. – Впервые Руди забыл о своем желудке.

Дайна посмотрела на Лорел:

– Думаю, нам лучше проверить, как там мистер Туми. Я за него тревожусь. Готова спорить, он очень напуган.

– Если мистер без сознания, Дайна, едва ли мы сможем...

– Не думаю, что он без сознания, – возразила Дайна. – Он даже не спит.

Лорел задумчиво посмотрела на девочку и взяла ее за руку.

– Хорошо. Пойдем посмотрим, как он там.

Узел, затянутый Ником Хопуэллом на правом запястье Крейга, наконец-то растянулся, и он смог вытащить руку. Затем освободил и вторую. Вскочил. Боль прострелила голову, его качнуло. Перед глазами запрыгали черные точки, потом медленно исчезли. Он заметил, что в зале ожидания быстро сгущается тьма. Наступала ночь. Похрустывание лангольеров слышалось все отчетливее, то ли потому, что его слух был настроен на этот звук, то ли потому, что лангольеры действительно приближались.

Крейг увидел, как в дальнем конце зала ожидания два си-луэта, высокий и низкий, отделились от остальных и направились к нему. Женщина с надменным голосом и маленькая слепая девочка с отвратительной, надутой физиономией. Он не мог допустить, чтобы они подняли тревогу. В его планы это не входило.

Крейг попятился от кровавого пятна на ковре, оставшегося в том месте, где лежала его голова, не спуская глаз с приближающихся фигур.

На прилавке, слева от кассового аппарата, стояли ящики с вилками, ложками, ножами. Но пластиковыми, а потому для него неподходящими. Крейг заглянул за кассовый аппарат, и не зря: на полке лежал мясницкий нож. Крейг схватил его и спрятался за кассовым аппаратом. Особенно внимательно

он следил за маленькой девочкой. Маленькая девочка много знала... может, слишком много. А потому возникал вопрос: что она будет делать с тем, что знала?

Очень интересный, животрепещущий вопрос.

Не так ли?

12

Ник переводил взгляд с Алберта на Боба.

– Итак, со спичками получается, а с пивом нет. – Он вновь посмотрел на стакан с пивом. – И что это должно...

Со дна стакана сорвалась первая гроздь пузырьков. Они быстро поднимались, расширялись, взбили поверхность тонким слоем пены. У Ника округлились глаза.

– Вероятно, – заговорил Боб, – требуется какое-то время, чтобы вещи перешли из прошлого в настоящее. – Он взял стакан, отпил, чмокнул губами. – Отличное пиво. – Все смотрели на нарастающий слой пены. – Могу ответственно заявить, что лучшего пива мне пить не приходилось.

Алберт добавил пива. На этот раз оно сразу дало обильную пену, которая вспухла над стаканом и выплеснулась из него. Брайан поднял стакан.

– Ты уверен, что хочешь выпить пива? – Ник улыбался во весь рот. – Вроде бы у пилотов есть правило не прикасаться к спиртному перед полетом?

– Это правило не действует, когда речь идет о полетах во

времени. Можешь заглянуть в инструкцию. – Капитан отпил пива, рассмеялся и посмотрел на Боба. – Вы правы, это самое лучшее пиво, которое мне доводилось пить. Теперь попробуй пепси, Алберт.

Алберт вскрыл банку, и они слышали характерное шипение, непрменный атрибут всех рекламных клипов, расхваливающих безалкогольные прохладительные напитки. Алберт поднял банку ко рту, а когда опускал ее, у него в глазах стояли слезы.

– Господа, сегодня особенно хороша пепси-кола, – возвестил он голосом старшего официанта, и все дружно рассмеялись.

13

Дон Гаффни догнал Лорел и Дайну у двери ресторана.

– Я решил, что мне лучше... – И, замолчав на полуслове, огляделся. – Черт. Где же он?

– Я не... – начала Лорел, и тут же раздался голос Дайны: – Тихо!

Ее голова медленно повернулась, словно антенна радиолокатора. На мгновение в ресторане повисла мертвая тишина... во всяком случае, Лорел ничего не слышала.

– Там. – Дайна указала на кассовый аппарат. – Он прячется там.

– Откуда ты знаешь? – нервно спросил Дон. – Я ничего

не слышу...

– Знаю, – спокойно ответила девочка. – Я слышу, как его ногти скребут по металлу. И я слышу удары его сердца. Оно бьется очень часто и очень сильно. Он испуган до смерти. Мне его так жалко. – Внезапно она вырвала руку из ладони Лорел и шагнула вперед.

– *Дайна, нет!* – крикнула Лорел.

Девочка ее словно и не услышала. Шла к кассовому аппарату, выставив перед собой руки, чтобы не наткнуться на стол или стул. Тени, казалось, поглотили ее.

– Мистер Туми? Пожалуйста, выходите. Мы не хотим причинять вам вреда. Пожалуйста, не бойтесь...

Волна крика поднялась из-за кассового аппарата. Громкого и пронзительного. Вроде бы это было одно короткое слово, но произнесенное голосом безумца.

– Ты-ы-ы-ы-ы...

Крейг выскочил из-за укрытия, со сверкающими глазами, с ножом в руке, внезапно осознав, что девочка – одна из *них*, что она прячется за черными очками, что она не просто лангольер, а *главный* лангольер, что именно она созывает остальных, созывает мертвыми, слепыми глазами.

– Ты-ы-ы-ы-ы...

С криком он бросился на девочку. Дон Гаффни отшвырнул Лорел в сторону и рванулся вперед. Быстро, но недостаточно быстро. В охватившем его безумии Крейг Туми мог посостязаться в скорости с любым лангольером. Он мчался

прямо на Дайну.

Девочка не сделала попытки уклониться. Дайна протягивала к нему руки, чтобы обнять и успокоить.

— ...Ы-Ы-Ы-Ы-Ы...

— Все в порядке, мистер Туми. Не бой...

И в этот момент Крейг всадил в нее нож и выбежал в зал ожидания, по-прежнему заходясь в крике.

Дайна на мгновение застыла. Ее руки нащупали деревянную рукоятку ножа, торчащую из платья, изучая, прошлись по ней. А потом она медленно, грациозно осела на пол, став еще одной тенью в сгущающейся темноте.

Глава 7

Дайна в долине Теней. Самый быстрый тостер к востоку от Миссисипи. Наперегонки со временем. Ник принимает решение

1

Алберт, Брайан, Боб и Ник пустили по кругу сандвич с ореховым маслом. Каждый откусил по два раза... и от сандвича остались одни воспоминания. Алберт подумал, что такой восхитительной еды не готовила даже его мама. Желудок уже требовал добавки.

– Я думаю, нашему лысому другу мистеру Уэрвику эта часть эксперимента понравилась бы больше всего. – Ник посмотрел на Алберта. – Ты гений, Туз. Ты это знаешь, не так ли? Истинный гений.

Алберт покраснел от счастья.

– Это уж перебор. Я лишь воспользовался дедуктивным методом, о существовании которого напомнил мистер Дженкинс. Если два потока,двигающиеся в противоположных направлениях, встречаются, они смешиваются и образуют водоворот. Я увидел, что произошло со спичками Бетани, и решил, что в самолете может случиться обратное. Да еще ярко-красная рубашка мистера Гаффни. Она начала терять

цвет, тускнеть прямо на глазах. Вот я и решил: если что-то теряет первоначальные качества *вне* самолета, может, в самолете эти качества начнут восстанавливаться. Вот...

– Прости, что перебиваю, – вмешался Боб Дженкинс, – но я думаю, что процесс восстановления нам надо начинать как можно скорее. Эти звуки! Но еще больше тревожит другое. Самолет – не замкнутая система. Боюсь, пройдет не так уж много времени, прежде чем он начнет терять свою... свою...

– Свою временную принадлежность?

– Да. Хорошо сказано. Топливо, которое мы зальем в баки сейчас, может, и будет гореть... но через несколько часов... возможно, и нет.

Неприятная мысль посетила Брайана: а если топливо перестанет гореть, когда они пролетят только половину пути, на высоте 36 тысяч футов? Он открыл рот, чтобы сказать об этом... и закрыл, не произнеся ни слова. К чему говорить об этом, если что-то изменить они бессильны?

– С чего начнем, Брайан? – по-деловому спросил Ник.

Брайан мысленно прокрутил все этапы заправки. Учítывая, что его помощники играли в самолетики только в детстве, проблемы, конечно, будут. Но неразрешимых он не видел.

– Начнем с того, что я запущу двигатели и подгоню самолет к «Боингу-727». Потом выключу правый двигатель борта, но оставлю в работе левый. Нам повезло. Этот «767» оснащен заправочным клапаном на крыле и системой вспо-

могательных силовых установок, которые...

Пронзительный крик перекрыл мерное похрустывание. Затем кто-то стремительно взбежал по трапу. Ник мгновенно занял боевую стойку. Но в проеме появилось бледное, перекошенное от ужаса лицо Бетани, и Ник опустил руки.

– Пойдемте! – выкрикнула Бетани. – Вы должны пойти со мной! – И тут же подалась назад, на трап.

Алберт и Брайан решили, что сейчас она свалится с крутых ступеней и сломает себе шею. Но Ник прыгнул вперед, схватил ее и втащил в самолет. Бетани, похоже, даже не поняла, что была на волосок от смерти. Ее темные глаза переполнял ужас.

– Пожалуйста, пойдемте! Он зарезал ее! Я думаю, она умирает!

Ник положил руки на плечи, наклонился к ней, словно хотел поцеловать.

– Кто кого зарезал? Кто умирает?

– Я... она... мистер Т-т-туми...

– Бетани, скажи «чашка».

Она изумленно вытаращилась на него. Да и Брайан смотрел на Ника как на безумца.

– Скажи «чашка». Немедленно.

– Ч-ч-чашка.

– Чашка и блюдце. Повтори, Бетани.

– Чашка и блюдце.

– Молодец. Тебе лучше?

Она кивнула.

– Да.

– Хорошо. Если будешь терять контроль над собой, немедленно скажи слово «чашка», и ты сразу придешь в норму. Итак, кого зарезали?

– Слепую девочку. Дайну.

– Дерьмо собачье! Понятно, Бетани. Только этого... – Ник увидел, как Брайан, а вслед за ним и Алберт направляются к трапу. – Нет! – бросил он. – Оставайтесь здесь!

Брайан служил во Вьетнаме и хорошо знал, как звучит приказ, требующий безусловного выполнения. Он замер как вкопанный, и Алберт, не такой дисциплинированный, ткнул-ся ему в спину. «Я это знал, – подумал Брайан. – Я знал, что он возьмет командование на себя. Вопрос был лишь – когда и при каких обстоятельствах».

– Ты знаешь, как это случилось и где сейчас наш нехороший попутчик? – спросил Ник Бетани.

– Этот парень... этот парень в красной рубашке...

– Понятно. Можешь не продолжать. – Глаза Ника горели гневом. – Эти болваны оставили его одного. Готов поспорить на мою пенсию. Что ж, больше этого не повторится. Это была последняя выходка нашего мистера Туми.

Он вновь повернулся к девушке. Бетани поникла головой и дышала часто-часто. Волосы упали на лицо.

– Она жива, Бетани? – мягко спросил Ник.

– Я... я... я...

– Чашка, Бетани.

– Чашка! – выкрикнула Бетани и подняла на него красные от слез глаза. – Я не знаю. Она была жива, когда я... вы понимаете, побежала к вам. Сейчас она, возможно, и умерла. Он ударил ее ножом в грудь. Господи, ну почему среди нас оказался псих? Разве без него мало проблем?

– И никто из вас, кому поручалось следить за ним, не имеет ни малейшего понятия, куда он убежал после нападения на Дайну, так?

Бетани закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Не ругайте ее. – Алберт обнял Бетани за талию, она положила голову ему на плечо и зарыдала еще сильнее.

Ник мягко отодвинул их в сторону.

– Если кого и надо ругать, Туз, так это меня. Мне следовало остаться с ними.

Ник повернулся к Брайану.

– Я возвращаюсь в здание аэровокзала. Ты – нет. Мистер Дженкинс абсолютно прав: наше время на исходе. Включи двигатели, но пока не трогай самолет с места. Если девочка еще жива, нам потребуется трап, чтобы поднять ее на борт. Боб, останьтесь у трапа. Туми в самолет допускать нельзя. Алберт, пойдешь со мной.

А потом он сказал то, от чего кровь застыла в жилах и у Брайана, и у Алберта, и у Боба, и у Бетани:

– Я надеюсь, что она умерла, да простит меня Бог. Ее смерть сэкономит нам время.

Но Дайна не умерла. Даже не потеряла сознания.

Лорел сняла с нее очки, чтобы вытирать пот со лба, и глаза Дайны, темно-карие, широко раскрытые, ничего не видящие, смотрели в зеленовато-синие глаза Лорел. За ее спиной плечом к плечу стояли Дон и Руди, с тревогой глядя на девочку.

– Мне очень жаль, – в пятый раз повторил Руди. – Я действительно думал, что он отключился. Отключился напрочь.

Лорел его словно не замечала.

– Как ты, Дайна? – ласково спросила она.

Лорел не хотела смотреть на рукоятку ножа, торчащую из платья, но взгляд то и дело возвращался к ней. Крови практически не было, во всяком случае, пока. Только платье чуть потемнело в том месте, где нож вошел в тело.

– Больно, – чуть слышно ответила Дайна. – Трудно дышать. И жарко.

– Все будет хорошо.

Рукоятка ножа так и притягивала взгляд Лорел. Она не могла понять, почему лезвие не пробило насквозь маленькое тельце Дайны, почему девочка до сих пор жива.

– ...отсюда, – вымолвила Дайна, скривилась, тоненькая струйка крови потекла из уголка рта, зазмеилась по щеке.

– Не надо говорить, дорогая. – Лорел смахнула мокрые от

пота кудряшки со лба Дайны.

— Мы должны выбраться *отсюда*, — настаивала Дайна тихим, едва слышным шепотом. — И не надо винить мистера Туми. Он... напуган, ничего больше. *Ими*.

Дон злобно огляделся.

— Если я найду этого мерзавца, я его так напугаю... — Его руки сжались в кулаки, на одном из пальцев блеснул тяжелый перстень. — Этот ублюдок пожалеет о том, что родился на свет Божий.

Ник влетел в ресторан в сопровождении Алберта. Протиснулся мимо Руди Уэрвика и опустился на колени рядом с Дайной. Его взгляд лишь на секунду задержался на рукоятке ножа.

— Привет, крошка. — Голос звучал весело, но глаза потемнели. — Я вижу, тебе устроили вентиляцию легких. Не волнуйся, скоро снова будешь здоровой и веселой.

Дайна чуть улыбнулась.

— Правда? — прошептала она.

Кровь вновь побежала у нее изо рта, а зубы покраснели. Лорел увидела это, и к горлу подкатила тошнота.

— Конечно. Я хочу повернуть твою голову набок. Пожалуйста, не дергайся.

— Хорошо.

Ник осторожно поворачивал голову Дайны, пока ее щека не коснулась ковра.

— Больно?

– Да, – прошептала Дайна. – Жарко. Трудно... дышать.

В голосе появились хрипы. Кровь уже текла не переставая, пачкая ковер в десяти футах от того места, где подсыхала кровь Крейга Туми.

– Тебе хочется кашлять, Дайна?

– Да... нет... не знаю.

– Старайся не кашлять. Если появится такое желание, не замечай его. И больше не говори, хорошо?

– Не... причиняйте вреда... мистеру Туми. – Чувствовалось, что Дайне это было очень важно.

– Не волнуйся, детка, его никто и пальцем не тронет. Можешь мне поверить.

– ...не могу... вам... доверять...

Ник наклонился, поцеловал ее в щеку, прошептал на ухо:

– *Можешь*, ты же знаешь, я заслуживаю доверия. А теперь лежи тихо, а мы позаботимся об остальном.

Он взглянул на Лорел:

– Вы не пытались вытащить нож?

– Я... нет. – В горле у нее стоял большой горячий комок, Лорел шумно сглотнула, отправить его вниз не удалось. – А следовало?

– Нет, иначе шансов у нее уже не было бы. Вы умеете оказывать первую помощь?

– Нет.

– Ладно, буду говорить вам, что надо делать... но сначала я должен узнать: не падаете ли вы в обморок от вида крови?

Только говорите правду.

– Кровь я видела только один раз, – ответила Лорел. – Когда мы играли в прятки с сестрой, она ударилась о дверной косяк и выбила себе два передних зуба. Тогда я в обморок не упала.

– Хорошо. Значит, не упадете и теперь. Мистер Уэрвик, принесите мне из бара полдюжины скатертей. – Ник улыбнулся девочке. – Еще минута или две, и тебе станет гораздо лучше, Дайна. Молодой доктор Хопуэлл знает, как помочь дамам, особенно если они такие юные и красивые.

У Лорел возникло неожиданное абсурдное желание протянуть руку и коснуться волос Ника.

«Что это с тобой? – одернула она себя. – Маленькая девочка умирает, а тебе вдруг захотелось знать, какие на ощупь у него волосы! Прекрати! Откуда в тебе такая дурь?

Но с другой стороны... Разве не дурью объясняется решение лететь через весь континент на встречу с человеком, адрес которого я нашла в журнале? – думала Лорел. – А чем еще можно объяснить намерение переспать с ним, если он окажется достаточно симпатичным... и если у него изо рта не будет идти плохой запах! Хватит, Лорел! Хватит!»

Да, вдруг произнес в ее голове другой голос. Ты абсолютно права, это безумие, для таких мыслей время самое неподходящее... но все-таки интересно, каков молодой доктор Хопуэлл в постели? Нежный или...

Лорел задрожала и подумала, уж не с этого ли начинается

истерический припадок.

– Они все ближе, – прошептала Дайна. – Вам надо...

Она закашлялась, большой красный пузырь вырос на губах, распался мельчайшими капельками, окропившими ей щеки. Дон Гаффни что-то пробормотал и отвернулся.

– ...торопиться, – закончила фразу девочка.

Радостная улыбка Ника ни на йоту не изменилась.

– Я знаю, – ответил он.

3

Крейг пулей проскочил зал ожидания, слетел вниз по эскалатору, в голове у него бушевала паника, на какие-то мгновения она даже заглушала похрустывание лангольеров. Никто не заметил, куда он убежал. В вестибюле первого этажа он огляделся, бросился к входным дверям и врезался в одну из них. Он забыл обо всем, в том числе и об отключенном электричестве. Фотоэлемент не работал, соответственно дверь и не открылась при его приближении.

Его отбросило назад, он упал на пол, тяжело дыша, словно вытщенная на берег рыба. Крейг лежал, пытаясь прийти в себя, остановил взгляд на своей правой руке. В сумраке она казалась лишь бледным пятном, но Крейг различал на ней темные капли: кровь маленькой девочки.

«Только это не маленькая девочка, – напомнил он себе, – совсем не девочка. Она просто выглядела как маленькая де-

вочка. А на самом деле она главный лангольер, и без нее остальные не смогут... не смогут... Не смогут что? Найти меня?»

Но теперь он вновь слышал их голодную поступь, сводящее с ума похрустывание: с востока на него словно накатывалась армия гигантских прожорливых насекомых.

Все смешалось у него в голове.

Крейг увидел маленькую дверь, ведущую наружу, поднялся, двинулся к ней. Остановился. Шоссе, несомненно, вело в Бангор. А зачем ему Бангор? *Бангор* определенно не вписывался в ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ. Он должен добраться до *Бостона*. Если он попадет туда, все образуется. И что сие должно означать? Его отец наверняка нашел бы ответ. А значит, от сына требовалось одно: ПРЕКРАТИТЬ НОСИТЬСЯ И ДЕЙСТВОВАТЬ ОСМЫСЛЕННО.

Его разум схватился за эту идею, как жертва кораблекрушения хватается за все, что оказывается под рукой, все, что держится на воде, пусть даже это будет дверь от унитаза. Если он сможет добраться до Бостона, обо всем, что произошло здесь, можно будет... можно будет...

– Забыть, – пробормотал Крейг.

От этого слова луч рационального пробил мрак в его мозгу, и голос (скорее всего голос отца) прокричал подтверждение: ДА!

Но как ему это сделать? До Бостона пешком не дойти, а на борт самолета, единственного, который мог долететь до

Бостона, они его не пустят. После того, что он сделал с их маленькой слепой любимицей.

— Но они же ничего не знают, — прошептал Крейг. — Они же не знают, какую я оказал им услугу, они не знают, кто она на самом деле. — Его глаза, огромные, влажные от слез, блеснули в темноте.

Спрячься, шепнул голос отца, спрячься в самолете.

Точно, поддакнула мать. Спрячься. Это выход, Крейги-Вейги. Опять же, если спрячешься, тебе не понадобится билет, не так ли?

Крейг посмотрел в сторону багажного транспортера. Да, по нему можно попасть на летное поле. А вдруг они выставили у самолета охрану? Пилот до этого бы не додумался: попав в кабину, он забыл бы обо всем, кроме своих приборов, но вот англичанин скорее всего об охране не забыл.

И что же теперь делать?

Если в Бангор идти бесполезно и на летное поле выходить смысла нет, что же ему делать и куда идти?

Крейг повернулся к эскалатору. Они скоро бросятся за ним в погоню, наверняка с англичанином во главе, а он стоит у всех на виду, словно стриптизерша, которая только что бросила зрителям свои трусики и пояс.

Я должен спрятаться, решил он, хотя бы на время.

Крейг услышал, как на летном поле взревели двигатели, но несколько не обеспокоился: в самолетах он кое-что понимал, поэтому знал, что без дозаправки Энглу никуда не уле-

теть. Так что пока можно не волноваться из-за того, что его оставят здесь.

Он медленно поворачивался, вглядываясь в сгущающуюся темноту, и увидел табличку на двери между пунктом проката автомобилей компании «Авис» и стойкой Бангорского туристического агентства. На табличке он прочитал: СЛУЖБЫ АЭРОПОРТА.

Означать это могло что угодно.

Крейг поспешил к двери и, тревожно оглядываясь, попытался ее открыть. Дверь открылась, стоило только чуть надавить на нее плечом. Крейг в последний раз оглянулся, ничего не увидел, переступил порог и закрыл дверь за собой.

Полная, абсолютная тьма окутала его, он ослеп. Как маленькая девочка, которую он ударил ножом. Крейг не возмущался. Темноты он не боялся, наоборот, радовался ей. Если только ты не с женщиной, в темноте можно ничего не делать. В темноте эффективность твоих действий уже не являлась основным критерием.

Более того. В закрытой комнате похрустывание лангольеров слышалось не столь отчетливо.

Крейг медленно двинулся вперед, выставив перед собой руки, не отрывая ног от пола. Три осторожных шага, и бедром он во что-то уперся. Кажется, в край стола. Крейг опустил руки. Да. Стол. Руки прошли по поверхности, находя предметы, знакомые каждому американскому «белому воротничку»: стопка бумаги, проволочная корзинка для входя-

щих и исходящих документов, баночка со скрепками, письменный прибор. Он обошел стол, опять же бедром наткнулся на кресло. Втиснулся между креслом и столом, сел. Настроение сразу улучшилось. Крейг почувствовал себя самым собой, к нему вернулись спокойствие и хладнокровие. Выдвинул верхний ящик, сунул в него руку в поисках оружия... хотя бы чего-нибудь острого. Усилия его не пропали даром: он сразу же нашел нож для вскрытия писем.

Посидел, прислушиваясь к биению сердца и приглушенному реву авиадвигателей, затем его руки нашли стопку бумаги. Крейг взял верхний листок, поднес к себе, но не увидел его белизны: такая стояла тьма.

Все правильно, Крейги-Вейги, вновь где-то в его мозгу прозвучал голос матери. Посиди в темноте. Посиди, пока не придет время действовать. Когда оно придет...

Я тебе скажу, мрачно добавил отец.

– Хорошо, – согласился Крейг. Пальцы переместились к правому торцу листка. Оторвали аккуратную длинную полоску.

Пи-и-и-и.

Разум его наполнился покоем, как бассейн – прохладной, отливающей синим водой. Он выронил невидимую полоску на невидимый стол, принялся за следующую. Все получалось как нельзя лучше. Просто отлично. Он даже начал напевать себе под нос:

– Назови меня... утренним ангелом, крош-шка...

Pu-u-un.

– Прикоснись к моей щеке, прежде чем покинешь
меня...

крош-шка...

Спокойный, умиротворенный, Крейг сидел и ждал, пока отец скажет ему, что делать дальше, точно так же, как не раз бывало в далеком детстве.

4

– Слушай внимательно, Алберт, – говорил Ник. – Мы должны переправить ее в самолет, а для этого нам понадобятся носилки. На борту их нет, но в здании аэропорта должны быть. Где?

– Мистер Хопуэлл, капитан Энгл наверняка знает это лучше...

– Но капитана Энгла здесь нет, – нетерпеливо бросил Ник. – Так что нам придется управляться самим.

Алберт нахмурился... и вспомнил табличку на двери, которую видел на первом этаже.

– Службы аэропорта? – спросил он. – Может, там?

– Скорее всего. Где ты это видел?

– Этажом ниже. Рядом с пунктом проката автомобилей.

– Хорошо, – кивнул Ник. – Теперь распределяем обязанности. Ты и мистер Гаффни разыскиваете носилки. Мистер Гаффни, я рекомендую вам осмотреть гриль за стойкой. Думаю, вы найдете там острые ножи. Я уверен, что наш нехороший приятель обзавелся своим именно там. Один возьмите для себя, один – для Алберта.

Дон молча направился к стойке. Руди Уэрвик вернулся из бара «Красный барон» с охапкой клетчатых красно-белых скатертей.

– Я очень сожалею... – начал он, но Ник тут же оборвал его.

Смотрел он на Алберта, его лицо белым пятном выделялось над скрывшимся в тени телом Дайны. Сумерки практически перешли в ночь.

– Возможно, вы не столкнетесь с мистером Туми. Я полагаю, он убежал отсюда в панике, безоружный. А сейчас или прячется в каком-нибудь чулане, или покинул здание аэропорта. Если вы его увидите, настоятельно рекомендую не приближаться к нему, если только он сам не нападет на вас. – Ник повернулся к Дону, который возвращался с двумя острыми тесаками. – Прошу четко отличать главное от второстепенного. Перед вами не ставится задача захватить мистера Туми, чтобы потом воздать ему по справедливости. Вы посланы за носилками и должны принести их как можно скорее. Потому что нам надо выметаться отсюда. И побыст-

рее.

Дон предложил Алберту нож, но юноша покачал головой, посмотрел на Руди Уэрвика и спросил:

– Могу я взять одну из скатертей?

Дон вытаращился на Алберта как на безумца.

– Скатерть? Зачем она тебе?

– Сейчас покажу.

Алберт стоял на коленях рядом с Дайной. Теперь поднялся, направился к стойке. Пошуровал за прилавком, нашел то, что искал: старенький тостер на два кусочка хлеба. Поднял его, выдернул штепсель из розетки, обернул провод вокруг корпуса, вернулся к остальным. Взял скатерть, расстелил ее на полу, положил тостер на угол. Затем дважды завернул тостер в скатерть, словно рождественский подарок. Два угла завязал в узлы, закрепив тостер внутри, взялся за оставшийся свободный угол и встал, вооруженный палицей на гибкой ручке.

– Ребенком я часто играл в Индиану Джонса, – объяснил Алберт. – Я сделал себе вот такое оружие и говорил всем, что это мой кнут. Однажды я чуть не сломал руку моему брату Дэвиду. Взял старое одеяло и завернул в него гирю. Глупо, конечно. Я понятия не имел, что удар может получиться таким сильным. Мне тогда крепко досталось от отца. Выглядит эта штука смешной, но тому, кто окажется у нее на пути, не поздоровится. Это я гарантирую.

Ник с сомнением взглянул на эту палицу, но ничего не

сказал. Если Алберт будет чувствовать себя спокойнее с то-стером, завязанным в скатерть, почему нет?

– Хорошо. А теперь найдите носилки и принесите сюда. Если их не окажется за дверью с надписью СЛУЖБЫ АЭРО-ПОРТА, поищите где-нибудь еще. Если не найдете в течение пятнадцати минут... нет, десяти, возвращайтесь, и мы перенесем ее на руках.

– На руках нельзя! – воскликнула Лорел. – Если внутреннее кровотечение...

Ник вперился в нее взглядом.

– Внутреннее кровотечение уже есть. А вот выделить на поиски носилок больше десяти минут я не могу.

Лорел открыла было рот, чтобы возразить, но ее остано-вил хриплый шепот Дайны:

– Он прав.

Дон засунул нож за пояс и сказал Алберту:

– Пошли, сынок.

Они пересекли зал ожидания, спустились на первый этаж по застывшему эскалатору. Алберт обмотал кулак свобод-ным концом скатерти.

5

Теперь Ник сосредоточил внимание на лежащей на полу девочке.

– Как ты себя чувствуешь, Дайна?

– Мне больно, – выдохнула она.

– Да, конечно, больно. И то, что я сейчас сделаю, причинит более сильную боль, но лишь на несколько секунд. Нож сидит у тебя в легком, и его обязательно надо вынуть. Ты это понимаешь?

– Да. – Темные невидящие глаза смотрели на Ника. – Я боюсь.

– Я тоже, Дайна. Я тоже боюсь. Но это надо сделать. Ты готова?

– Да.

– Молодец. – Ник поцеловал ее в щечку. – Хорошая, смелая девочка. Все произойдет быстро, обещаю. Я хочу, чтобы ты расслабилась, Дайна, и постаралась не кашлять. Ты меня поняла? Это очень важно. Постарайся не кашлять.

– Я постараюсь.

– Сначала тебе покажется, что ты не можешь дышать. Ты даже почувствуешь, что воздух выходит из тебя, как из спущенной шины. Это неприятное ощущение, дорогая, и, возможно, ты захочешь дернуться или закричать. Этого делать нельзя. И кашлять нельзя.

Ответа Дайны никто не расслышал.

Ник шумно глотнул, вытер со лба пот, повернулся к Лорел.

– Сложите две скатерти в квадратные прокладки. Как можно более толстые. Встаньте рядом со мной на колени. Чем ближе, тем лучше. Уэрвик, снимите пояс.

Ник посмотрел на Лорел. Она потупилась под его взглядом.

– Я собираюсь взяться за рукоятку и вытащить нож. Если он не зацепится за ребра, а судя по его положению, этого не произойдет, нож выйдет легко. Я сразу подамся назад, освобождая вам место. Одну из прокладок вы быстро положите ей на грудь и прижмете со всей силой. Не волнуйтесь о том, что причините ей боль или что она не сможет дышать. У Дайны перфорация легкого, а скорее всего даже две. Вот о чем надо тревожиться. Вы меня поняли?

– Да.

– После этого я сразу подниму девочку. Вы по-прежнему должны прижимать прокладку к ее груди. Мистер Уэрвик подсунет вторую прокладку ей под спину, если мы увидим кровь на спине. Потом мы затянем обе прокладки ремнем мистера Уэрвика. – Он взглянул на Руди. – Как только я попрошу, подайте ремень, приятель. Не заставляйте меня просить дважды.

– Не заставлю.

– Вам хватит света, чтобы все это увидеть, Ник? – спросила Лорел.

– Думаю, что да, – ответил Ник. – Надеюсь на это. – Он вновь посмотрел на Дайну. – Ты готова?

Дайна что-то пробормотала.

– Хорошо. – Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул. – Да поможет мне Бог.

Обеими руками взялся за рукоятку, совсем как бейсболист берется за биту. Потянул. Дайна вскрикнула. Кровь брызнула у нее изо рта и окатила лицо Лорел, склонившейся над девочкой. Лорел отпрянула.

– Нет! – рявкнул Ник, не оглядываясь. – Только посмей лишиться чувств! Только посмей!

Лорел вновь подалась вперед, дрожа всем телом. Лезвие вышло из груди. Раздался свистящий звук, словно рана засасывала воздух.

– Давай! – выдохнул Ник. – Дави! Как можно сильнее!

Лорел увидела хлынувшую из раны кровь и тут же накрыла ее прокладкой. Ткань мгновенно нагрелась и набухла у нее в руках.

– Сильнее! – рявкнул Ник. – Дави сильнее! Зажимай рану! Зажимай!

– Я не могу! – выкрикнула Лорел. – Я сломаю ей ребра, если...

– К черту ребра! Мы *должны* зажать рану!

Лорел подалась вперед, перенеся весь вес на руки. Даже через толстую прокладку она чувствовала, как кровь сочится из раны.

Англичанин отбросил нож, склонился над Дайной. Увидел, что глаза закрыты, оттянул веки.

– Наконец-то она лишилась чувств. Точно сказать не могу, глаза у нее странные, но, по-моему, лишилась. – Он отбросил со лба упавшие волосы, взглянул на Лорел. – Вы все

делали как надо. Так и продолжайте, хорошо? Я ее поднимаю. Давите с прежней силой.

– Столько крови, – простонала Лорел. – Она выживет?

– Не знаю. Главное, не ослабляйте давление. Готовы, мистер Уэрвик?

– Господи, полагаю, что да, – прохрипел Руди Уэрвик.

– Отлично. Поехали. – Ник подsunул ладонь под правую лопатку Дайны, поморщился. – Все хуже, чем я думал. Гораздо хуже. Кровь так и хлещет.

И начал медленно поднимать Дайну. Девочка застонала, изо рта у нее вновь хлынула кровь. И тут Лорел услышала, как из раны в спине барабанит по ковру кровь. Внезапно мир закачался у нее перед глазами.

– Давите сильнее! – крикнул Ник. – Придите же в себя! Лорел была уже почти в обмороке.

И лишь осознание того, что подумает о ней Ник, если она таки упадет в обморок, подвигло ее на крайнюю меру. Лорел высунула язык между зубов, как ребенок, который хочет кого-то подразнить, и с силой прикусила его. Острая боль и солоноватый вкус собственной крови вернули ее к жизни. Опасность обморока миновала.

А снизу донесся крик боли и изумления. За ним последовал хриплый вопль. И вновь громкий, пронзительный крик.

Руди и Лорел одновременно повернули головы.

– Мальчишка! – выдохнул Руди. – Мальчишка и Гаффни! Они...

– Они все-таки нашли мистера Туми. – Лицо Ника закаменело, на шее вздулись вены. – Нам остается лишь надеяться...

Снизу донесся глухой удар, затем ужасный вопль. Еще удары.

– ...что они контролируют ситуацию. Сейчас мы им ничем не можем помочь. Если мы бросим то, что делаем, эта маленькая девочка наверняка умрет.

– Но вроде бы кричал мальчишка!

– Мы бессильны помочь. Подсуньте под нее прокладку, Уэрвик. Быстро, а не то я дам вам хорошего пинка.

6

Дон первым спустился по эскалатору, на мгновение остановился, достал из кармана блестящий прямоугольный предмет.

– Моя зажигалка «Зиппо». Как думаешь, сработает?

– Не знаю, – ответил Алберт. – Может... пока лучше не пробовать. Воспользуемся ею только при необходимости. Очень хочется, чтобы зажглась. Иначе мы ничего не увидим.

– А где эти службы аэропорта?

Алберт указал на дверь, за которой несколько минут назад скрылся Крейг Туми.

– Ты думаешь, дверь не заперта?

– Есть только один способ это выяснить, – ответил Ал-

берт.

Дон направился к указанной двери с зажигалкой в правой руке. Алберт последовал за ним.

7

Крейг слышал их шаги, несомненно, слуг лангольеров. Они его не пугали. Он разобрался с той тварью, что прикидывалась маленькой девочкой, разберется и с другими. Он схватил нож для вскрытия писем, встал, выскользнул из-за стола.

– Ты думаешь, дверь не заперта?

– Есть только один способ это выяснить.

«Сейчас вы выясните и кое-что еще», – подумал Крейг. Он уже добрался до стены, нащупал рукой дверные петли и встал за открывающейся внутрь дверью. В комнате было темно, как в заднице слона. Крейг поднял нож для вскрытия писем на уровень плеча.

– Ручка не поворачивается. – Дон был в растерянности.

Крейг облегченно вздохнул... но его ждало разочарование.

– Попробуйте ее толкнуть. – Это был голос юного умника. Дверь начала открываться.

Дон переступил порог. Большим пальцем отбросил крышку зажигалки, поднял ее, крутанул колесико. Фитиль занялся с первой искры. В свете маленького факела они увидели, что помещение используется и как контора, и как кладовая. В одном углу были свалены какие-то вещи, в другом стоял ксерокс. Вдоль стен тянулись полки, на которых лежали стопки различных бланков.

Дон шагнул вперед, еще выше поднял зажигалку, указал на правую стену:

– Эй, парень! Туз! Смотри!

На стене красовался плакат, изображающий мужчину в деловом костюме, нетвердой походкой выходящего из бара и посматривающего на часы. Надпись на плакате гласила: РАБОТА – ПРОКЛЯТИЕ ПЬЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА. Рядом с плакатом к стене крепился большой пластиковый ящик с красным крестом на дверце. Под ящиком лежали складные носилки.

Но Алберт смотрел не на плакат, не на аптечку, не на носилки. Он не мог оторвать глаз от стола, занимающего середину комнаты.

На столе лежал ворох разорванной бумаги.

– Берегитесь! – крикнул Алберт. – Берегитесь, он где-то

Крейг Туми выступил из-за двери. И первым нанес удар.

9

– Пояс, – скомандовал Ник.

Руди не шевельнулся, не ответил. Он смотрел на дверь ресторана. Снизу не доносилось ни звука. Лишь снаружи накачивало похрустывание да рев работающих авиационных двигателей.

Ник пнул его в лодыжку и приказал:

– Пояс! Живо!

Руди неуклюже опустился на колени рядом с Ником, который одной рукой держал Дайну на весу, а другой прижимал к ее спине вторую прокладку.

– Подсуньте пояс под прокладку. – Ник тяжело дышал, по лицу градом катился пот. – Быстро! Я же не могу держать ее до скончания века!

Руди подсунул пояс. Ник опустил Дайну, приподнял левое плечо девочки, подсунул пояс и под него, затянул потуже, отдал конец Лорел.

– Держите крепче. С пряжкой ничего не получится. Девочка слишком маленькая, такой дырки наверняка нет.

– Вы идете вниз? – спросила Лорел.

– Да. По-моему, это и так ясно.

– Будьте осторожны. Пожалуйста, будьте осторожны.

Он неожиданно улыбнулся, белые зубы ярко сверкнули в

сгустившемся сумраке... но ее это не испугало. Даже наоборот.

— Естественно. Только этим и спасаюсь. — Он положил руку на плечо Лорел, сжал пальцы; по телу Лорел пробежала дрожь. — Вы вели себя достойно, Лорел. Спасибо вам.

И уже начал поворачиваться, чтобы уйти, когда маленькая ручонка схватила его за отворот синих джинсов. Ник увидел, что слепые глаза Дайны вновь открыты.

— Не... — начала она и тут же зашлась в кашле, капельки крови брызнули из носа.

— Дайна, тебе нельзя...

— Не... убивайте... его! — Даже в темноте Лорел видела, какими невероятными усилиями даются девочке эти слова.

Ник задумчиво смотрел на девочку.

— Этот мерзавец ударил тебя ножом. Почему ты стараешься защитить его?

Дайне удалось произнести еще несколько слов. Пусть и негромко, но отчетливо. Они все их услышали:

— Все... что я знаю... он нам понадобится. — И глаза девочки вновь закрылись.

10

Крейг глубоко вонзил нож для вскрытия писем в шею Дона Гаффни. Дон закричал и выронил зажигалку. Она упала на пол, продолжая гореть. Алберт закричал от страха, а Дона

качнуло к столу.

Крейг выхватил нож и нанес второй удар. Дон издал отчаянный вопль и повалился на стол руками вперед, сметая с него стопку бумаг, письменный прибор, проволочную корзинку для входящих и исходящих документов.

А Крейг уже обернулся к Алберту, сжимая в руке рукоятку ножа для вскрытия писем, с которого на пол капала кровь.

– Чтоб ты сдох! Мне надо в Бостон, и ты не сможешь меня остановить. Никто не сможет меня остановить!

Зажигалка погасла, и комната погрузилась в темноту.

Алберт отступил на шаг, и тут же волна теплого воздуха окатила ему лицо: Крейг нанес удар, и нож прошел через ту точку, где мгновением раньше была грудь Алберта. Юноша выставил назад свободную руку, боясь оказаться в углу, когда Крейг вновь взмахнет ножом (в слабом свете «Зиппо» Алберту показалось, что нож настоящий). Для его оружия требовалось свободное пространство. Но пальцы нащупали лишь пустоту, и он попятился в открытую дверь. Собранность и хладнокровие куда-то подевались, он не чувствовал себя самым быстрым стрелком-евреем по любую сторону Миссисипи. Туз превратился в неуклюжего подростка. Более того, испуганного подростка, который выбрал детскую игрушку вместо настоящего оружия, так как не верил, что ему придется бороться за свою жизнь, не верил, несмотря на то что собственными глазами видел, как обошелся этот лунатик с маленькой слепой девочкой. Алберт чувствовал

запах собственного пота. Чувствовал даже в этом мертвом воздухе. И пот его пах страхом.

Крейг проскользнул в дверной проем вслед за ним. С поднятой рукой, сжимающей нож для вскрытия писем.

– Я вижу тебя, сынок, – промурлыкал он. – Я как кошка вижу тебя.

И двинулся на Алберта. Тот пятился, одновременно раскачивая тостер взад-вперед и напоминая себе, что может нанести только один удар, прежде чем Туми вонзит нож ему в шею или грудь.

«А если тостер вылетит из этой чертовой скатерти до того, как ударит лунатика, я покойник», – подумал Алберт.

11

Крейг приближался, раскачиваясь из стороны в сторону, словно змея, поднимающаяся из корзины. Улыбка играла на его губах, отчего на щеках появились ямочки.

Все правильно, звучал в голове голос отца. Если ты прикончишь их одного за другим, то сможешь добраться до Бостона. ТНПЗ, Крейг, помнишь? ТНПЗ. Труд не пропадает зря.

Совершенно верно, Крейги-Вейги, добавила мать. Ты можешь это сделать и должен сделать.

– Извини, – с улыбкой пробормотал Крейг, обращаясь к побледневшему как мел юноше. – Очень сожалею, действи-

тельно сожалею, но я должен это сделать. Если бы ты взглянул на все с моей колокольни, ты бы понял.

И он стал приближаться к Алберту, подняв нож для вскрытия писем на уровень глаз.

12

Алберт быстро оглянулся, увидел, что пятится к стойке «Юнайтед эйрлайнс». Еще шаг, другой, и он при замахе заденет тостером стойку. Значит, отступать больше нельзя. Он начал все быстрее раскачивать тостер, крепко сжав потными пальцами намотанную вокруг ладони скатерть.

Крейг уловил какое-то движение в темноте, но не мог понять, что там болтается. Впрочем, особого значения это не имело. Не было у него времени обращать внимание на всякую ерунду. Он весь подобрался и бросился на Алберта.

– Я ЛЕЧУ В БОСТОН! – проорал он. – Я ЛЕЧУ В...

Глаза Алберта уже привыкли к темноте, и он заметил рывок Крейга. Поэтому его рука пошла не вперед, а назад, описав полную дугу. Тостер взлетел вверх, а сам Алберт отступил влево. Головка «палицы» со свистом прорезала воздух и, миновав высшую точку, пошла вниз, в полном соответствии с законами движения, до предела натянув рукоять-скатерть. Помог и Крейг, которого рывок вывел прямо под нисходящую дугу траектории. Тостер опустился на лоб и переносицу Крейга. Хрустнули кости.

Крейг завопил от боли, выронил нож для вскрытия писем и поднял руки к лицу. Кровь хлынула между пальцев, как вода из сорванного гидранта. Алберт пришел в ужас от содеянного, но не мог заставить себя остановиться: раненого Туми он боялся больше, чем здорового. Поэтому вновь взмахнул тостером. На этот раз удар пришелся Крейгу в грудь. С диким воплем тот повалился на спину.

В голове Алберта Туза Косснера осталась одна мысль, заглушившая слова, образы, эмоции: *Я должен сделать так, чтобы он перестал двигаться, иначе он вскочит и убьет меня. Я должен сделать так, чтобы он перестал двигаться, иначе он вскочит и убьет меня.*

По крайней мере Туми выронил оружие. Алберт наступил на него ногой и вновь взмахнул тостером. Когда последний пошел вниз, Алберт согнулся в поклоне, словно вышколенный дворецкий, встречающий члена королевской семьи. Головка «палицы» врезалась в раззявленный рот Крейга. И Алберту показалось, будто кто-то бьет стекла, завернутые в носовой платок. *Господи!* подумал юноша. *Это же его зубы.*

Крейг извивался на полу, взмахивал руками. Алберта переполнял ужас. Своей живучестью Крейг напоминал ему какое-то мерзкое и неуничтожимое насекомое.

Он ухватился за ботинок Алберта. С криком отвращения Алберт отдернул ногу с ножа для вскрытия писем, и Крейг тут же попытался его схватить. Между его глаз зияла рана. Алберта он не видел совсем: перед глазами сверкали осле-

питательные звезды. В голове гудело.

Крейг уже никому не мог причинить вреда, но Алберт этого не знал. В панике он вновь обрушил тостер на голову Крейга. Внутри тостера загремело: отвалились нагревательные элементы.

А Крейг перестал шевелиться.

Алберт стоял над ним, жадно ловя ртом воздух. Завернутый в скатерть тостер тянул его руку к земле. Потом он отошел на два шага, согнулся пополам, и его стошнило.

13

Брайан перекрестился, прежде чем снять черный пластиковый кожух с монитора бортового навигационного компьютера «Боинга-767», опасаясь, что увидит погасший экран. Пристально всмотрелся в него... и облегченно выдохнул.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГРАММА ЗАВЕРШЕНА,

высветил экран зеленовато-синими буквами. И ниже:

НОВАЯ ПРОГРАММА? Y/N

Брайан напечатал «Y», потом:

РЕВЕРС АП 29: ЛАКС/ЛОГАН

Экран на мгновение потемнел, и на нем высветилось:

ВКЛЮЧИТЬ ОТКЛОНЕНИЕ

В РЕВЕРС-ПРОГРАММУ АП 29? Y/N

Брайан напечатал «Y».

ПРОГРАММИРУЮ РЕВЕРС, —

сообщил ему экран, а меньше чем через пять секунд добавил:

ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО

— Капитан Энгл?

Брайан обернулся. В дверном проеме кабины пилотов стояла Бетани. Бледная, уставшая.

— Я сейчас занят, Бетани.

— Почему они не возвращаются?

— Не могу знать.

— Я спросила Боба... мистера Дженкинса, не видит ли он какого-нибудь движения в здании аэропорта, и он ответил, что не видит. Может, они все мертвы?

— Я уверен, что нет. Может, спустишься к нему и постоишь у трапа? Думаю, с мистером Дженкинсом тебе будет спокойнее, а у меня еще есть работа.

«По крайней мере я думаю, что есть», — добавил он про себя.

— Конечно, спущусь. Одной так страшно. — Бетани попыталась улыбнуться. — Но тогда вы останетесь в одиночестве.

— Обо мне не беспокойся. И можешь не сомневаться, они скоро вернутся.

Девушка ушла, а Брайан повернулся к монитору и напечатал:

ЕСТЬ ЛИ КАКИЕ-ЛИБО ПРОБЛЕМЫС ЭТОЙ
ПРОГРАММОЙ?

Нажал клавишу EXECUTE.

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ. БЛАГОДАРИМ ВАС
ЗА ТО, ЧТО ВЫ РЕШИЛИ ЛЕТЕТЬ РЕЙСОМ
«АМЕРИКАНСКОЙ ГОРДОСТИ».

14

Боб услышал шаги по трапу, быстро повернулся. По ступеням медленно и осторожно спускалась Бетани, но он все равно чуть не подпрыгнул от неожиданности. Доносящийся с востока звук заметно усилился.

То есть его источник приблизился.

– Привет, Бетани. Не угостишь сигаретой?

Она предложила ему пачку, взяла одну сама. Оторвала спичку от экспериментальной книжицы Алберта. Спичка легко зажглась с первой попытки.

– От них никаких сведений?

– Смотря что подразумевать под сведениями, – уклончиво ответил Боб. – Вроде бы я слышал крики перед тем, как ты спустилась вниз.

На самом деле он слышал не крики, а жуткие вопли, возможно, вызванные дикой болью, но счел возможным опустить подробности. Девушка и так испугана, и потом, Боб

видел, что она прониклась к Алберту нежными чувствами.

– Я надеюсь, что с Дайной все будет в порядке, – вздохнула Бетани, – но уверенности у меня нет. Рана тяжелая.

– Ты видела капитана?

– Он, можно сказать, меня выгнал. Как мне показалось, он программирует компьютер.

Боб Дженкинс кивнул:

– Я на это надеюсь.

Разговор завял. Оба смотрели на восток. К похрустыванию добавился новый звук. Более резкий, пронзительный. Механический звук. Боб подумал об автоматической коробке передач, в которую забыли долить масло.

– Звук приближается, не так ли?

Боб неохотно кивнул. Затянулся, и красный огонек на мгновение вырвал из темноты его усталые, испуганные глаза.

– Что же это такое, мистер Дженкинс?

Он покачал головой:

– Девочка моя, я очень надеюсь, что этого мы никогда не узнаем.

15

Спускаясь по эскалатору, Ник заметил кого-то, согнувшегося чуть ли не пополам, у стены с незвонящими телефонами. Определить, Алберт это или Крейг Туми, не представлялось возможным. Англичанин сунул руку в правый карман

джинсов, достал пару четвертаков. Сжал правую руку в кулак и вставил четвертаки между пальцами, соорудив некое подобие кастета. И двинулся вниз.

Фигура у телефонов выпрямилась при приближении Ника.

– Не наступите на блевотину, – пробормотал Алберт.

Ник вернул четвертаки в карман. От блевотины поднимался острый, резкий запах. На него накладывался не менее сильный запах страха, исходивший от юноши. Эти запахи Ник знал как по Фолклендам, так и по Северной Ирландии. Он обнял выпрямившегося Алберта за плечи:

– Где они, Туз? Гаффни и Туми, где они?

– Мистер Туми там. – Он указал на неподвижное тело, расprostертое на полу. – Мистер Гаффни за дверью с табличкой «Службы аэропорта». Я думаю, они мертвы. Мистер Туми прятался в той комнате. Когда мы зашли, он притаился за дверью. И убил мистера Гаффни, потому что тот вошел первым. Если бы первым вошел я, он бы убил меня.

Алберт шумно сглотнул слюну.

– Потом я убил мистера Туми. Пришлось убить. Он бросился на меня, понимаете? Где-то раздобыл нож и бросился на меня.

Говорил он тоном, который кто-то мог бы назвать безразличным, но Ник прекрасно понимал, в чем дело. И на лице Алберта он увидел совсем не безразличие, а шок.

– Ты сможешь совладать с нервами, Туз? – мягко спросил

Ник.

– Не знаю. Я ни-ни-никогда ни-никого не убивал, и... – Алберт всхлипнул.

– Понятное дело. Ужасно, конечно, но можно пережить. Я знаю. И ты должен это пережить, Туз. Понятия не имею, когда мы сможем уснуть, но для психотерапии времени сейчас точно нет. Звук все громче.

Он оставил Алберта, направился к распростертому на полу телу, склонился над ним. Крейг Туми лежал на боку, одна рука прикрывала лицо. Ник перекатил его на спину и присвистнул. В Туми еще теплилась жизнь, слышалось его тяжелое, с присвистом дыхание, но Ник мог поставить последний фунт со своего банковского счета, что жить Туми осталось совсем недолго. Носа как не бывало, вместо рта зияла кровавая каверна с остатками зубов. Посреди лба красовалась приличных размеров вмятина, свидетельствующая о том, что Алберт несколько изменил конфигурацию черепа Туми.

– И все это он сделал *тостером*? – прошептал Ник. – Иисус и Мария, Том, Дик и Гарри! – И выпрямился. – Туз, он не умер.

– Неужели? – спросил Алберт, не сходя с места.

– Послушай сам. Он без сознания, но дышит. – «Хотя скоро и перестанет», – отметил Ник про себя. – Давай проверим, как там мистер Гаффни. Может, ему тоже повезло. А что ты можешь сказать насчет носилок?

– А? – переспросил Алберт, словно Ник обратился к нему на иностранном языке.

– Насчет носилок, – терпеливо повторил Ник, когда они двинулись к комнате, отданной службам аэропорта.

– Мы их нашли.

– Правда? Потрясающе!

Алберт зашел в комнату первым.

– Одну минуту. – Он присел, пошарил руками по полу, быстро нашел зажигалку Дона. Еще теплую на ощупь. Встал. – Мистер Гаффни, думаю, на столе или около него.

Алберт поднял зажигалку, несколько раз крутанул колесико. С пятой попытки фитиль занялся и горел три или четыре секунды. Этого было достаточно. Дон Гаффни лежал рядом со столом, на спине, с открытыми глазами, на лице его застыло изумление. Ему совсем не повезло.

– Как получилось, что Туми не зарезал и тебя? – спросил Ник.

– Я знал, что он здесь. Еще до того, как он напал на мистера Гаффни.

Голос Алберта еще подрагивал, но он уже чувствовал себя увереннее; особенно после того как увидел, что случилось с бедным мистером Гаффни.

– Ты его слышал?

– Нет, я увидел на столе горку бумажных полосок.

– И хорошо, что увидел. – Ник положил руку на плечо Алберта. – Ты заслуживаешь того, чтобы жить, дружище. Ты

заработал это право. Понимаешь?

– Стараюсь понять.

– Постарайся, старичок. Тогда тебе гораздо реже будут сниться кошмары. Можешь мне поверить, уж я-то знаю, что говорю.

Алберт кивнул.

– Держи хвост пистолетом, Туз. Как бы то ни было, держи хвост пистолетом, и все окончится как надо.

– Мистер Хопуэлл!

– Да.

– Вас не затруднит больше не называть меня так? Я... – У Алберта перехватило дыхание, он откашлялся. – Не нравится мне больше это прозвище.

16

Тридцать секунд спустя они вышли из темной пещеры, именуемой «Службами аэропорта». Ник нес носилки. У телефонов-автоматов он передал носилки Алберту, который молча их взял. Скатерть лежала на полу в пяти футах от Ту-ми, который все еще дышал.

Времени в обрез, время истекало, но Ник не мог не посмотреть на орудие убийства. Должен был посмотреть.

Он вывернул скатерть, достал тостер. Один из нагревательных элементов застрял в щели, второй выпал на пол. Диск таймера и рычажок, которым опускали ломтики хлеба,

отвалились. Один угол тостера прогнулся. На левой стороне появилась глубокая вмятина.

«Эта часть «поцеловалась» с нюхалкой мистера Туми, – подумал Ник. – Потрясающе!» Он потряхнул тостер, прислушиваясь к звяканью отлетевших деталей.

– Тостер. – В голосе Ника сквозило восхищение. – У меня есть друзья, Алберт, настоящие профессионалы, которые этому не поверят. Мне самому едва верится. Это же надо... тостер!

Алберт отвернулся.

– Выбросьте его. – Он осип. – Не могу на него смотреть.

Ник отбросил тостер, хлопнул юношу по плечу:

– Тащи носилки наверх. Я тебя догоню.

– А что вы собираетесь делать?

– Хочу посмотреть, нет ли в той комнате еще чего полезного.

Алберт всмотрелся в Ника, но в темноте не мог разглядеть выражения его лица.

– Я вам не верю.

– Не хочешь, не верь. – Голос Ника звучал до странного мягко. – Иди, Туз... я хочу сказать, Алберт. Я тебя догоню. И не оглядывайся.

Алберт еще мгновение сверлил его взглядом, а потом начал подниматься по эскалатору с опущенной головой. Он ни разу не оглянулся.

Ник подождал, пока юноша растворится в темноте. Потом вернулся к Крейгу Туми, присел на корточки. Туми еще не пришел в себя, но дыхание его стало более регулярным. Ник даже предположил, что одна или две недели квалифицированного лечения в больнице могли бы поставить Туми на ноги. Во всяком случае, он уже доказал, что голова у него необычайно крепкая.

«Жаль, что мозги в ней оказались такими мягкими», – подумал Ник. Он потянулся к Туми, намереваясь одной рукой закрыть рот, а другой – нос. Минута-полторы, и они больше не будут нервничать из-за Туми. Другие могли бы прийти в ужас, расценив это деяние как хладнокровное убийство, но Ник видел в этом гарантии безопасности, ничего больше. Один раз они поверили, что Туми без сознания, и мистер Гаффни заплатил за это своей жизнью, а Дайна оказалась на грани смерти. Какой смысл вновь наступать на те же грабли?

И вот еще о чем думал Ник: *Если оставить Туми в живых, какая ему будет уготована судьба? Одиночество в мертвом мире? Возможность дышать стерильным воздухом под недвижимыми облаками? Шанс встретиться с тем, что надвигалось с востока... А что могло надвигаться с таким звуком? Возможно, армия гигантских муравьев?*

Нет, зачем ему такая судьба? Тем более что смерть бу-

дет безболезненной.

– Такой легкой смерти этот мерзавец и не заслужил, – про-
бурчал Ник, но руки его застыли над лицом Туми.

Ему вспомнилась маленькая девочка, уставившаяся на
него темными незрячими глазами.

Не убивайте его!

Не просьба – скорее приказ. Она исчерпала свои послед-
ние резервы, чтобы отдать ему этот приказ.

Все, что я знаю... он нам понадобится.

ПОЧЕМУ СЛЕПОЙ РЕБЕНОК ТАК ЗАЩИЩАЕТ ЕГО?

Ник еще немного посидел, вглядываясь в изуродованное
лицо Крейга Туми. И тут его позвал Руди Уэрвик:

– Мистер Хопуэлл! Ник! Вы идете?

– Уже бегу! – обернувшись, крикнул он.

Вновь потянулся к Туми и вновь остановился на полпути,
вспомнив глаза девочки.

Он нам понадобится.

Ник встал, так и не прикоснувшись к Крейгу Туми.

– Бегу, – повторил он и взлетел по эскалатору.

Глава 8

Заправка. Слабый свет зари. Приход лангольеров. Утренний ангел. Чистильщики вечности. Взлет

1

Бетани отбросила ставшую безвкусной сигарету и уже поднималась по трапу, когда Боб Дженкинс закричал:

– Кажется, они выходят!

Бетани повернулась и скатилась вниз. Несколько теней появились у багажного транспортера. Боб и Бетани побежали им навстречу.

Дайна лежала на носилках. По транспортеру Руди и Ник тащили их, не поднимаясь с колен. Бетани слышала тяжелое дыхание лысого мужчины.

– Давайте я вам помогу, – обратилась она, когда они сняли носилки с транспортера, и Руди с готовностью уступил ей свое место.

– Только старайся не трясти ее, – предупредил Ник. – Алберт, подстраховывай Бетани. Поможешь, когда мы будем поднимать носилки по трапу. Сильно наклонять их нельзя.

– Как она? – спросила Бетани Алберта.

– Плоха. Без сознания, но еще жива. Это все, что я могу сказать.

– А где Гаффни и Туми? – спросил Боб. Ему пришлось возвысить голос: похрустывание набирало силу.

– Гаффни мертв, Туми скорее всего тоже, – ответил Ник. – Сейчас для объяснений нет времени. – Он остановился у трапа. – Поднимайте ваш край.

По трапу они поднимались медленно и осторожно. Ник – спиной вперед, как можно ниже опустив свой край. Алберт и Бетани подняли ручки на уровень головы и поднимались по узкому трапу, то и дело соприкасаясь бедрами. Боб, Руди и Лорел следовали за ними. После возвращения Алберта и Ника Лорел лишь раз открыла рот: спросила, умер ли Туми. Когда Ник ответил, что нет, она пристально посмотрела на него, а потом облегченно выдохнула.

Ник поднялся на верхнюю площадку трапа, и Брайан помог занести носилки в самолет.

– Я хочу положить ее в салоне первого класса, – повернулся к нему Ник. – Так, чтобы голова была выше ног. Можно?

– Конечно. Закрепим носилки ремнями безопасности. Заносите в салон.

– Хорошо, – кивнул Ник, взглянул на Алберта и Бетани. – Поехали. Вы просто молодцы.

При свете кровавые пятна на щеках и подбородке Дайны ярко выделялись на фоне желтовато-бледной кожи. Глаза девочка не открывала. Под ремнем (Ник все-таки продавил в нем новую дырку, далеко от остальных) прокладки стали темно-красными от пропитавшей их крови. Брайан слышал

ее булькающее дыхание.

– Она совсем плоха, да? – прошептал он.

– Задето легкое, а не сердце, но она потеряла столько крови... да, дело плохо.

– Не доживет до нашего возвращения?

– Откуда мне знать? – Неожиданно англичанин сорвался на крик: – Я солдат, а не гребаный костоправ!

Остальные замерли, уставившись на него. Лорел почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок.

– Извините, – пробормотал Ник. – Путешествия во времени действуют на нервы, не так ли? Прошу меня извинить.

– Извиняться не за что. – Лорел коснулась его руки. – Мы все едва держимся.

Ник улыбнулся:

– Вы прелесть, Лорел, в этом нет никаких сомнений. Давайте устроим ее, а потом посмотрим, что надо сделать для того, чтобы убраться отсюда к чертовой матери.

2

Пять минут спустя носилки с Дайной привязали к двум креслам салона первого класса под небольшим углом: голова выше ног. Все пассажиры столпились вокруг Брайана на пятачке служебной зоны салона.

– Нам надо заправить самолет, – начал Брайан. – Сейчас я запущу второй двигатель и подгоню наш «боинг» к «727»,

который стоит у посадочного рукава. – Он указал на самолет авиакомпании «Дельта», серой тенью маячивший в темноте. – Поскольку у нашего самолета крыло расположено выше, я смогу положить правое крыло на левое «727». Пока я буду этим заниматься, четверо мужчин должны подкатить заправочную тележку, она находится у второго посадочного рукава. Я ее заметил до того, как стемнело.

– Может, разбудить Спящую Красавицу, чтобы он помог? – спросил Боб.

Брайан на мгновение задумался, покачал головой.

– Чего нам сейчас не хватает, так это еще одного испуганного, ничего не понимающего пассажира, да еще с жуткого похмелья. Опять же, его помощь нам ни к чему. Двое мужчин без труда перекачают тележку куда надо. Я видел, как это делается. Главное – поставить ручку коробки передач в нейтральное положение. Тележку надо подвезти под крылья. Это понятно?

Все кивнули. Брайан оглядел всех, отметил, что Руди и Бетани совсем выдохлись, когда тащили носилки.

– Ник, Боб и Алберт. Будете толкать тележку. Лорел сядет за руль. Вопрос решен?

Они кивнули.

– Тогда за дело. Бетани! Мистер Уэрвик! Спускайтесь вниз со всеми. Откатите трап от самолета, а когда я поставлю его рядом с «727», подкатите его к крыльям. Не к люку, а к крыльям. Понятно?

Они кивнули. Брайан увидел, что впервые после посадки здесь глаза у всех чистые и ясные. «Естественно, – подумал он. – Теперь у них есть дело. Как и у меня, слава Богу».

3

Когда они подходили к заправочной тележке, притулившейся у посадочного рукава, Лорел с изумлением поняла, что видит ее.

– Господи! – воскликнула она. – Уже рассвет. Сколько же длилась ночь?

– По моим часам, меньше сорока минут, – ответил Боб, – но у меня такое ощущение, что доверять им нельзя. И вообще время здесь, похоже, ничего не значит.

– А что будет с мистером Туми? – спросила Лорел.

Они подошли к тележке. Точнее, к маленькому автомобильчику с баком вместо багажника, открытой кабиной и двумя черными свернутыми шлангами по бокам. Ник взял Лорел за талию, развернул девушку к себе. На мгновение она подумала, что Ник хочет ее поцеловать, почувствовала, как учащенно забилось сердце.

– Я не знаю, что с ним будет. Могу сказать лишь одно: в решающий момент я поступил так, как просила Дайна. Оставил его на полу. Без сознания, но живого. Ясно?

– Нет. – Голос ее чуть дрожал. – Но я думаю, вы поступили правильно.

Ник улыбнулся, кивнул, его пальцы сжали талию Лорел.

– Вы пообедаете со мной после возвращения в Лос-Анджелес?

– Да, – без запинки ответила она. – Буду с нетерпением ждать этого торжественного момента.

Ник снова кивнул.

– Я тоже. Но мы останемся без обеда, если не заправим самолет. – Он посмотрел на открытую кабину. – Вы сможете найти нейтральную передачу?

Лорел с опаской взглянула на торчащую в полу ручку переключения скоростей.

– В моей машине автоматическая коробка.

– Я найду. – Алберт прыгнул за руль, склонился над ручкой, вглядываясь в диаграмму на набалдашнике.

За их спинами взревел второй двигатель, потом оба прибавили в мощности. Ревели они очень громко, но Лорел не имела ничего против. Потому что они заглушали другой звук, накатывающий с востока, сводящий с ума. И ее так и подмывало вновь взглянуть на Ника. Неужели он и впрямь пригласил ее на обед? Она не могла в это поверить.

Алберт выжал сцепление, поставил ручку в нужное положение, подергал ее взад-вперед, вправо-влево.

– Готово. Садитесь, Лорел. Вам остается только рулить.

– Хорошо.

Она нервно оглянулась на трех мужчин, пристроившихся к тележке сзади и уперевшихся руками в бак. Ник занял ме-

сто посередине.

– Готовы? – спросил он.

Алберт и Боб кивнули.

– Отлично. Толкаем.

Боб уже собрался вложить в толчок всю силу, моля Бога, чтобы у него вновь не заболела спина (последние десять лет его мучил радикулит), но тележка с удивительной легкостью сдвинулась с места. Лорел, вцепившись в большущий руль, направляла движение. Описав полукруг на сером бетоне, желтая тележка покатила к «767», занимавшему позицию справа от самолета авиакомпании «Дельта».

– Как же разительно отличаются самолеты, – отметил Боб.

– Точно, – согласился Ник. – Ты был прав, Алберт. Мы, возможно, ушли из настоящего, но каким-то чудом этот самолет все еще остается его частью.

– И *мы* тоже, – добавил Алберт. – Во всяком случае, пока.

Двигатели «767» смолкли, лишь мерно гудели вспомогательные силовые установки, все четыре. Но они не могли перекрыть звук, доносящийся с востока. Он прибавил не только в мощности, усложнился, размножился. Вся эта какофония казалась теперь на удивление знакомой.

«Прямо-таки стадо жующих коров, – подумала Лорел, дрожа всем телом. – Вот на что это похоже. Словно записали звуки, издаваемые жующими коровами, и многократно их усилили».

Паника, которую Лорел уже была не в состоянии контро-

лировать, захлестнула ее рассудок.

– Может, мы сможем с этим бороться, если увидим, что нам противостоит? – предположил Боб, когда тележка вновь сдвинулась с места.

Алберт взглянул на писателя и выдохнул:

– Это вряд ли.

4

Брайан выглянул из люка, подал знак Бетани и Руди, чтобы те подкатили к нему трап. Перешел на верхнюю площадку и указал на крылья двух самолетов, зависшие одно над другим. Пока они везли его, Брайан прислушивался к приближающемуся звуку и неожиданно вспомнил фильм, который видел давным-давно. В этом фильме Чарлтону Хестону принадлежала большая плантация в Южной Америке. На плантацию напали муравьи, полчища муравьев, сжиравших все на своем пути: траву, деревья, дома, коров, людей. Как же назывался этот фильм? Название на ум не приходило. Вспомнились лишь ухищрения, к которым прибегал Чарлтон, чтобы остановить муравьев или хотя бы замедлить их продвижение. В конце концов ему удалось победить? Это Брайан тоже забыл, потому что воспоминание о фильме перекрыло другое воспоминание – красная надпись из недавно приснившегося кошмара:

ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД

– Стойте! – крикнул он Бетани и Руди.

Они остановили трап. Брайан осторожно спускался вниз, пока его голова не оказалась на одном уровне с нижней поверхностью «727». Как в «767», так и в «727» заправка производилась через один клапан, расположенный на левом крыле. Так что сейчас Брайан смотрел на небольшой квадратный люк с красными надписями: ДОСТУП К ТОПЛИВНОМУ БАКУ и ПЕРЕД ЗАПРАВКОЙ ПРОВЕРИТЬ ОТСЕЧНОЙ КЛАПАН. А какой-то шутник присобачил к люку желтую наклейку с улыбающейся рожицей.

Алберт, Боб и Ник поставили заправочную тележку под крылом и теперь, задрав головы, смотрели на Брайана, ожидая дальнейших указаний. Их лица серыми пятнами выделялись в окружающем сумраке. Брайан наклонился вниз.

– Там два шланга, по одному с каждого бока! – крикнул он Нику. – Мне нужен короткий!

Ник раскрутил шланг, протянул конец Брайану. Держа шланг и цепляясь за поручень одной рукой, Брайан подлез под крыло и открыл люк. Внутри увидел вилочную часть соединения с торчащим стальным штырем. Хотел подобраться к нему поближе, поскользнулся... и чуть не упал.

– Подожди, дружище. – Ник поднялся по трапу. – Помощь идет. – Он остановился тремя ступеньками ниже и ухватил Брайана за пояс. – Только я попрошу тебя об одном одолжении, хорошо?

– Каком?

– Не порть воздух.

– Я постараюсь, но обещать не могу.

Брайан вновь посмотрел вниз. Руди и Бетани уже стояли рядом с Бобом и Албертом.

– Отойдите в сторону, а не то вас окатит топливом! – крикнул он. – Вдруг отсечной клапан потечет. – «А возможно, в баках нет ни капли», – тут же подумал Брайан.

Он вновь потянулся к заправочному клапану, на этот раз обеими руками, потому что Ник крепко держал его. Вставил розеточную часть соединителя в вилочную, надавил. Брызнул керосин, чему Брайан только порадовался, раздался металлический щелчок, и Брайан повернул шланг на четверть оборота, жестко зафиксировав его. Послушал, как топливо течет вниз по шлангу и заливает установленный на тележке бак. Дальше его не пускал закрытый вентиль.

– Отлично. – Брайан схватился за поручень трапа. – Пока все хорошо.

– Что теперь, дружище? Как мы подключим тележку? От самолета?

– Сомневаюсь, чтобы нам это удалось, даже если бы мы знали, где найти соединительные кабели. Да и необходимости в этом нет. Тележка служит только для транспортировки и фильтрации топлива. Для перекачки я задействую вспомогательные силовые установки нашего самолета. Отсосу топливо из «727» точно так же, как соломинкой отсасывают ли-

монад из стакана.

– И сколько на это уйдет времени?

– При оптимальных условиях, то есть при перекачке топлива с помощью наземного насоса, в минуту закачивается две тысячи фунтов. У нас ситуация другая. Я никогда не перекачивал топливо с помощью ВСУ. Как минимум час. Может, два.

Ник с тревогой взглянул на восток и заговорил, понизив голос:

– Сделай одолжение, дружище... не говори об этом остальным.

– Почему?

– Я не думаю, что у нас *есть* два часа. Возможно, нет даже ни одного.

5

Оставшаяся одна в салоне первого класса, Дайна Кэтрин Беллман открыла глаза.

И УВИДЕЛА.

– Крейг, – прошептала она.

6

Крейг.

Он не хотел слышать свое имя. Он хотел, чтобы его оставили в покое. Он больше не хотел слышать свое имя. Когда люди называли его по имени, всегда случалось что-то плохое. Всегда.

Крейг! Поднимайся, Крейг!

Нет. Он не встанет. Голова его превратилась в большой пчелиный улей. В каждом медовом соте, в каждой ячейке, в каждой его клетке урчала и ворочалась боль.

«В голову залетели пчелы. Пчелы решили, что я мертв. Вот они и превратили череп в улей. А теперь... теперь... Они чувствуют мои мысли и пытаются зажалить их насмерть», – подумал Крейг и застонал. Жалобно и протяжно. Его залитые кровью пальцы разжались и сжались вновь.

«Позвольте мне умереть, – мысленно взмолился он, – пожалуйста, позвольте мне умереть».

Крейг, ты должен встать! Немедленно!

Голос его отца, единственный голос, которому он ни в чем не мог отказать. Но теперь он ему откажет. Теперь он его изгонит.

– Уходи, – прохрипел он. – Я тебя ненавижу. Уходи.

Боль озарила мозг яркой вспышкой. Тучи пчел, яростных, жалящих, слетались на свет.

«Позвольте мне умереть, – думал Крейг. – Пожалуйста, позвольте мне умереть. Это ад. Я попал в пчелиный ад».

Вставай, Крейги-Вейги. Это твой день рождения, и знаешь, что я тебе скажу? Как только ты встанешь, один че-

ловек даст тебе пчелу и ударит по голове... потому что ЭТОТ удар предназначается только тебе!

– Нет, – прошептал Крейг. – Не надо меня больше бить.

Его руки елозили по ковру. Он попытался открыть глаза, но пленка запекшейся крови не давала разлепить веки.

– Ты умерла. Вы оба умерли. Ты не можешь бить меня и указывать, что мне делать. Вы оба умерли, и я тоже хочу умереть.

Но он не умер. Откуда-то, перекрывая голоса призраков, доносился рев авиационных двигателей... и еще какой-то звук. То шли лангольеры. Или бежали.

Крейг, вставай. Ты должен встать.

Он понял, что этот голос не принадлежит ни матери, ни отцу. Его бедный избитый рассудок пытался одурачить самого себя. Этот голос доносился из... из...

(свыше?)

из какого-то другого места, светлого, красивого места, где боль – миф, а стресс – досужая фантазия.

Крейг, они идут к тебе... те люди, с которыми ты хотел встретиться. Они покинули Бостон и приехали сюда. Вот как важна для них встреча с тобой. Не уппусти своего шанса, Крейг. Ты можешь успеть. У тебя есть время, чтобы вручить им все бумаги и покинуть армию своего отца... если, конечно, тебе достанет мужества.

«Если тебе достанет мужества», – повторил он про себя последнюю фразу.

– Мужества? – вырвалось у него. – Мужества? Кто бы ты ни был, *незачем* унижать меня.

Он вновь попытался раскрыть глаза. Корочка крови, сцелившая ресницы, чуть треснула, но глаза так и не раскрылись. Крейгу удалось поднести к лицу одну руку. Случайно он задел остатки носа и зашелся в крике. В голове зазвучали горны, жужжали пчелы. Он подождал, пока боль немного утихнет, потом двумя пальцами разодрал веки сначала на одном глазу, потом на другом.

Перед глазами встала белая стена.

Медленно, очень медленно он поднял голову.

Стена поблекла, и Крейг увидел *ее*.

Окруженную сиянием.

Ту самую маленькую девочку, но уже без черных очков. Она смотрела на него добрыми глазами.

Ну же, Крейг. Вставай. Я знаю, это трудно, но ты должен встать... должен. Потому что они уже здесь, они ждут... но они не смогут ждать вечно. Лангольеры за этим проследят.

Теперь он видел: девочка стояла не на полу. Ее туфельки отделялись от пола на дюйм или два, она купалась в окружающем ее сиянии.

Ну же, Крейг. Вставай.

Он начал подниматься. С невероятным трудом. Голова так и грозила отвалиться, и в ней жужжали злые пчелы. Дважды он падал на пол, но поднимался вновь, зачарованный

образом девочки с добрыми глазами и обещанием навсегда освободить его от отца.

Они ждут, Крейг. Тебя. Они ждут тебя.

7

Дайна лежала на носилках, ее незрячие глаза, казалось, видели, как Крейг поднялся на одно колено, повалился набок, снова начал подниматься. Ее сердце сжимала боль за этого тяжело раненного, страдающего мужчину, эту рыбу, одержимую жаждой смерти, мечтающую только о том, чтобы взорваться. На его изувеченном лице читались страх, надежда и нечеловеческая решимость.

«Я очень сожалею, что приходится так поступать, мистер Туми, – думала она. – Очень сожалею. Но вы нам нужны».

И она воззвала к нему вновь со своего смертного одра:

Быстрее, Крейг. Быстрее! Они ждут тебя. Они тебя ждут!

8

Длинный шланг протянули под фюзеляжем «767», подсоединили к заправочному клапану на левом крыле. Брайан вернулся в кабину пилотов, закольцевал ВСУ и начал выкачивать топливо из баков самолета авиакомпании «Дельта».

Наблюдая за тем, как стрелка уровнемера правого бака медленно ползет к цифре 24 тысячи, он с тревогой ждал того момента, когда ВСУ начнут чихать и кашлять в попытке продолжить работу на топливе, которое не горит.

В правый бак налилось уже 8 тысяч фунтов керосина, когда мерное гудение маленьких реактивных двигателей, установленных в хвостовой части самолета, изменилось, стало натужным.

– Что происходит, дружище? – спросил Ник.

Он вновь сидел в кресле второго пилота. Волосы его растрепались, чистенькая, отглаженная рубашка покрылась потеками крови, грязи, масла.

– ВСУ пробуют на вкус топливо из «727», и оно им не нравится. Я надеюсь, что магия Алберта сработает, но гарантировать ничего не могу.

В правый бак залилось 9 тысяч фунтов топлива, и первая ВСУ отключилась. На приборном щитке зажглась красная табличка «ВЫКЛЮЧЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ». Брайан щелкнул тумблером.

– И что нам теперь делать? – Ник встал, подошел к Брайану, навис над его плечом.

– Использовать три ВСУ для подачи электроэнергии на насосы и надеяться на лучшее, – ответил Брайан.

Вторая ВСУ выключилась через тридцать секунд, не успел Брайан протянуть руку к тумблеру, выключилась и третья. С ней погасло и освещение кабины. Светился лишь

приборный щиток. Последняя ВСУ то взывала, то затихала, сотрясая весь самолет.

– Я выключаю все ВСУ. – У Брайана сел голос. – Придется подождать, пока топливо с «727» перейдет в наш временной ритм или как там это называется. Колебательный режим работы недопустим. Такие скачки напряжения могут вывести из строя навигационный компьютер.

И Брайан уже взялся за тумблер, когда последняя ВСУ вновь мерно загудела. Он посмотрел на Ника, не веря своим ушам. А лицо Ника медленно расплывалось в широкой улыбке.

– Похоже, удача нас не оставила, дружище.

Брайан перекрестил пальцы на обеих руках, потряс ими в воздухе.

– Надеюсь на это. – И вновь включил ВСУ номер один, три и четыре.

Они плавно вошли в работу. Вновь вспыхнуло освещение кабины. Ник издал победный вопль и хлопнул Брайана по спине.

В дверном проеме возникла Бетани.

– Что происходит? Все в порядке?

– Думаю, да, – не поворачиваясь, ответил Брайан. – Но мы висели на волоске.

Крейг сумел-таки встать. Сияющая девочка зависла теперь над багажным транспортером. Смотрела на него, и в ее взгляде читалась удивительная нежность и что-то еще... что-то такое, о чем он мечтал всю жизнь. Что же?

Не сразу, но Крейг понял, что именно увидел в ее взгляде. Сострадание.

Сострадание и понимание.

Крейг огляделся. Темнота сменялась светом. Неужели пролежал без сознания всю ночь? Он об этом и не подозревал. Впрочем, это не имело значения. Главное заключалось в том, что девочка привела их к *нему*, банкиров, специалистов по государственным облигациям, брокеров. Они прибыли, они хотят услышать объяснения Крейги-Вейги, Туми-Вуми, они хотят познакомиться с его *фокусами*! А фокусов этих у него предостаточно. Их у него тысячи, миллионы. И когда он им все это расскажет...

– Им придется отпустить меня... не так ли?

Да, ответила девочка, но тебе надо спешить, Крейг. Ты должен появиться перед ними до того, как им надоест ждать и они уйдут.

Крейг двинулся к транспортеру. Ноги девочки не шевелились, но при его приближении она, словно мираж, отдалялась к листам резины, отделявшим зону выдачи багажа от

разгрузочной площадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.